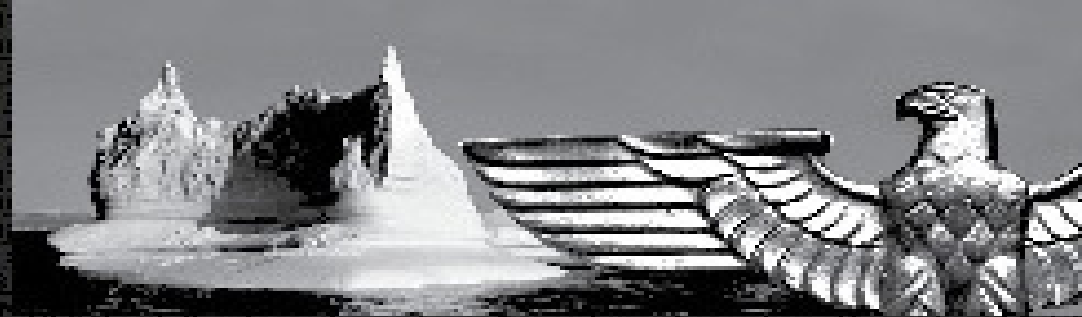

НЕВЕРОЯТНАЯ
ИСТОРИЯ
XX ВЕКА

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

ОПЕРАЦИЯ

“АНТАРКТИДА”

БИТВА

ЗА ЮЖНЫЙ

ПОЛЮС

Annotation

В новой книге Ольги Грейгъ автор раскрывает тему борьбы советской разведки со спецслужбами зарубежных стран за контроль над шестым континентом – Антарктидой. Читатель узнает многое из того, что сильные мира сего не предназначали для слуха простых людей. После прочтения этой книги тайное, скрытое во глубине партийных и государственных архивов, станет, наконец, явным. Организация научного исследования шестого континента всегда шла рука об руку с устройством военных баз и постройкой настоящих городов в толще антарктического льда. Более того, Антарктида стала местом встречи человечества с внеземным разумом, но информация об этом была тут же засекречена. И только теперь, спустя много десятилетий, читатель может узнать правду о тех событиях – благодаря собранному автором крупицам истины.

- [Ольга Грейгъ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
-

Ольга Грейгъ

**Операция «Антарктида», или Битва за
Южный полюс**

Глава 1

Любая крупная авантюра должна иметь тайну. Но тайну очевидную, громкую, скандальную. Для этого и существуют средства массовой информации, сосредоточенные в руках главных мировых авантюристов. Вброшенная в СМИ со слов «одного высокопоставленного чиновника, пожелавшего остаться инкогнито», или как очередной *экслюзив* открытая всему миру тайна легко затмевает скрытую ото всех авантюру. О, как мельчает фигура Шекспира на фоне первополосных материалов, нарекающих кого героем, кого злодеем, кого пророком наступающих бедствий; как растворяется до микрофигуры сей драматург за спиной Невидимого, Неизвестного Мастера небывалых постановок, влияющих на судьбы всего человечества, а то даже и Галактики (!)... Да, прав был сказавший, что в печатной краске поселился дьявол.

Не об этом ли рассуждал, сидя в скверике на Ластовой площади города Севастополя, капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов? Несколько месяцев назад он вернулся из очередной командировки, с очередного задания, где чуть было не погиб от рук вьетконговцев. После изощренных пыток его обессиленное и окровавленное тело бросили в Меконг, на съедение крокодилам. Но он выжил. Он вышел на связь и его самолетом доставили домой. Длительное лечение, двухмесячная реабилитация в сочинском санатории, и еще две недели отпуска в любимом городе, бывшим по тем временам «закрытым». Его пребывание в Севастополе заканчивается, пора возвращаться в Москву, он – в мыслях оттягивая возвращение, – знает, что оно неизбежно, и потому пришел попрощаться с кораблями, стоявшими на рейде Севастопольской бухты, некогда открытой талантливым русским моряком вице-адмиралом Клокачевым и носившей тогда красивое название Ахтиарская...

В бухте сновали пассажирские катера на Северную и в Инкерман, командирские катера «стрижи» и баркасы с офицерами и матросами. И тогда он подумал невозможное: что если б он получил назначение на флот, то вот так бы и служил на одном из этих кораблей. Но он, начавший учебу в военно-морском училище, закончил ее, будучи

чужой волей забран в Военно-дипломатическую академию, а затем стал служить в аппарате ЦК у всесильного, всемогущего Арсения Алексеевича Архимандритова. Прозываемого за глаза тишайшими, трепещущими голосами Папа Сеня, а еще – *Папа Самана*.

Один из «стрижей» направился мимо Госпитальной стенки в сторону Угольной и, не доходя, остановился у причала Корабельной стороны. С белоснежного красавца прытко выскочили несколько молодых офицеров. Румянцов проводил их взглядом, подавляя бессознательное чувство зависти. Словно влитой в серебристо-стальное пространство воды притягивал взоры, вызывая восхищение «Комсомолец Украины»; уникальный корабль 61-го проекта, получивший название *поющих фрегат* из-за издаваемого при движении звука. Полюбовавшись архитектурными очертаниями больших противолодочных кораблей и эсминцев, стоявших на рейде крейсеров «Адмирал Ушаков», «Дзержинский», флагманом флота крейсером «Михаил Кутузов» и крейсером «Слава», каперанг Румянцов вдохнул полной грудью свежий морской воздух, собираясь уходить. Он знал о каждом из этих кораблей, об их истории, пожалуй, много больше, чем служившие на них моряки. Потому что он, волей судеб причастный ко многим тайнам, познавал, впитывая сокровище, *скрываемое ото всех*, как губка впитывает воду...

Выйдя из троллейбуса у Приморского бульвара, Иван Румянцов направился по проспекту Нахимова, как вдруг понял, как кто-то, желая его остановить, бросился навстречу с криком: «Иван, подожди!». Тот, к кому адресовалось обращение, не оглянулся, а, продолжая идти, мгновенно высчитывал, где он слышал этот голос. Интуитивно почувствовав, что позвавший уже нагоняет и протягивает руку, чтобы прикоснуться, Иван сделал движение в сторону, тут же развернувшись.

– А, Арнольд Николаевич, здравствуйте, сто лет мы не виделись с вами.

– А ты, наверное, в отпуске? – не переводя дух, спросил догнавший.

– Ну, в общем-то, да. Только вот отпуск подошел к концу.

Известный в московских кругах критик, как он представлялся, «критик областных театров» Арнольд Николаевич Карно слыл любителем летнего отдыха у крымских берегов. Чаще всего он приезжал на юг в составе киноэкспедиций, куда собирались люди,

причастные к кино или театру. Арнольд Николаевич ничего конкретного в поездках не делал. Его роль обычно сводилась к оболыщению местных красавиц, страдающих по кинозвездам советского кино. А еще авторитет седовласого, чуть курчавого, с коровьими глазами и обаятельной широкой улыбкой критика держался на его обещаниях некоторым второстепенным сотрудникам экспедиции помощи, либо в расширении жилплощади в Москве, либо приобретении авто или дачи. В подобных разговорах он намекал на связи, показывал пальцем в неопределенную пустоту, как бы давая понять, что уровень его связей значителен.

Сейчас, идя со стороны местного театра, он, увидев проходящего морского офицера, резко бросился вдогонку. Встреча могла быть как случайной, так и спланированной, – о чем знал капитан 1-го ранга Румянцов, а потому практически никогда не расслаблялся.

– А как поживает наш знакомый? – почти запанибратски, с театральным пафосом, спросил Карно. Уже самым этим глупейшим вопросом и наигранной наивностью он пытался показать свою причастность к великим деятелям, а именно, к одному великому деятелю – к Арсению Алексеевичу Архимандритову.

– Ну, об этом, Арнольд, вы спросите общего знакомого. Если встретитесь с ним.

– О да, когда-то он со мной встречался, как сейчас с тобой. Я даже сказал бы... чаще.

В его словах звучало явное хвастовство. Хотя бы потому, что Иван Михайлович знал из архивных данных о степени сотрудничества Арнольда Карно с ведомством секретаря ЦК Архимандритова и его вкладе в советский Агитпроп. Впрочем, хвастовство служителя, еще по молодости прочно ухватившегося за прозрачную накидку Мельпомены, мало действовало на нервы каперанга. Разница в возрасте и пережитые Арнольдом Николаевичем годы войны обязывали Ивана уважительно относиться к нему. Карно, как считали многие в его окружении, нигде не работал, а жил на широкую ногу; даже распускали злые слухи, что надо бы Арнольда, «этого бездельника» посадить в тюрьму за тунеядство. Но Румянцов знал твердо, – Карно нельзя отнести к категории жуликов и прохвостов, и он заслуженно получает свою пенсию. Хорошую пенсию, в соответствии с вкладом и пользой, которую он принес стране,

сотрудничая с ведомством Архимандритова. Но о его заслугах мог знать лишь очень узкий круг людей, которые... не вращались в среде обитания Арнольда Карно.

Сославшись на придуманное свидание, Румянцов избавился от сопровождавшего его критика, а через сутки выехал в Москву.

Он даже не мог предположить, что вскоре они встретятся вновь. Это потом – спустя годы – он, уже сам искушенный во всех тонкостях и нюансах своей работы, будет знать, что все, даже самые обыденные встречи осуществляются преднамеренно, если объект чьего-то интереса – *он сам*.

Румянцов вернулся в гостиницу, когда настала ночь и город укрыла, словно вылитая из небесной чернильницы, тьма. Он постоял у окна, не включая свет, наблюдая, как мерцают россыпи крупных звезд.

В ночь перед отъездом из отпуска ему приснился сон. Ему снились две немолодые красивые женщины, которые жестами, исполненными артистизма, схватив его за руки и ноги, стали тянуть, разрывая на части. И когда на месте разрыва (ему даже чудилось, как трещит, словно разрываемый целлофан, его тело) возникла острая боль, он закричал... и проснулся. В место предполагаемого разрыва врезался острый изогнутый крюк сетки кровати, на которой он спал. Спал поперек кровати, извернувшись в тревожном сне. Чертыхнувшись от подобной нелепости, Румянцов подошел к окну. Уже начинался ранний летний рассвет, он вдруг с неожиданной тоскливостью подумал, как ему не хочется возвращаться в Москву. Но долг офицера обязал его на новые подвиги...

Глава 2

В 197... году после недавно состоявшегося Пленума ЦК партии в Кремле прошло закрытое заседание очень узкого круга членов Политбюро и Секретариата ЦК. Свое мнение по имеющимся вопросам уже почти все высказали, когда выступил Андрей Игнатьевич Ютваков, отметивший, что недавняя Антарктическая экспедиция обнаружила уникальное явление в районе моря Росса. По словам одного из сотрудников органов безопасности, подтвержденных другими участниками операции, которые были внедрены в состав советской антарктической экспедиции и доставлены к станции «Мирный» на дизель-электроходе «Обь», в одной из расселин скал было замечено выделение газовых составов. Да не просто лишь бы чего, а выделений, характерных только для испарений над большим городом.

Посему выходило, что в недрах Антарктиды имеются жилые массивы и крупные производства.

Об этом старший оперативной группы доложил руководителю специальных исследований аппарата госбезопасности. Там, конечно же, эту информацию засекретили, оставив возможность изучить рапорт секретарю ЦК Ютвакову, о чем он и доложил сейчас присутствующим товарищам. Завершая выступление, Андрей Игнатьевич подчеркнул, что для того, чтобы исключить какую-либо утечку, надо осуществить ряд дезинформационных мероприятий, «слив» некоторый отвлекающий «экслюзив» в прессу, на радио и телевидение.

Говоря это, товарищ Ютваков понимал, что затевается большая игра; потому как ситуацией не преминут воспользоваться и коллеги. Каждый наверняка попытается разыграть свою партию, подставляя другого. Безусловно, дезинформационную утечку сделают и из Генштаба. К примеру, тот же недавно назначенный военный министр Борис Макарович Бородин тоже, как член Политбюро ЦК партии, участник этого совещания, явно намерен предпринять попытку закрепиться на посту. И хотя ему вряд ли удастся поколебать позицию Ютвакова, но ведь он заинтересован в осуществлении ряда

реорганизационных мероприятий не только в своем министерстве, но и в рабочем органе министерства, – в Генштабе. И тогда полетят со своих мест нужные, преданные люди. Да, в подобных играх куда как легче просчитывать *чужих среди своих*...

Но Ютваков, настороженно присматривающийся ко всем новичкам в их узком кругу избранных, может быть относительно спокоен. Он настолько искушен в политике, что бояться ему некого, разве что Арсения Алексеевича. Но того боятся все, хотя тщательно скрывают друг от друга. Папа Сатана старше самых старших здесь на пару лет, а это дает немалое преимущество – так им, пожилым и наивным, кажется...

Сразу же по завершении совещания секретарь ЦК Арсений Алексеевич Архимандритов вызвал к себе ведущего референта, капитана 1-го ранга Ивана Михайловича Румянцова.

Войдя к боссу и поприветствовав того четко, по-военному, Иван остановился невдалеке от массивного стола. Архимандритов, человек небольшого роста, в своих апартаментах, обставленных добротной мебелью из красного дерева с искусной резьбой, с картинами мировых мастеров кисти, кои мечтал бы иметь любой знаток живописи, среди изысканной, добротной роскоши времен Российской империи, никогда не выглядел не к месту, чудачком, шутком, коротышкой. О, нет, этот человек в супердорогом костюме, шитом в парижском ателье, обшивающем не более пяти-шести самых богатых людей планеты, в дорогих штучных туфлях, одним своим именем мог вызвать у человека, знавшего о нем, приступ страха.

Иван Михайлович Румянцов, попавший к нему на службу, еще до конца не понимая, какие шансы дает ему судьба и к каким темным силам его притягивает, скорее по наитию с первой секунды уяснил, что перед ним – Избранный... Между прочим, именно за это качество – прислушиваться к интуиции и действовать по наитию – его и ценил всесильный босс Арсений Алексеевич Архимандритов, главный режиссер в политическом театре Высшей Власти, секретарь ЦК партии. Арсений Алексеевич был членом Политбюро, где некоторые умники прозвали его Папа Сеня, но чаще говорили: Сатана, – да и то, если шептали это зловещее имя, то постоянно оглядывались: авось появится, как *черт из табакерки*. А ведь мог, почище Мессинга работал. Что там Мессинг – дитя малое рядом с товарищем

Архимандритовым, дела которого можно было явственно проследить на Антарктическом континенте под толстым слоем льда, в древней истории империи Хань, в самых высоких домах Нью-Йорка... А при возможности, дающейся только немногим избранным, – даже увидеть *его самого* в разновеликих местах Планеты и ее Истории... Вот что предстояло осознать Румянцову, вот на *кого* доводилось работать.

Босс придвинул своему референту папку, сопроводив жест словами:

– Почитай на досуге, может, найдешь что интересное.

«На досуге» означало одно: прочти сейчас, возможно, вскоре получишь другие секретные архивные материалы. Обладал ли кто на Земле более ценными архивами, чем Арсений Алексеевич Архимандритов? С годами Румянцов понял: да, обладал... тот, кто заполучил секретные раритеты из ведомства Папы Сени.

Перейдя в соседний кабинет, Иван Михайлович приступил к чтению. Сведения, представленные в папке, относились ко времени открытия русскими мореплавателями шестого континента – *Антарктиды*. Как известно, Антарктида была открыта в январе 1820 года российской экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, которые прошли на двух судах, «Восток» и «Мирный», вдоль тихоокеанского побережья, открыв также острова Петра I, Шишкова, Мордвинова, Землю Александра I.

В документах говорилось, что путешествуя в начале XX века, в 1901–1904 гг. на судне «Дискавери» британец Роберт Ф. Скотт подошел к берегам континента, исследовал море и ледник Росса, открыл полуостров, по западному краю дошел до 82 градуса 17 минут южной широты, собрал обширный материал по геологии, флоре, фауне и полезным ископаемым.

Во время санного перехода в глубине материка, в 40–50 км от побережья, Скотт обнаружил глубокую скалу, на вершине которой оказался хорошо оборудованный лаз, тщательно замаскированный вырезанными толстыми пластинами льда. Пораженные увиденным, Скотт и его спутники сумели отодвинуть несколько плит, и их взорам предстала стальная лестница из труб, ведущая вниз. Изумление англичан увеличивалось с каждой минутой. Они долго не решались спуститься, но, наконец, рискнули.

На глубине более 40 метров они обнаружили помещения, в которых неизвестными была оборудована продуктовая база из мясных продуктов, а в специальных контейнерах лежала аккуратно сложенная утепленная одежда. Причем, таких фасонов и такого качества, которые ранее ни Скотт, ни его помощники не встречали, хотя сами обстоятельно готовились к этой дальней и не безопасной экспедиции, в том числе и по части экипировки.

При доскональном осмотре на одной из курток была неожиданно обнаружена пришитая этикетка с записью «*Екатеринбургская пошивочная артель Елисея Матвеева*». Осмотрев всю одежду, Скотт понял, что все этикетки тщательно срезаны для сохранения инкогнито настоящих хозяев. Однако этикетку, оставленную в силу чьей-то халатности, а, главное, надпись с нее Скотт перенес в свои бумаги.

Конечно, в тот момент путешественники не поняли, что конкретно означает эта русская вязь, и что вообще делают русские на ледяном континенте, где воздух не прогревается выше нулевой отметки, где среднегодовая температура минус 50 градусов; и оттого, не скрывая своего удивления и оторопи, не рискнули идти дальше, а буквально ринулись обратно. Пройдя более 15 километров, то есть, половину пути до базового лагеря, кто-то из спутников спохватился, что надо было взять хоть что-то из продуктов, так как их запасы на исходе.

Другой тут же предложил вернуться, но Скотт посчитал это непорядочным, ведь кто-то заготавливал на себя, не рассчитывая, что запасами воспользуются незваные гости. Но, скорее всего, на его решение повлиял страх, граничащий с паникой.

Придя на Большую землю, путешественники долго не решались рассказать общественности о таинственном погребе, или склепе, оборудованном русскими в ледяной пустыне; но в своем рапорте о работе экспедиции Скотт весьма подробно рассказал о находке. Вскоре материалы, поданные им в Британское географическое общество, *исчезли*. Более того, при настойчивых расспросах его осторожные спутники разводили руками, говоря, что все это не более чем выдумка, так, легенда для излишне любопытствующих...

Спустя несколько лет после этого английский исследователь Э. Шеклтон, возглавлявший в 1907–1909 гг. экспедицию на санях от судна к Южному полюсу, не обнаружил хранилища с продуктами и теплыми вещами. То ли не нашел точки по тем координатам, которые ему лично

сообщил Р. Скотт, то ли хозяева склада сменили место хранилища. Шеклтон не дошел до полюса 178 км.

Во второй раз Роберт Ф. Скотт отправился на ледяной материк в 1911–1912 гг. покорять Южный полюс. Первым полюса тогда достиг норвежец, путешественник и исследователь Р. Амундсен, в январе 1911 он высадился на ледяной барьер Росса и 14 декабря того же года достиг конечной цели, открыв по пути горы Королевы Мод. Чуть позже, 18 января 1912 года Южного полюса достигла и группа, возглавляемая Р. Скоттом. Но на обратном пути в 18 километрах от базового лагеря путешественники погибли. Их тела, записи и дневники нашли спустя восемь месяцев. В палатке была сохранена и уникальная находка, – образец с отпечатками древнего ископаемого растения из рода *Glossopteris*, характерного для флоры Гондваны. Что отчасти подтвердит гипотезу о существовании древнего обширного суперконтинента, в состав которого входила и Антарктида.

Но самое удивительное оказалось в другом. Пока шли поиски пропавших путешественников, в базовом лагере случайно (!) обнаружилась записка на английском языке, сообщавшая, что Скотт и его спутники сорвались с ледника, а их снаряжение, в котором были продукты, попало в глубокую расселину. И что полярники, если им в ближайшую неделю не окажут помощь, могут погибнуть. Непонятно, по какой причине никто не придал значения записке. То ли посчитали неуместным розыгрышем, то ли провокацией товарища, у которого сдали нервы, а то и вовсе *от лукавого*.

А между тем, в записке точно указывалось, где находятся пострадавшие. Когда были найдены замерзшие тела Скотта и его спутников, в дневнике обнаружилась прелюбопытнейшая запись: «Мы остались без продуктов, чувствуем себя скверно, укрылись в созданной нами снежной пещере. Проснувшись, обнаружили у входа приличный запас мясных консервов, нож, сухари и, удивительное дело, в некоторых брикетах оказались замороженные абрикосы». Откуда бы это могло появиться, Скотт и его товарищи не знали. К сожалению, сухарей и абрикосов хватило ненадолго... Продукты закончились через несколько дней, ведь те, кто им желал помочь, полагали, что за оказавшимися в трудном положении придут соотечественники, стоит только прочесть записку. Но...

По возвращении домой члены этой полярной экспедиции, наслышанные, что погибший еще после первого своего путешествия на шестой континент подавал рапорт в Британское географическое общество о загадочной находке, стали настойчиво искать документ, и, конечно, безуспешно.

...Среди бумаг, имевшихся в папке, каперанг Румянцов обнаружил донесение руководителя Имперской разведки графа Александра Георгиевича Канкрина, докладывавшего Государю Императору Николаю II, *что русская экспедиция в составе трех кораблей достигла берегов шестого континента. Где обосновалась, построив два базовых лагеря. Также указывалось, что по пути движения к Южному полюсу заложили четыре склада продовольствия. После заполнения их всем необходимым началось изучение континента с целью дальнейшего освоения недр.* Внизу шла четкая подпись графа Канкрина. Каждый документ, носивший эту подпись, был для каперанга Ивана Румянцова особым; познавая дела и подвиги этого великого человека, имевшего немецкие корни, чистосердечно преданного идее Российской империи и ее императору, Иван Румянцов познавал предков, чьи гены временами смутьянили, пробуждая его сознание, превращая его из *хомо советикус* в Человека...

Глава 3

В ближайший выходной Иван Михайлович Румянцов вышел из своего особняка в Березовом бору, желая прогуляться, а затем сесть в такси или метро и проехаться по городу. Его машина осталась в гараже. Иногда каперангу требовалась прогулка для сосредоточения мыслей; в мельтешении *простых советских граждан*, снующих то в поисках дефицита, то в поисках отдохновения от *мирного труда на пользу общества*, его посещали любопытные желания. То чудилось ему, как бы все могло быть, если б не было 1917 года, и какими достойными гражданами могли стать все эти снующие люди, не ведающие трагизма своего бытия, взращенные на патриотизме псевдоценностей.

На подходе к метро перед глазами каперанга Румянцева вдруг возник Арнольд Николаевич, явно обрадовавшийся встрече. Он так быстро заговорил, буквально убалтывая собеседника, не давая тому ничего сказать, отговориться, сослаться на занятость, что Румянцов, сам того не ожидая, согласился провести ближайшую субботу в компании театрального критика. Седовласый болтун, дернув Ивана за рукав и напомнив о договоренности, распрощался и вихляющей походкой направился в подземный переход.

По истечении недели Арнольд Николаевич перезвонил референту Архимандритова, согласовав завтрашнюю встречу у себя дома. Жил Арнольд почтай в центре столицы, на Дорогомиловской улице, рядом с Киевским вокзалом. Однако когда они встретились, Карно, загадочно сверкая глазами, предложил проехать в *одно очень интересенькое место*. Сев за руль «Волги» и подождав, пока каперанг устроится рядом, Карно рванул с места. Ничего в поведении критика не вызывало особого беспокойства, разве что излишняя беспечность и навязчивость, но таковым был стиль поведения старого ловеласа. Пока они ехали в Сивцев Вражек, он все болтал и жестикулировал, нередко оставляя руль, а, получив замечание, отреагировал по-своему, став еще более энергичным в жестах. Из всей трескотни Иван понял, что сейчас его познакомят с очень удивительной и прямо-таки замечательной женщиной, знаменитостью и красавицей.

Они поднялись в элитный московский дом, в квартирах и закоулках которого происходили столь невероятные истории, связанные с именами незаурядных людей, вершащих судьбы страны, что каждое имя, произнесенное вслух, было достойно своей уникальной книги.

Именно здесь, в солидной квартире площадью в 150 квадратных метров, некогда полученной ею от влиятельного деятеля партии при товарище Сталине и жила та самая удивительная женщина, с которой предстояло познакомиться Румянцову. Годы ее молодости и почитания остались давно позади, и теперь она жила в гордом одиночестве, общаясь с узким кругом людей. Но оттого знакомство с ней было еще более желанным; ведь ее образ, ее голос, неповторимое очарование запечатлел нетленный пергамент Истории...

Когда они поднимались в лифте, Арнольд Николаевич предупредил:

– Имей в виду, она народная артистка.

Но не сказал, народная артистка РСФСР, или Советского Союза. В гостях у хозяйки дома уже были две пары неопределенного возраста. Сама она выглядела дамой не старше 40 лет. Так тщательно наложенный грим сокрыл ее возраст; правда, имелись и иные объяснения ее молодости, о чем каперанг узнает много позже... открывая по долгу службы на Папу Сатану многие мистические тайны мироздания.

Вечер, долженствующий проходить умирительно и ладненько, казался Ивану утомительным. Арнольд Николаевич все время беседовал с хозяйкой, представленной Румянцову как Елена Васильевна Пешковская. Конечно же, он узнал ее по популярным советским кинофильмам, десятки раз просмотренным им в детстве. Присутствующие за столом парочки вообще не проявляли к молодому человеку, коим был Румянцов, никакого интереса... он отвечал тем же, и откровенно скучал, глядя на публику.

К трем часам ночи Иван почувствовал усталость, и, незаметно переместившись в самую дальнюю комнату, усевшись в кресло и погасив торшер, предпочел отдаться дремоте. Проснулся он от прикосновения Елены Васильевны, нарушившего его зыбкий сон. Женщина была в чудесном халате, ее глаза сильно блестели, неожиданно дивным певучим голосом, наклонившись, она пропела:

– Все ушли, а ты остался. Пойдем, я уложу тебя спать.

Иван нехотя поднялся с кресла и пошел вслед. Подойдя к кровати и отбросив атласное одеяло, она незаметно развязала тесьму пояса, поддерживающего на ней тонкого шелка расшитый халат, одновременно подчеркивая изящную талию. Вдруг халат упал, соскользнул с плеч, обнажая тело. Елена Васильевна, несколько не смущаясь, скользнула на простыни, и легла на спину, приподняв вверх правую ногу, как бы прикрывая тем самым интимное место.

– Ложись рядом, – вовсе не певуче, а твердо и безапелляционно заявила она, – я хочу любви и страсти с тобой.

Итак, это уже было интересно, потому как предполагало режиссуру и требовало ответный ход; впрочем, Иван к тому времени еще не отточил свой циничный кураж, воспитанный в нем и общением с боссом, и удивительной жизнью, проживаемой рядом с этим *Избранным*. Конечно, женщина была прекрасна. Ее матовая кожа казалась отполированной в приглушенном свете торшера. Нагая Даная, – показалось ему, – сейчас стыдливо протянет руки, и он, очарованный, но одновременно останавливаемый изяществом тела и яростно сдерживаемой похотью в сверкающих глазах, лишь опустил на стоявшую подле кровати банкетку. Вместо какого-либо действия Румянцов стал внимательно рассматривать ее наготу, словно пытаясь прочесть и запомнить каждый изгиб, каждую складку. Наверняка, в какой-то момент ей показалось, что он пытается увидеть, как ласкали ее руки знаменитых людей, как они держали ее, мяли, гладили; и это *считывание* должно было завести ее в замешательство. Сцена явно затянулась; прикрыв пушистые ресницы, Елена Васильевна терпеливо ждала. Но вместо желаемого она услышала:

– А вы уверены, что у меня с вами получится?

Дерзновенный юноша; но она стерпела и это. Конечно, он для нее – юноша, молодой самец с накачанными бицепсами, с упругими икрами ног; опытная, она чувствует силу, томящуюся у него в паху... Она чует даже запах, источаемый его могучим телом, разморенным коротким сном. Разве же он не для *этого* приведен сюда?

– Прикоснешься – получится.

В ее просьбе не было строптивости, она, властительница, лишь надеялась, что он согласится.

– Ну что же, – ответил Румянцов; о таких говорят в народе, что им *наглости не занимать*, – я настолько у вас устал, что, пожалуй, перейду-ка с банкетки на кресло, и если у меня возникнет страстное желание, то лягу к вам.

Она не ответила, лишь дрогнули плечи, но проследила взглядом, как он меняет дислокацию. Устроившись в широком удобном кресле, Иван вскоре почувствовал, как его мозг захлестнула сильная волна, прекрасно понимая, что за этим следует. Это включались скрытые резервы и ресурсы тренированного организма. Он закрывает глаза, он подчинится энергии, поступающей извне, и, вступая с ней в контакт, словно отрешится от окружающего мира, его душа выйдет из тела, расположится выше, над ним, – справа или слева, и, словно сторожевой пес, будет наблюдать за засыпающим крепким сном физическим телом. На человека несведущего, незнающего эта энергия имеет ужасающее воздействие. Если бы кто-то попытался нарушить его покой, то душа, словно ярый *тать*, вмиг взвилась, возвратилась в него и, наполнив все тело энергией, которую вобрала из космоса, из Вселенной, придала б ему, землянину, человеку, чудовищную силу... А чтобы тело спокойно почивало, душа Ивана израсходовала часть энергии, чтобы усыпить Елену Васильевну.

Да, многими уникальными приемами владел референт Папы Сени; многим премудростям научился, мог только силой своей энергетике поднять с места человека, мог растворяться в пространстве, подобно магу, гипнотизировать, прочитывать мысли. Но на все эти манипуляции требовались невероятные затраты энергии, и потому применять чудеса следовало в самых исключительных случаях. Но со временем даже эти таланты покажутся Ивану детской забавой...

Утром Иван открыл глаза и увидел, что Елена Васильевна лежит, как лежала, на спине, разве что правая нога ее была вытянута. Сморенная сном, она так и не укрылась. Иван встал с кресла, с хрустом размял суставы плеч и торса, подошел к кровати и осторожно укрыл актрису, натянув атласное одеяло. Но то ли она уже не спала, то ли ее разбудило остывшее за ночь одеяло, но она тут же открыла глаза. Сладко потягиваясь и обнажая грудь, раскрепощаемая видением, Елена Васильевна томно произнесла:

– Такого мужчину, как ты, я давно не имела. Ты хоть знаешь, с кем провел ночь?

Судя по тому что она продолжала говорить, не глядя на присутствующего, ответ ей был не нужен. Иван и не перебивал, не переубеждал, только посматривал, щуря глаза и пряча в них улыбку.

– А сейчас я пойду в ванну...

Спектакль продолжился. Подняв руки к вискам, она сняла с себя парик, и на месте роскошных волос Иван Румянцов увидел... блестящий череп. Женщина явно пыталась его поразить, разозлить, и тем самым изничтожить...

Изящным движением актриса сняла наклеенные брови и ресницы, отклеила перламутровые ногти, и, не стыдясь наготы, вернее, полной оголенности, выскользнула из-под одеяла.

– Моя уникальность в том, что я старше тебя лет на сорок! И, торжествующая, извилистым шагом, словно змея, она проследовала из спальни в ванную.

Румянцов подошел к ванной, приоткрыл дверь, и, заглушая струи воды, четко сказал:

– Мне надо быть на работе. Я уезжаю. До свидания. Закрыв за собой все двери, он уехал домой. Но ему вовсе не нужно было на работу; в этот наступивший воскресный день он хотел лишь одного: отдохнуть. Через полтора часа, как и следовало ожидать, позвонил Арнольд Николаевич. Ему явно не терпелось узнать подробности; хотелось и посмеяться, и уколоть, и показать свою значимость в деле неприкрытого сводничества. Но за всем этим стояла какая-то иная цель; какая – предстояло обдумать.

Как всегда, не делая передышек и беря собеседника *нахрапом*, Арнольд Николаевич стал расписывать прелести талантливой Елены Васильевны. Он говорил так долго и нудно, что Иван опустил руку вместе с трубкой и ждал, когда прекратится говорильня. Услышав, как доносится глухое настойчивое «ало-ало», он приложил трубку ко рту и произнес:

– Не пора ли заканчивать?

– Да ты что, не понял, что я говорю? Ну, как она? Классная? Но не удивляйся ее возрасту. У меня с ней был роман еще в сорок втором году на войне, когда мы в составе концертных бригад ездили на передовую. Румянцов, зная военную эпопею Карно, не без ехидства среагировал:

– Очевидно, это самые главные ваши подвиги на войне, Арнольд Николаевич. Но я вас разочарую. Спустя 30 лет ваша пассива достойна только вас...

Карно мгновенно переспросил:

– А чем я плох?! Так мы встретимся?

У Румянцова была интересная особенность, – когда он не желал продолжать с кем-либо из окружения разговор, то, несмотря на время суток, говорил: «Спокойной ночи». На сей раз Иван не отступил от правила. Оборвав болтовню пожеланием «спокойной ночи», он положил трубку.

За настойчивостью этого товарища явно скрывался не пустой интерес; интерес на грани провокации, – а это никак не входило в планы Румянцова.

Жаль, но день не удалось провести спокойно. Раздался звонок аппарата, конечно же, звонили по спецсвязи. Иван, досадуя и проклиная телефон, подумал: «Черт, неужели опять на службу, да еще в выходной?» Он поднял трубку, и ответил:

– Слушаю!

Звонившим оказался заместитель и начальник Центрального штаба секретаря ЦК Архимандритова генерал армии Гейер-Генерозов.

– Я внимательно вас слушаю, Исай Львович!

Гейер-Генерозов всегда был корректен с ведущим референтом Арсения Алексеевича. Правда, он никогда не обращался к нему ни по фамилии, ни по имени-отчеству, ни просто по имени, а только по званию.

– Капитан первого ранга, не обращайтесь внимания, что сегодня выходной. Вы же знаете, что для нас время отдыха относительно. За вами сейчас заедет автомобиль, вы знаете и водителя и машину. Вы проедете по известному вам адресу, заберете известную вам особу и доставите ее на объект «Интернационал».

Понятное дело, особа Румянцову была хорошо известна, а объект, на который следовало ее привезти, был подмосковной виллой Архимандритова.

Референт вышел из своего особняка ровно через 15 минут и тут же увидел, как на площадке перед домом остановилась «Чайка» ГАЗ-13. Зная, что особа, за которой они заедут, будет находиться сзади

в салоне, он сразу сел рядом с водителем. Тот знал, куда ехать, и автомобиль на огромной скорости направился по адресу.

Дверь Ивану Михайловичу открыла вышколенная домработница, чуть склонив голову и указав направление, она провела его в покои хозяйки. Эвелина Абрамовна Сарнавская была знаменитой актрисой, известной не только в советской стране, но и далеко за рубежом, – редкий случай для Страны Советов. Женщина изумительная, она унаследовала свою красоту от матери-украинки; иногда, глядя на нее (чаще, конечно же, в фильмах) Румянцов ясно представлял паненку, с любовью живописуемых гениальным Гоголем.

Эвелина Абрамовна, мило улыбаясь гостю, приподняла руку для приветственного поцелуя и красивым грудным голосом произнесла:

– Нюша проведет вас в комнаты, там вы встретите одну знакомую вам особу.

Румянцов в сопровождении домработницы Нюши направился по длинному коридору; у одной из дверей она остановилась. Иван отворил дверь и вошел в комнату.

Почти посередине уютно обставленного дорогой мебелью пространства в мягком кресле сидела не менее известная, чем хозяйка квартиры, актриса. Он сразу узнал ее, хотя со времени их последней встречи прошли годы. Рогнеда Павловна Чаковская преподавала (помимо иных обязанностей) в Военно-дипломатической академии курс риторики и актерского мастерства. Уже после окончания академии, когда Румянцов работал под крышей торгпредства в порту Хайфон в Демократической Республике Вьетнам, он услышал от прибывшего туда инкогнито министра, в свое время лично знавшего товарища Сталина, что Рогнеда Павловна была одной из довоенных любовниц великого вождя. А еще, что она была родственницей какого-то близкого соратника Ленина.

Восседающая на кресле в атласном китайском халате, как сказочная восточная фея, Рогнеда Павловна подождала пока Румянцов подойдет к ней, и изящно подала обе руки для поцелуя. Затем, прикасаясь длинным ногтем тонкого пальца к его щеке, она подставила лицо для поцелуя.

– Ванечка, если ты моряк, то прояви смелость, поцелуй великую актрису в губы.

Прихоть кокетки следовало исполнить так, чтобы не перейти грань, за которой начинаются неприличие и разочарование... Никакие *естественные прикосновения* здесь не проходили; женщины, с которыми Румянцов встречался за последние двое суток, – все, как одна, – были слишком выдающимся, слишком значимыми, даже по той причине, что вступали в связь с неординарными личностями, оставившими на их губах, их телах, в их женской матрице тел свои печати, свой генный след...

И шутка ли, он хотел получить поцелуй на грани риска, на грани фола, на грани жизни и смерти. Иван припал на левое колено и резким движением раскрыл блестящий халат, в следующее мгновение его пальцы раздвинули женские колени. Он рассчитывал увидеть обнаженное тело, но под халатом оказалось нижнее белье. И, чтобы не опозлать момент, он искренне, с вожделением в голосе, произнес:

– А что, если я поцелую вас в *эти* губы?

Та, словно приводя в чувство и успокаивая шалуна, схватила руками его за голову и потянула к себе, приподнимая. Когда его лицо коснулось впадины между ее грудей, Рогнеда Павловна, обдавая его чистым дыханием, то ли наигранно, то ли искренне дрожа голосом, предложила:

– Давай условимся так: я отдамся тебе и не раз. Ты мне интересен, как молодой мужчина. Только бы я не хотела... я не хотела, чтобы моя старость... – она выговаривала последние слова так, словно у нее в горле были камешки, мешавшие ей произносить, – чтобы моя старость оттолкнула тебя.

Как дикая кошка она проскользнула мимо Ивана и оказалась в самом дальнем углу, – подальше от искушений.

– У меня к тебе просьба... Сейчас тебе надо быть в другом месте. А я тебя буду ждать. А теперь иди, а то хозяйка заждалась.

Когда Румянцов проходил по коридору, одна из дверей открылась, оттуда вышла элегантно одетая, благоухающая Эвелина Абрамовна и впереди его направилась к автомобилю.

Спустя чуть менее часа сверкающая черная «Чайка» въехала на объект «Интернационал».

Глава 4

Объект «Интернационал» был когда-то помещичьей усадьбой, как и некоторые другие объекты, расположенные в подмосковном смешанном лесу. На закрытой обширной территории секретного микрогорода в самых живописных местах стояли «экспроприированные», что значит отобранные большевиками у хозяев трех-четырёхэтажные русские усадьбы. В этих цэковских учреждениях жировали советские руководители, *дети великого разбоя революции*.

Сюда, в некоторые из зданий, приезжали – на отдых и для получения инструкций, а то и резких нагоняев – секретари из братских республик, отягощенные услужливой свитой и своей значимостью почти неограниченной власти над *народами братских республик*. Сюда с теми же целями наезжали и секретари коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества и братских партий международного коммунистического и рабочего движения.

Вилла Архимандритова была, пожалуй, одной из самых таинственных, самых недоступных среди всех этих сверхсекретных объектов.

Оставив Эвелину Абрамовну в гостях у секретаря ЦК, ведущий референт Румянцов, следуя распоряжению Арсения Алексеевича, перешел в соседнее здание, где погрузился в работу. Он будет находиться здесь, пока адъютанты Архимандритова не вызовут его к боссу. Впрочем, расслабляться не приходится. Прав был генерал армии Гейер-Генерозов, сказав, что все выходные для них – приятная условность, не более...

Здесь работы всегда непочатый край; только успевай читать донесения резидентов, поступающие со всего мира, только поспешай листать документацию, сопоставляй, анализируй, запрашивай архивные данные... сам мотайся по всему шаро, оборачивайся со скоростью пули, иначе пуля тебя догонит... а не пуля, так слово... И в этих мыслях, проскальзывавших в сознании Румянцова, не было вымысла, – специалисты из подразделений Архимандритова умели *убивать словом*, знали особые изощренные технологии, воздействующие на тех, в кого введен специальный код на Слово.

Сказал человеку некий пароль, а он сам, несчастный, взял да и застрелился, например. Или из окна выпал. Или еще черте как счеты свел с жизнью.

Иван отмахнулся от назойливых мыслей, как от тонко зудящих у виска комаров.

Некогда ему раздумывать над судьбами отдельных личностей, некогда и о себе самом думать, – тут всегда на первом плане дело, а не самосохранение. У каперанга Румянцова, ведущего референта секретаря ЦК Архимандритова под началом целое подразделение, целые секретные объекты, возглавляемые генералами; на него работает более 1000 человек!

Да, не простой работник Румянцов, очень даже не простой...

Иван Михайлович спустился в бункер, где велась подготовка операций, проводимых его людьми в Африке, Чили, в Юго-Восточной Азии. Постоянный процесс, не прекращающийся ни на секунду; сотни инструкций и миллионы судеб...

Многое знал *непростой работник* Румянцов, со многими друзьями и соратниками Папы Сени знаком был, но еще слишком молод был, горяч, хоть и расчетлив, и сметлив. А, поди ж ты, о полной и беспредельной подлости человеческой натуры еще предстояло ему узнать.

Ведь не зря же к нему был подослан товарищ кино– и театральный критик Карно, представивший его старой, только вот никак не дряхлеющей знаменитости Елене Васильевне Пешковской. Зачем было его провоцировать на связь с ней? Зачем ему подсовывали и старую знакомку, красавицу Рогнеду Павловну Чаковскую? Какую карту разыгрывает босс? Этот сеятель раздоров, любящий только кураж и богатую поживу?

Но нет, Румянцов не должен так думать, он предан, он на стороне босса, он честен с ним всегда. Иначе – смерть.

Но если он не будет так думать, просчитывая ходы Архимандритова, то смерть для него наступит еще раньше...

Жаль, но тогда он еще не знал, *кто* такие эти старые, опытные женщины, выростившие легионы агентов, разведчиц, жриц любви, фанаток, искусных убийц. Сотни и тысячи похотливых матрон, поспешающих столкнуть мир к обрыву разврата. Сотни и тысячи

марионеток, лежащих в постель только с сильными мира сего. Мириады глаз, мириады ушей...

Румянцов тогда еще не знал, что они, эти примадонны советской сцены, – хорошие собеседницы, разбирались в тонкостях и нюансах Большой Политики, иначе бы Архимандритов их не держал. Их у него было не так уж много: избранных женщин, приближенных. Умные, сильные, красивые, каждая – с умом супердипломата и супераналитика, – эти женщины в свою пору становились создательницами машины разврата, но не тут, не в своей стране, а на другом континенте! Отправляясь на задания за границу, они блестяще выполняли задачи, оказывая влияние на действия и поступки мужчин, а в конечном итоге – влияя на политику других государств.

То, что Румянцов *не купился* на чары, это большой плюс. Молодого мужчину иногда очень просто завлечь громким именем, фееричностью личности, прикоснувшейся к Истории. Да кто он таков? – мальчишка, которому нет и 30, а их сжимал в объятиях и целовал сам Сталин! Дерзкий горец, символ чудовищной поры; он эпохален и вечен, как древние фараоны...

Конечно, Румянцов понимал, что его общение с дамами зафиксировано с десятков, а то и сотен ракурсов, – иначе в их ведомстве и быть не могло; здесь фиксировали все обо всех сотрудниках, всегда скрытно, в самых неожиданных местах... Его еще не раз станут провоцировать *на* имена и красоту, *на* возраст и положение, искушая вовлечься в приятную, роковую ошибку. Нет, конечно же, Румянцов не чуждался женщин, но всегда помнил главное: за связь с *не той женщиной* он поплатится жизнью...

В подсознании референт понимал, а со временем и узнал достоверно, что его босс – страшный собственник, и если бы кто-то покусился на его женщин, то и тот мужчина, и та женщина, посмеявшие изменить ему, были бы уничтожены; он, Арсений Алексеевич Архимандритов, никому ничего не прощал.

Однако, в последующем неоднократном общении Румянцова с женщинами, приближенными к гению Архимандритова, была своя тайна! Некоторые из них даже верили, что... спали с ним. Впрочем, после ночи, проведенной референтом у Елены Васильевны Пешковской, та искренне верила, что отдалась молодому мужчине с пылкой страстью 17-летней девушки. Подобное состояние будет

внушено и Рогнеде Павловне Чаковской. Дамам казалось, что между ними и крепким горячим самцом существует идеальная тайна, снисходительно дозволенная самим Архимандритовым. И оттого в его присутствии они станут задорно задевать Румянцова, играя в слова и взгляды. Ничего странного в том, что Арсений Алексеевич позволил им подробное душевное состояние, не было. В этом состоянии женщины лучше работали, их стареющие инстинкты подогревали, ускоряли мыслительные процессы. Что и требовалось Архимандритову. Уникальная аппаратура, запечатлевающая и проецирующая на экраны общение Румянцова с женщинами, свидетельствовала, – его референт играет, куражится, отдает часть своей энергетики, внушает, но никогда не переступает символическую черту.

Не раз еще будет так, когда в апартаментах босса соберутся милейшие Елена Васильевна и Рогнеда Павловна, и, посматривая на красавца-референта, при первой ссылке Архимандритова, что его референт как раз и есть эксперт в той или иной области, станут вальяжно подшучивать:

– Вот вы утверждаете, что такой эксперт, как Румянцов, подтвердит ваши глубокие познания, к примеру, в области Военно-морского флота. А не кажется ли вам, дорогой Арсений Алексеевич, что он эксперт только по одной части: по части женщин? Это, между прочим, вам говорит женщина.

– Это не умаляет, а увеличивает достоинства моего офицера, – обычно добродушно парировал Арсений Алексеевич. И продолжал дискуссию, вернее, выступление.

Обычно, приглашая гостей, он начинал не столько разговор, сколько пламенный спич, из которого следовало, какой он всесильный, всезнающий, какой мощью обладает, и какие у него глубочайшие познания во всех сферах жизни. Несмотря на некий налет бравады, все это было сущей правдой. Архимандритов обладал уникальными знаниями и уникальными возможностями. И эти таланты были даны ему не Богом, но дьяволом...

Обычно его аудитория должна была включать от двух до пяти человек, предпочитавших его слушать, более того – слышать. Ибо Арсений Алексеевич мог мгновенно снять информацию, что люди своим мышлением не участвуют в его повествовании, а озабочены

своими мыслишками, и это могло стоить им жизни... Да, не умеющим его слушать это неумение, эта тупость обходились всего только в жизнь. А потому все слушали его признательно, с долей восхищения; часовые спокойные, размеренные речи свидетельствовали об удивительной, сверхчеловеческой работоспособности мозга этого землянина...

Он и подле себя не держал бесталанных; тут каждого можно было назвать гением, хоть бы и гением в воплощении замыслов босса. В структуре аппарата секретаря ЦК Архимандритова люди работали по 48 часов в сутки! Спрессовывая время!

И потому, если случались теплые, почти задушевные встречи, их следовало ценить особо. Когда та же Рогнеда Павловна позволит себе игривое:

– Ах, Арсений Алексеевич, почему у вас такой удачливый офицер? Можно подумать, крокодилы его спасли от вьетконговцев... *Шерше ля фам*, говорю я вам, *шерше ля фам*...

И Арсений Алексеевич позволял себе хитро улыбнуться в крохотные аккуратные усики, пропуская женские реплики мимо ушей.

...Но в тот вечер, когда Иван Михайлович Румянцов привез к боссу Эвелину Абрамовну Сарнавскую, он был всецело поглощен раздумьями. Ничем особенным в последнюю неделю референт не был занят, шла обычная текучка и обработка поступающей информации. Правда, он помимо всего читал документы, связанные с антарктическими экспедициями и иными событиями, происходившими в Южном полушарии. Таково было распоряжение босса.

Но даже в этом ему виделось затишье; ведь он не мотался по свету, не рисковал жизнью, не добывал сверхсекретную информацию, не проводил рискованные операции... Но так нередко бывает во время затишья перед бурей; затянувшееся монотонное безделье перед назревающими большими мероприятиями. И они не заставили ждать...

Насладившись обществом прекрасной Эвелины, Архимандритов вызвал к себе Румянцова.

– Ну что, мой каперанг... – И это обращение свидетельствовало и о хорошем расположении духа, и даже, сказал бы Румянцов, об особом доверии босса к нему, – тебе придется поучаствовать в одной очень

сложной экспедиции. Удивляться ничему не следует, даже тому, что эта экспедиция может закончиться для тебя трагически... Но работу надо выполнить основательно.

Архимандритов, сидевший напротив, обвел взглядом комнату, словно окинув пространство всего земного шара и сосредоточившись на определенной точке. Румянцов сгруппировался, ловя каждый звук и каждый шорох.

– Много лет назад мы заинтересовались этим участком на Земле... И на этих словах каперанг ясно представил не виденный им своими глазами южный континент, антарктический холод, отдающие ледяной синевой просторы, редких животных, стаи пингвинов, косяки рыб и фонтаны заплывающих сюда китов...

– Тогда сложилась обстановка, когда мир и международная общественность были заняты войной. Но, как ты понимаешь, для кого-то война – это миллионы жертв, а для кого-то – миллиарды долларов. И даже когда боевые действия продолжились в северной Африке между генерал-фельдмаршалом Роммелем и генерал-фельдмаршалом Монтгомери, и даже когда в Тихом океане бушевали сражения на воде и в воздухе между американцами и японцами, – южнее экватора никаких боевых действий не было. Ибо, как говаривали французские монархи, война – это не самое важное, она может подождать, когда речь идет о любви. Но нас интересуют вовсе не любовные интриги. Хотя это правильно, что у монархов есть дела поважнее. Архимандритов незаметно нажал кнопку, расположенную в столешнице и тут же справа открылись дверцы бара, оттуда выехал поднос, на котором стояли прохладительные напитки. Он налил себе соку и предложил референту. Румянцов кивнул, взял запотевшую бутылку с минеральной водой и наполнил хрустальный стакан. Легкое шипение приятно услаждало слух. Оба выпили с наслаждением. После чего Архимандритов продолжил:

– Кое-что ты уже знаешь. Кое-какие бумаги для ознакомления получишь. Некоторые сведения я дам тебе сам. Готовься. И хотя освещение в кабинете оставалось ровным, референту почудилось, что свет потускнел, словно пространство медленно закрывала тяжело плывущая туча.

– В начале 1941 года из территориальных вод Советского Союза, с военно-морской базы вышли три мощные подлодки класса «Л»

(«класса «Ленинец»»), – машинально отметилось в сознании Румянцова). Планировалось, что выйдет четыре. Но во время испытаний одна подводная лодка таинственно исчезла в Мотовском заливе, на севере... История ее гибели так и осталась для командования флотом и для правительства тайной. Но не для Секретариата товарища Сталина. И мы-то с тобой хорошо знаем, что все тайное рано или поздно становится явным. Так вот, три лодки вышли в Атлантику и по пути следования на юг сделали несколько остановок с заходом в Гвинейский залив, затем резко взяли курс на запад и проследовали к одному из островов Карибского бассейна. После небольшого ремонта, отдыха экипажей и пополнения запасов три боевых подводных корабля взяли курс вдоль Южноамериканского континента, в сторону ревущих 70-х широт к проливу Дрейка. После длительного и непростого плавания лодки вновь зашли в одну из гаваней на побережье, где были встречены группой людей. Кто эти люди, ты узнаешь из бумаг. Все необходимые документы ты получишь. Архимандритов еще раз налил себе полный стакан сока; «Наверняка Эвелина замотала», – вскользь подумал Румянцов, прогоняя крамольную мысль, силой воли вытирая ее из сознания.

– Эти люди, встречающие наши подлодки, предложили морякам перед последним броском отдохнуть в великолепной гостинице в горах. Как ты понимаешь, отказа быть не могло. Об этой гостинице и в то время, и тем более после Второй мировой, почти никому ничего не было известно. Итак, моряки, оказавшиеся там, уже никогда не вернулись на свои корабли. Вместо них лодки заняли ранее прибывшие сюда высокопрофессионально подготовленные подводники из нашей страны. И это было правильным решением. Почему, – ты поймешь. Этот большой переход в южную часть латиноамериканского континента был сопряжен с огромными трудностями, и довольно негативно сказался на моряках. Я дам тебе конфиденциальные материалы по этой экспедиции, из которых ты многое поймешь, хотя в них изложено строго казенным языком рапортов.

Архимандритов усмехнулся и сам себя поправил:

– В твоём присутствии надо говорить рапортов, – как принято у морских волков. Тщательно изучив и проанализировав, ты должен наметить план действий. Их глаза встретились. Несмотря на то, что

Арсений Алексеевич был росту небольшого, а его референт обладал крупным телосложением и был высоким, их глаза встретились на одном уровне. У секретаря ЦК все было продумано и подогнано таким образом, чтобы никто не восседал, не чувствовал себя *выше*...

– Имей в виду, что все три наших экипажа проработали там до 1947 года. После войны американское командование военно-морских сил по согласованию с правительством осуществило две экспедиции в Антарктику. Вернее, три, но третья запланированная экспедиция американских ВМС там же исчезла. Тебе надо будет ознакомиться с материалами этой экспедиции и пройти тем же маршрутом в Антарктике. Наш проект будет называться «*Снежный юг*». Архимандритов сделал долгую паузу, словно считывая то, о чем думает его офицер.

– И еще. Тебя волнует, что произошло с тремя советскими экипажами. Если я скажу, *что* произошло, это не будет полным ответом на все вопросы. Тут важно, чтобы ты ответил себе сам. Тебе придется остановиться в той самой гостинице в горах; это одна из наших секретных баз с того времени. И не удивляйся, если... если где-то там встретишь совсем, казалось бы, непричастных к твоим делам людей. Возможно, даже тех, с кем ты виделся недавно. А теперь иди. У меня много более важных дел, чем те, о которых мы с тобой говорим.

Да уж; каперанг Румянцов понимал: то, что для него становится настоящим открытием, для его босса – давно познанное и пройденное. А тем более те давние операции, где использовалась не только разведка Архимандритова, но и его подводный флот, не имеющий никакого отношения к каким бы то ни было военным ведомствам. Потому что более сильного и более закрытого ведомства, чем аппарат секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова, в советской стране не было!

Иван Михайлович поднялся и негромко, чтобы не раздражать босса, произнес *королевскую* фразу:

– Есть дела поважнее, чем война...

До его затылка и ушей донеслось едва слышимое, шипящее:

– Вот-с, вот-с-с...

Глава 5

Румянцов, напряженно изучая зарубежные источники об Антарктиде и секретную информацию из архивов аппарата Архимандритова, да и получая сведения при личных разговорах с боссом, особо отметил, что некоторые страны начали делить между собой Антарктиду еще задолго до начала Второй мировой войны.

Настолько рьяно, словно пытаюсь вырвать из чьих-то рук ценный приз, врученный давним отважным открывателям шестого континента самими богами...

Советское правительство, озабоченное действиями ведущих государств Запада в изучении южных приполярных широт, в январе 1939 года заявило официальный протест правительствам этих стран (*о Германии речь в заявлении не шла*), что их антарктические экспедиции занимаются необоснованным разделом на секторы земель, некогда открытых русскими мореплавателями и исследователями Беллинсгаузеном, Лазаревым, Лисянским, Крузенштерном и другими.

Война, охватившая полмира, на время прекратила споры. Когда Великобритания и Норвегия оказались втянутым во Вторую мировую войну, и им стало не до Антарктиды, – особый, настойчивый интерес к южному континенту проявили до поры времени нейтральные, но агрессивные Америка и Япония.

Через полтора года после окончания боевых действий на Тихом океане в руках у советского командования оказались качественно сделанные аэрофотосъемки всего побережья Земли Королевы Мод, начиная от мыса Тюленьего и заканчивая заливом Лютцф-Хольм в 3500 км только по прямой. По мнению американцев, русские после войны просто отняли у *поверженного врага* все эти данные по аэрофотосъемкам, осуществленные немцами еще в 1938 году.

Как понял из представленных ему бумаг Румянцов, для съемок использовались самые уникальные самолеты Советского Союза, построенные в канун войны, – Петляков⁸, способные совершать дальние перелеты без дозаправки в воздухе (как таковая, дозаправка в воздухе тогда еще не существовала, но испытания в СССР уже проводились). Благодаря встроенному за кабиной летчиков пятому

двигателю АМ-35, служившему в качестве воздушного компрессора, нагнетающего воздушную подушку перед четырьмя двигателями на плоскостях, самолет Пе-8 мог забираться далеко за 10-километровую высоту, то есть, почти в стратосферу.

Из этого выходило, что съемки либо принадлежали русским, либо проходили в рамках совместного проекта между Советским Союзом и фашистской Германией.

Новая тема все больше увлекала каперанга. Перспектива оказаться в самых южных широтах, и даже не как участник научной экспедиции, а как свидетель Истории, которому позволят заглянуть за кулисы, в *таинство тайное* ее охраняемых закоулков, – действительно впечатляло. Но, – понимал Румянцов, – за всем этим стоит что-то еще, что очень важное для его босса. Ведь, даже познавая, ему придется принять участие в какой-то опасной игре, могущей закончиться его физической гибелью. Разве Архимандритов не сказал о том же? Сказал. Только вот смысл предстоящей операции был пока не понятен, не известен.

Однако спрашивать раньше времени не полагалось, – у Папы Сени за преждевременное любопытство назначается один исход: смерть.

Так что придется пока накапливать знания и просчитывать все возможные ходы босса. Да и ходы всех окружающих его, каперанга Румянцова, людей.

Каким-то необъяснимым, *сто шестым* чувством самосохранения Румянцов ощутил, что в предстоящей операции не все пройдет так гладко, как представляется. Но главное, он пока не мог понять: что же следует предпринять для предотвращения возможных опасностей и «подстав»?

И, ощущая опасность, он был недалек от истины.

В связи с тем, что СССР после войны потерял свое влияние в Антарктиде, у Архимандритова неоднократно возникало стремление вернуть себе утраченные позиции. Но что конкретно там его привлекало? – этого пока каперанг не знал. Ведь не просто же земля, открытая русскими, не просто ее богатства, пусть даже и несметные... ведь не богаче же, чем земля Сибири... А что Архимандритов хочет именно влиять на то, что происходит в Антарктиде, – это-то как раз Румянцов и осознал. Или влиять на тех, кто «подгребают» континент

под себя и сам диктует правила остальным... В какой-то момент пришло понимание, что секретарь ЦК Архимандритов втягивается в новую игру с титаном Бросманом, – своим давним знакомцем. С Дэвидом Бросманом, *триединым* в зловещей ипостаси: друг, враг и соперник.

Когда-то этот влиятельный человек в течение четверти века был большим другом вождя советского народа товарища Сталина, вплоть до его кончины. Этот «друг» представлял интересы США в Москве, работая в советской столице в предвоенные, военные и послевоенные годы. Он прекрасно владел русским языком; это мог утверждать и Румянцов, потому что не так давно, еще будучи капитаном 2-го ранга, он, выполняя распоряжение босса, прилетал в США для встречи с Бросманом и передачи крупного алмаза, принятого им за «Кавалергардский» алмаз, символ Власти.

О том, *кто* такой Бросман, каперангу Румянцову было известно; но многое о нем, его делах и его взаимоотношениях с Арсением Алексеевичем Архимандритовым оставалось *за кадром*...

Румянцов, только припомнив этого американца и увязав его с теперешними планами босса, как-то вскользь отметил, что Архимандритов «подсовывал» под заокеанского друга Аду, дочь коллеги по ЦК и Политбюро Андрея Игнатьевича Ютвакова. Рассчитывая, что еще вдовый тогда Дэвид возьмет Аду Андреевну в жены. Игра велась изощренная и красивая; горячая черноволосая мегера, имея – при всем при том – еще и свои виды на офицера Архимандритова Ивана Румянцова, и не раз подставляя того под удар, так и не смогла искутить душу осторожного немолодого американского политика. Дэвид Бросман тогда женился в третий раз, взяв в жены Элли Мальборо и обставив, как он считал, своего заклятого друга. Но... и Элли Мальборо, как и первая жена Бросмана из далеких 30-х годов XX века Мари Литни, была личным агентом Арсения Архимандритова, Папы Сени-Сатаны.

В этих хитроумных схватках, длящихся не одно десятилетие, сражались не люди, а – интеллекты, не человечьи умишки, а – сверхчеловеческие силы; разумы, внедренные в примитивные людские скафандры...

Иногда Архимандритову казалось, что в его отношениях с Бросманом все чаще что-то не стыкуется, не срабатывает. И однажды

понял: это связано с... отсутствием товарища Сталина. Сталин всегда находил искомые решения, и, – размыслил Арсений Алексеевич, – наверняка и антарктическая проблема была бы уже решена гением *вождя народов*. Но после смерти Иосифа Виссарионовича Архимандритов остался наедине с Бросманом, находившимся теперь фактически на вершине, где восседают некоронованные короли Америки. Этот *дьявол*, американский Satan, правивший чуть ли не всеми делами на Земле, стал и оппонентом, и самым ярким противником, и самым верным (в силу своего постоянного присутствия во всех глобальных делах) другом советского *сатаны*. Архимандритов понимал, что без Бросмана ему никогда не решить антарктической проблемы. Но и идти с ним в связке он не желал и всячески оттягивал тот момент, когда им придется встретиться для обсуждения планов; ведь Дэвиду Бросману обязательно станет известно о том, что затевает Архимандритов вокруг шестого континента.

Да, Арсений Алексеевич Архимандритов признавал над собой только одного лидера – товарища Сталина; *да и то до поры, до времени...*

Просчитывая и воплощая свой замысел, секретарь ЦК решил подключить к игре полковника медицинской службы Станислава Исаевича Гейер-Генерозова, сына своего заместителя генерала армии Исаия Львовича Гейер-Генерозова. Генерал армии уже давно был правой рукой Архимандритова по внешнеполитическому скрытому планированию и акциям; друг его темной молодости, уцелевший в горниле революции и репрессий благодаря покровительству ставшего всесильным кореша. Когда молодой Арсений попал на службу в Секретариат товарища Сталина, его старший друг Исай оказался незаменимым помощником в осуществлении многих гнусных авантюр. И теперь Архимандритов поручил координирование «Снежного юга» генералу армии, сказав, что и эту экспедицию, и всю операцию будет осуществлять его сын. Указав также, что ответственным за осуществление проекта будет назначен заместитель Гейер-Генерозова по морской части вице-адмирал Александр Кириллович Белых.

Что в операции по Антарктиде должен участвовать и Румянцов, генерал армии знал от Архимандритова. Но цели и задачи каперанга ему были неизвестны. А спрашивать он не посмел, хорошо зная, что

бывает в их ведомстве с любопытными... Да, в *подвал* старый генерал явно не спешил; только подумав о возможном завершении земного бытия в подвалах своего босса и давнего товарища Папы Сени, Исая Львович готов был предать *всех и вся*...

А без расспросов и уточнений у Гейер-Генерозова сложилось мнение, что он – основной координатор проекта, а его сын – основной участник будущего плавания.

Полковник Станислав Исаевич был приемным сыном Исаия Львовича Гейер-Генерозова, усыновленный еще в младенчестве и вознагражденный за страдания сиротства звучной фамилией. Мальчик был поздним ребенком товарищей Исаия, ставших в первый год после окончания Второй мировой «жертвами энкавэдэ». Исая Львович, за множеством дел не уследивший за судьбой Иды Мейерович и Лейбы Ильина, все же слишком хорошо помнил их совместное отрочество, насыщенное участием в Гражданской войне, работу в штабах Белой армии в качестве советских агентов, выявление после войны находившихся в подполье белогвардейцев, а также идейную работу по так называемой консолидации рядов партии, становящейся после провокационных дискуссий единственной на широком политическом поле необъятной страны... Он хорошо помнил как дружили их живущие по соседству родители, братья и сестры, объединенные революционным прошлым, арестами, обысками, мотанием по границам, учебой в террористических центрах знаменитой партийной школы в Лонжюмо, пылкими разговорами, писанием лживых прокламаций под безобидными русскими псевдонимами, ссылками, идейным злобствованием, ненавистью к чистой России, ее народам и богоданному Императору... И в память этого – для них, вырвавших власть, он, успешно продвигающийся в новой политической системе *социализма*, усыновил осиротевшего мальчугана.

С годами в пареньке проснулись таланты. Что, безусловно, радовало Исаия Львовича. К 30 годам его сын стал кандидатом технических наук в области космической связи, а чуть позже блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук. Станислав Исаевич – уникальный хирург, и если бы его имя не было засекреченным, то мировая научная общественность, особенно в области космической медицины назвала

бы его светилом современной науки. С его мнением считались выдающиеся советские ученые, чьи имена не секретили. Причем, считали его не только маститым среди ученых мировой медицинской науки, но и экспертом в сфере антропологии, генетики и в гинекологии. Его блистательные операции по перемене пола – через созданную им школу – завоевали лидирующее место в мире.

Несколько лет назад, тогда еще подполковник медицинской службы Станислав Исаевич стал заместителем ведущего референта Архимандритова – капитана 2-го ранга Ивана Михайловича Румянцова. Одновременно Станислав Исаевич возглавлял уникальный спецобъект в Хибинах, состоящий из нескольких засекреченных лабораторий.

Во всей дальнейшей истории и Арсений Алексеевич Архимандритов, и Станислав Исаевич Гейер-Генерозов, и Дэвид Бросман, и Иван Михайлович Румянцов, и некоторые другие *вольные* или *невольные* участники проекта «Снежный юг» станут разыгрывать свои партии, пытаясь обыграть друг друга; некоторые, правда, будут пытаться не столько обыграть, сколько сохранить свою жизнь, и тем самым победить, преодолеть уже казалось бы *неотвратимое...*

Но тогда ведущий референт Румянцов еще не знал, что босс готовил к крупномасштабной операции и экспедиции в сторону Антарктиды не только его.

Пока что каперанг Румянцов понимал, что у него в запасе есть не менее полугода до начала операции, а значит, он успеет многое предпринять.

Глава 6

Незаметно, день за днем, осень листала свой календарь, радуя москвичей то ясной и солнечной погодой, то хмурым, но теплым дождем. Пока не настал ноябрь, неожиданно начавшийся со снега и довольно неслабого мороза.

Вслед за празднованием 7 ноября очередной годовщины главного советского праздника, называемого *днем Великой Октябрьской социалистической революции*, каперанг Румянцов получил отдых на двое суток. За последние более чем два месяца он спал мало, чаще по два-три часа в сутки; иногда возникало столь острое желание сна, что память тут же и словно назло подсовывала ему райские видения времени его пребывания в отпуске, когда он вволю отсыпался в сочинском санатории под пальмовый шелест и шуршание волн. Только усилием воли ему удавалось прогонять эти чудесные воспоминания, прежде чем приступить к работе. А вот теперь, в наступившее утро 8 ноября, когда можно было спать хоть *день деньской*, он, подчиняясь внутренней пружине, проснулся ровно в шесть. Попытки заставить себя закрыть глаза и задремать, не увенчались успехом. Иван лениво потянулся, до хруста в суставах, и взглянул в окно, где еще морозно бушевала ночь. О стекло били крупные хлопья снега, налетая волнами в порывах стылого ветра.

Иван закутался плотнее в одеяло, и, обхватив руками подушку, лежал в сумраке, вглядываясь в давно знакомое пространство спальни. Так, бездумно и бездеятельно пролежал он до полудня.

Наконец встав и приняв горячую ванну, он выпил две бутылки сока, сел за стул, чтобы полистать журналы и просмотреть газеты, как зазвонил телефон.

«Кого это нелегкая?»; Иван не спешил поднимать трубку в надежде, что звонивший посчитает, что никого нет дома. Но аппарат упорствовал, и Румянцов наконец взял трубку. Связь была отличной, и вовсе необязательно было прикладывать трубку к уху, чтобы услышать голос. Он сразу понял, что с ним говорит Рогнеда Павловна.

Выслушав ее тираду и поздравления с праздником, он также пожелал ей всяческих благ в столь праздничный день.

– Зря вы забыли меня. С тех пор прошло ужас как много времени! Могли бы и посетить народную артистку, хотя бы из уважения к ее выдающимся заслугам перед нашей партией и народом. Голос говорившей звучал звонко и мило, и сразу перед взором предстала эта очаровательная женщина.

– Это что, дорогая Рогнеда Павловна, официоз или вы кому-то стремитесь показать вашу лояльность родной партии? Иван знал, что телефоны во всех коттеджах, даже в тех, где он останавливался хоть единожды, всегда тщательно прослушивались.

– Ну что вы, как это я, – внучка и дочь революционеров ленинской когорты – могу думать иначе? А вот звоню я для того, чтобы пригласить вас сегодня на праздничный обед. Приходите к четверем... или, может, за вами прислать авто?

– Нет-нет, – поспешил отказаться Румянцов. – Я признателен вам за приглашение, но знаете, вчера мы с боссом так попраздновали, что, право... Но звонившая была настроена решительно в деле заполучения к себе такого гостя.

– Никаких отговорок! Я жду вас, и все тут! Иначе не только босс на вас рассердится.

– Ну, хорошо, хорошо, сдаюсь. Я буду к четверем.

Он где-то слышал, что любимыми цветами Рогнеды Павловны были орхидеи, и, собравшись через пару часов, Румянцов заехал в цэковскую оранжерею. Помимо разнообразных цветов, выращиваемых в этой элитной оранжерее, здесь в любое время года можно было приобрести свежие тюльпаны из Голландии. Проигнорировав яркие тюльпаны на сочных ножках, каперанг купил огромный букет орхидей. Затем прошел в цэковский спецмагазин, взял набор французского шампанского, несколько бутылок коньяка и подарочный комплект шоколада. В последнюю минуту ему пришла блажь взять еще золотую цепочку тонкой работы швейцарских ювелиров.

Минута в минуту, ровно в 16.00 он вошел в элитную квартиру на улице Горького. Иван сразу понял, что кроме одинокой хозяйки и горничной больше никого нет; «Нехорошо, что с гостями такое напряжение», – подумал про себя Румянцов.

Горничная, проведя его к покоям хозяйки, как-то незаметно упорхнула в свою комнату, а представшая взору Рогнеда Павловна, облаченная в кимоно, театрально-царским жестом пригласила его в

будуар. Примадонна и народная артистка, словно продолжая сцену из основательно забытого всеми классического спектакля, вдруг затянула неизвестную Румянцову оперную арию, исполнение которой требовало определенных манипуляций телом. Даже несмотря на солидный возраст артистки, несмотря на отсутствие музыкального сопровождения, голос Рогнеды Павловны звучал страстно и молодо. Сделав едва слышимый вздох, она поставила правую ногу на банкетку и протянула руку навстречу гостю. В тот же момент ее роскошное кимоно распахнулось, и Румянцов увидел обнаженное женское бедро.

Но разве в ее возрасте стоит выставлять оголенные ноги напоказ? – еще подумал он. Тогда это показалось ему странным, очень, очень странным... Что-то явно не совпадало! Что? – *тело и возраст*... наконец дошло до сознания... Румянцов еще раз внимательно посмотрел на *объект*, обнаружив, что прелестная ножка одета в тонкий шелк французских колготок, скрывающих некоторые возрастные недостатки тела. И все-таки тут дело не только в искусстве французских мастеров, – уверовал каперанг... С подобным уникальным несовпадением возраста и физического тела он еще столкнется не единожды; и, наконец, узнает *что к чему*...

После исполнения арии и его искренних восхищений, высказанных вслух, они прошли в гостиную и сели за накрытый яствами стол: дама неопределенного возраста в кимоно и молодой, крепко скроенный мужчина. Но не успели они опуститься на стулья, как раздался коротко звучащий телефонный звонок. Это побеспокоила горничная. Хозяйка подняла трубку и распорядилась: «Приглашай!» А вскоре сюда пожаловали Эвелина Абрамовна Сарнавская в сопровождении сияющего лучезарной улыбкой Станислава Исаевича Гейер-Генерозова, облаченного во фрак.

Когда все сели за стол и посыпались поздравления и приличествующие событию поцелуи в щеки, Румянцов наконец понял, что у Рогнеды Павловны сегодня день рождения. Очень кстати пригодилась и золотая цепочка, предусмотрительно купленная в цэковском магазине... Каждому врученному ей подарку Рогнеда Павловна выдавала свой артистический реверанс; получил свою порцию и Румянцов. Растроганная именинница схватила его и, притиснув к пышной груди, сладострастно расцеловала.

За столом завязался разговор, восхваляющий хозяйку, сыпались тосты, уверения в любви частной и всенародной. И вдруг, когда гости чуть приустиали, Рогнеда Павловна сделала удивительное заявление:

– Мои друзья, в паспорте записано, что я родилась 8 ноября, не будем уточнять какого года. Но в действительности я родилась 6 февраля. И знаете, кто из великих женщин также родился в этот же день? Правда, несколькими годами позже...

Она, заигрывая, посмотрела в глаза мужчинам, младше ее самой лет на 30; и даже не искусенные в женской психологии могли бы увидеть промелькнувшее в ее глазах блаженство.

Эвелина Абрамовна отреагировав на ее слова, обвела сидящих за столом сияющими углями своих глаз, и красивым бархатным голосом спросила:

– Любопытно, милочка, что это тебя понесло в воспоминания о каких-то знаменитых женщинах? Ты что, в юности была склонна к иной любви, нежели к натуральной?

– Ну что ты, Эвелиночка, – Рогнеда Павловна ничуть не обиделась на скабрзность своей более молодой подруги. – Я говорю об одной знаменитости, но не актрисе, хотя она была удивительно талантлива, поразительно грациозна и артистична. Но ей не пришлось блистать на подмостках театров или на съемочных площадках. Во всем облике именинницы и в этих ее словах заключалась некая тщательно скрываема тайна, так желаемая быть открытой милой Рогнедой Павловной. Да, бывают благоприятные моменты, когда из человека выплескивается то, что должно бы храниться, не причиняя никому вреда... Румянцову постепенно передалось настроение актрисы; тогда как Эвелина Абрамовна все еще была настроена игриво-цинично:

– Надо полагать, она посвятила свою жизнь какому-нибудь гению? Или гею?

– Ну что ты, как можно говорить так о величайшей женщине нашей эпохи? Это я, будучи старше этой удивительной женщины, могу о ней судить по-своему, как говорят, со своей колокольни. *Мне уже позволено...* В отличии от тебя, ведь ты родилась намного позже.

И хозяйка дома наигранно, чтобы не драматизировать ситуацию и не вызывать неловкости у молчаливо присутствующих мужчин, вздохнула; разница между Рогнедой и Эвелиной была не менее двух десятков лет.

Отметив заинтересованность мужчин, заинтригованных вступлением о самоотверженной незнакомке, хозяйка, красиво манипулируя облаченными в широкие рукава кимоно руками, и будто играя трагическую роль на сцене, с горечью и пафосом продолжила:

– О, она сыграла выдающуюся роль, в сравнении с которой роль Клеопатры ничтожна. Ибо Клеопатра силой своего диктаторского характера и сексуальной страсти стремилась подавить своих мужчин, которым вряд ли была верна. Тогда как *эта* женщина, может быть, обладала не менее страстным, чем у Клеопатры, телом, но удивительно кротким характером и величественной душой. Она никогда не высказывала свои мысли вслух, не выставляла себя напоказ. По истечении многих лет ее имя будет неотъемлемо от имени человека, которого человечество предаст анафеме. А она, как настоящая женщина, *не* предаст его...

Оглядев всех присутствующих, Рогнеда Павловна, округлив глаза, буквально прошептала:

– Утверждают, что она ушла с ним в ад.

– Любопытно, о ком идет речь, – поинтересовался Гейер-Генерозов. – Думается, не о жене товарища Сталина...

– Нет, не угадали. Отцом этой дамы и двух ее прелестных сестер был школьный учитель Фридрих Браун. Это вам о чем-нибудь говорит? Нет? Ну, я так и знала... Девушки учились в женской гимназии в Симбахе. И та, о которой я говорю, в 1929 году вернулась после учебы домой. Отец устроил ее в фотоателье к некоему Генриху Хофманну, возможно, родственнику, так как у него в родне по одной из линий были Брауны. И вскоре 17-летняя девушка уже снималась для модных журналов... обычно она позировала вполоборота, – такая таинственная и застенчивая фройляйн. Как-то в фотоателье появился мужчина, показавшийся ей крайне непривлекательным. Но, как она вспоминала позднее, ее поразил его рентгеновский взгляд, пронзавший насквозь. Сопровождавший его молодой человек, также мало привлекательный, – выше среднего роста, скуластый и с узким лбом, – представил гостя как господина Вольфа. Однако юная красавица даже не сочла нужным представиться вошедшим мужчинам, а, полная презрительного очарования, удалилась за шторы в боковую комнату. Но мнимый Вольф пришел во второй раз, и принес фройляйн золотое колечко на серебряном блюде, конечно же, отвергнутое ею. С тех пор

дочь учителя долгое время ничего не слышала о своем воздыхателе. Пока судьба не свела их навсегда... Это была Ева Анна Паула Браун, родившаяся 6 февраля 1912 года.

...В комнате наступило молчание, слушатели, в том числе и Эвелина Абрамовна, притихли, – то ли от изумления, то ли от неслыханной дерзости рассказчицы; казалось, вдруг отчетливо стало слышно биение сердца взволнованной артистки. Первым пришел в себя Станислав Исаевич Гейер-Генерозов, громко вспыхивший:

– Это вы о чем, Рогнеда Павловна? Вы – о Еве? Любовнице фюрера? Да можно ли сегодня такое говорить, да?!

– А почему бы и нет? – переспросила она. – Я же сказала, что *мне уже позволено*... И потом, я вам рассказываю только то, о чем по просьбе Сталина рассказывала ему лично, ибо мне пришлось быть близко знакомой с нею. Да, с Евой... Сталин, мне кажется, что бы вы все ни думали, довольно высоко ценил ее женственность, красоту, умение быть вовремя нужной. Словом, я ничего от Иосифа Виссарионовича не слышала о ней негативного...

– Но как вы могли слышать или не слышать, вы что, целые дни напролет проводили со Сталиным?

– Ну уж нет! – Рогнеда Павловна пыталась оставаться спокойной, возможно, уже жалея, что завела этот разговор. – Память мне точно еще не изменяет, и когда Сталин заводил разговор о Еве, то всегда отзывался о ней предупредительно и тактично. И говорил не как о любовнице фюрера, а как о его жене. Вам же должно быть известно, – она повернулась к Гейер-Генерозову-младшему, – как и вашему отцу, что фюрер и Ева обвенчались у христианского пастыря; и, должна я вам заметить, вовсе не в 1945-ом, а в 1943 году.

Конечно, Рогнеда Павловна уловила, что гостям не нравится эта тема; и хотя всем им позволялось делать и знать всегда много-много больше, чем остальным советским людям, однако секреты о личностях, отданных цивилизации XX века на растерзание, хотелось оставить в забвении...

– Ну, хорошо, – как бы оправдываясь, сказала именинница, – я не буду больше говорить об этом.

Вечер продолжился. Эвелина Абрамовна предупредительно перевела разговор; краем уха Румянцов услышал, как она любезно

предложила имениннице захватить примерить канадские сапожки, совсем недавно завезенные в спецсекцию ГУМа.

Но тут раздался короткий телефонный звонок. И опять Рогнеда Павловна ответила на сообщение горничной: «Веди!»

Глава 7

На этот раз в квартире появилась пара: симпатичная молодая женщина в сопровождении молодого мужчины. Гостей представила не хозяйка, а Гейер-Генерозов, отрекомендовав незнакомку как журналистку и свою близкую приятельницу Кати, или Катю. «А это ее младший брат», – добавил он, махнув в сторону; когда же вновь прибывшие вручили имениннице цветы, Станислав Исаевич направился к проигрывателю, занявшись музыкальным сопровождением вечера.

Минут через тридцать за Эвелиной Абрамовной прибыл автомобиль. Румянцов точно знал, какой автомобиль и куда он доставит ее. На роскошной вилле «Интернационал» Папа Сеня выкроил время для встречи с возлюбленной.

Когда Рогнеда Павловна, проводив подругу, вошла в гостиную, то застала танцующую пару: Гейер-Генерозов, полюбив красавицу Кати, что-то шептал ей на ухо. Несмотря на то, что гостья почти ничего еще не сказала, лишь произносила какие-то междометия, каперанг понял, что женщина говорит с акцентом. Увидев хозяйку, Станислав Исаевич отпрянул от пассивности и налил в хрустальные фужеры шампанское. Еще раз подчеркнув красоту хозяйки в день ее рождения, и одаривая своего шефа каперанга Румянцова беглой ехидной улыбкой, объявил:

– Мои дорогие, хотя Рогнеда Павловна родилась 6 февраля, мы отмечаем день ее рождения сегодня, 8 ноября, на второй день советской власти. И это мне кажется символичным. Рогнеда Павловна, перебив говорившего, съязвила, как бы мстя за недавно прерванный рассказ о Еве, и переходя на «вы»:

– А не слишком ли вы зарываетесь, говоря, что это только второй день советской власти? За нее не только мой отец, но еще и дед дрались с помещиками и капиталистами. Словно не заметив сказанного, Гейер-Генерозов на едином дыхании продолжил:

– Итак, помимо этого большого праздника нашего государства и нашей очаровательной хозяйки, есть повод пригласить вас выпить за меня, – уникального и неповторимого... 6 ноября сего года, в канун величайшего нашего праздника, меня, как достойного сына партии и

советского государства, родное Советское правительство и родная Коммунистическая партия удостоили высокого воинского звания «генерал-майор медицинской службы».

После этих слов он, торжествующе-насмешливый и ликующий, внимательно поглядел в лицо Румянцова. Но тот, заранее интуитивно почувствовав, что в тосте прозвучит что-то особенное, возможно, даже не слишком приятное для него самого, сосредоточил взгляд на пенящейся шапке благородного французского напитка. Приятельница Генерозова, сопровождавший ее братец, а за ними и хозяйка дома по очереди стали обнимать и целовать новоиспеченного генерала.

Румянцова практически ничем нельзя было удивить, он хорошо понимал, *кто таков* его заместитель, которого он практически никогда не видел и которому отдавал указания и распоряжения в редчайших случаях. И все же... как его обставили! Когда-то военные врачи носили зеленые околыши и окантовку; а с введением погон в 1943 году генералам медицинской службы вначале установили зеленые лампасы, а затем – малиновые, как у интендантов. Вот бы сейчас увидеть его с зелеными лампасами! – ни добро, ни зло промелькнуло в голове Румянцова.

Рогнеда Павловна, видя что Иван Михайлович не торопится поздравлять подчиненного, взяла его под руку и легонько толкая его в бок, прошептала:

– Ну же, давайте вместе.

Румянцов саркастически улыбнулся, и тогда она продолжила громко, для всех:

– Мы поздравляем вас с присвоением очередного и, надо полагать, не последнего генеральского чина. Я в этом и не сомневаюсь, ибо у генерала армии сын тоже должен стать генералом армии.

– К сожалению, такого звания, как у моего отца, в медицине нет, – обращаясь к Рогнеде Павловне ответил Гейер-Генерозов. А затем протянул свою рюмку, чокнулся с Румянцовым, и вроде как предлагая примирение, сказал: – Не переживай. Твоя адмиральская звезда не за горами. Поверь мне, я от папашки кое-что слышал. Он тебе начальник, а мне все же отец. Да и Папа Сеня к тебе благоволит.

Каперанг не обмолвился ни словом на вальяжную реплику. Он прекрасно знал, что сынок Генерозова не только выдающийся ученый, но ко всему еще шельма и провокатор. Ему нравилось искушать

многих коллег из различных отраслевых медицинских НИИ, втягивая их в авантюрные проекты. Те, погнавшись за славой и новейшими открытиями, за весомыми премиями, за очередными наградами и академическими званиями, вдруг были поставлены перед фактом, что Станислав Исаевич занимается уникальными проблемами ближнего и дальнего Космоса, и что у него имеются самые что ни на есть живехонькие гуманоиды, то есть, пришельцы с иных миров... От подобных сообщений «крыша» у неподготовленного, непосвященного человека, зовись он хоть ученым, хоть академиком, могла запросто поехать... Но чаще этот внутренний шок приводил к иным результатам. Встречаясь с иностранными коллегами на конференциях, некоторые из просвещенных Гейер-Генерозовым пытались осторожно сообщить, предостеречь, что в СССР достигнуты такие высоты в науке, коих остальной мир еще не знал и не ведал... Сообщение обычно вызывало удивление, тем более что те редкие ученые, которые также занимались проблемами Космоса и внеземных цивилизаций, во время конференций не распространялись о своей сверхсекретной работе. Зато «предателей» всегда хорошо слышали другие участники научных симпозиумов – *глаза и уши* ведомств СССР, тщательно отслеживавших болтунов от науки. Зачем это делал Гейер-Генерозов-младший? – в первую очередь, от презрения к коллегам, от болезненного желания унижить человека, покуражиться, и, конечно же, от восприятия себя, носителя сверхзнаний, равным богам...

И сейчас, объявляя о повышении, он намеревался унижить своего непосредственного начальника, капитана 1-го ранга Румянцова. Впрочем, что сделаешь, если его папа генерал армии и правая рука могущественного и всесильного Архимандритова? Злой червь словно укусил Ивана в самое сердце. «Ничего, всему свое время... и вам отмстится», – отпивая маленькими глоточками шампанское, подумал он; *и аз воздам...*

Повернувшись в Рогнеде Павловне, он взял ее руку в свою, осторожно сжал и как можно мягче предложил:

– Знаете что, Рогнеда Павловна, у меня появилась шальная мысль: а пойдете, уединимся. Вы мне расскажете историю любви... возможно, своей, а возможно, вашей хорошей знакомой, о которой вы недавно говорили. И, может быть, мы с вами что-нибудь сотворим.

Рогнеда Павловна, изящно поправив кимоно, наклонилась к каперангу, и, касаясь губами мочки его уха, прошептала:

– Я весь вечер жду, когда вы меня пригласите.

Они уединились в большой комнате, из которой просматривалась спальня, дверь в нее была приоткрыта.

– Вы знаете, о возлюбленном Евы говорят многое, и что он гей, педераст, и что обожал свою племянницу Гелю. И будто бы во время сексуальных оргий он просил ее мочиться на него, и при этом рассматривал ее гениталии.

И что это послужило причиной самоубийства Гели. Много говорят о его физических недостатках. Будто личный врач Моррель оставил свидетельство, что у фюрера одно яичко меньше другого; другие утверждали, что у него вообще одно яичко, словом... Не буду перечислять все эти биологические недостатки. Их так легко приписать ушедшим. Ты никогда не думал, что умершие становятся беззащитными? Потому что не могут отстоять свою честь.

Рогнеда Павловна говорила очень серьезно. По всему выходило, что она много думала об этом.

– Знаю, что я была не единственной женщиной, которую Сталин отправлял к фюреру. Тогда я была еще совсем молода... молода и красива. Шел 1934 год. И... чтобы там ни оставили медики... они не смогли отрицать то, что во время его выступлений многие женщины пребывая в экстазе, мочились под себя, или даже испытывали сильный оргазм. Кто может почувствовать харизму мужчины и подтвердить, что он Мужчина? – конечно же, только Женщина... А этот был, каких единицы во всем огромном мире... Она внимательно посмотрела на Румянцова и он увидел как от воспоминаний ее глаза заполняются обильными слезами, так от солнца наливаются соком виноградные гроздья на крымских плантациях... Это сравнение растрогало Ивана, но он сидел не шевелясь, чтобы не потревожить Рогнеду Павловну, не сбить ее с вдохновительной, чувственной волны. Чтоб не расплакаться, не дать истечься слезам, женщина приподняла голову чуть выше. Ее голос звучал из глубины гортани. Оттуда, из кроваво-черной глубины, она гортанно пела, регулируя вход и выход воздуха.

– Пусть биологические недостатки, которые люди приписали возлюбленному Евы и оставили потомкам в назидание, останутся их личными недостатками. Ибо человек устроен так, что, поддаваясь

влиянию окружающей среды и социума, наговаривает на другого любой негатив, исходя из собственных амбиций и своего личностного восприятия мира. И, знаешь, почему они так утверждали и утверждают?

Я открыла поразительное явление: *они завидовали ему!* Вот я, старая женщина, – она подчеркнула это с особой значимостью, – я знала столько уникальных мужчин... Наверное, я очень грешна. Но он, возлюбленный Евы, был поразительным мужчиной, и ни один врач, ни тот же Моррель не могли воспринимать его так, как воспринимала женщина. Да что могут все эти моррели, если их самих имеют в зад? Что знают они о психологии и физиологии великих мужчин? Они становятся смелыми только когда их кумиры отходят в иной мир... Я рада тому обстоятельству, что родилась... *бэз пэниса*, тем и горжусь, прожив столько лет.

Рогнеда Павловна улыбнулась, загадочно посмотрев куда-то в потолок, ее взгляд блуждал по люстре, по орнаменту стен, по мебели, проник в спальню, задержался на накрытой атласными покрывалами огромной кровати, затем опустил и пробежал к ногам Румянцова. Поднимая взгляд, она добавила:

– Мне не нужно знать, веришь ты или нет. Это, как говорится, – твои проблемы. *«А кто думает, что я несу антисоветчину, тот дурак»*, – словно пробежала в голове Румянцова последняя, невысказанная артисткой мысль.

– Рогнеда Павловна, я польщен, что услышал от вас. Не буду говорить, верю я вам или нет. Мне действительно очень интересно, и не только потому, что я работаю в *таком* ведомстве... в каком, вы сами знаете. А невероятно интересно, как мужчине, который слушает женщину, которая была близка с выдающимися мужчинами нашей эпохи. Хотите, я вам признаюсь? Еще когда вы читали нам в академии лекции по риторике, я ощутил, что вы не от мира сего, что вы личность, и что через вас я прикасаюсь к миру великих. Даже если этих великих называют садистами, чудовищами... что-то во мне самом сопротивляется такому восприятию. Облаять можно и императора Константина, и императора Александра Великого, и того же Карла Великого, да и Бонапарта... Кому-то ведь всегда выгодно представлять других тварями и ничтожествами...

– ...особенно тем, кто этих *тварей* и *ничтожеств* возвращает, – рассудительно добавила Рогнеда Павловна и энергично поднялась с софы, отодвигая от себя яркие подушки с кисточками. – А теперь знаешь что, я переоденусь, и ты поможешь мне надеть пальто. Мы с тобой проедем на мою дачу. Нет-нет, машину поведешь не ты, ты выпил. Там есть водитель, и ты его знаешь.

...Немногим более часа им понадобилось на то, чтобы оказаться на даче, окруженной редким леском. На улице было стыло, а в большом доме теплым, зазывным светом горело несколько окон. Работники готовились к приезду хозяйки.

Они вышли из машины, и Рогнеда Павловна предложила Ивану прежде чем войти в дом, прогуляться по занесенной крупными снегами аллее. словно прячась от порывов ветра, она еще крепче прижалась к молодому мужчине.

– Молчи и слушай. Я знаю, какой ты осторожный. Знаю, что в скором времени тебе предстоит длительная и очень сложная командировка. Не удивляйся, если в процессе этой командировки ты встретишься со мной... даже если встретишься не единожды. Не удивляйся также, если я буду инициировать знакомство с тобой. Не удивляйся, если на твоих глазах я буду преобразовываться, превращаться в нечто иное, неведомое тебе...

Она взяла собеседника под руку, и что-то хотела еще рассказать таинственное, и, как ему показалось, чертовски любопытное для него, как вдруг Румянцов ощутил, что идущая рядом с ним пожилая женщина светится каким-то особым свечением. И эта ее энергетика, исходящее изнутри свечение, объединили их, стали каналом, по которому каптеранг получал информацию прямо с чужого мозга.

Отчетливо осознав это, Румянцов больше не удивлялся; он уже знал многие тайны, ко многим тайнам ему предстояло еще прикоснуться.

– А ты знаешь, – *рассказывала* Рогнеда Павловна, – что Ева любила не только своего возлюбленного? В один год, когда я в очередной раз приехала в Германию, она с *ним* вместе приехала в Крым. Они встретились где-то в Магараче: Ева и товарищ Сталин, и провели там бурную ночь. И она забеременела от нашего вождя, забеременела в первый и последний раз. Ее возлюбленный фюрер,

оставаясь без нее на целую ночь, знал, с кем она... как знал после, чьего ребенка она носит под сердцем.

Рогнеда Павловна с силой сжала его руку, повернулась к нему лицом.

– Ну, как? Все мои мысли посетили твой мозг?

Невзирая на сгустившуюся темень, каперанг вдруг увидел совершенно другое, незнакомое лицо. И подумал: «А ведь в академии она читала не только риторику. Она читала нас, балбесов! Почему же не научила умению снимать информацию с другого мозга и умению передавать ее в другой мозг?»

Когда они вошли в дом, и он помог Рогнеде Павловне снять пальто, он вновь не узнал ее. Она была все в том же платье, облежавшем ее стройную фигуру, которое она одела перед тем как выехать на дачу. Но он не заметил ни чуть обвисающего от возраста бюста, ни выступавшего животика, ни дряблости рук и шеи... Но более всего его поразило ее лицо. Оно было один к одному к тому лицу, проявленному на фотографиях 30-х годов, которые он видел у нее в квартире. На одной из них, – он отчетливо помнил, – было написано: «1934 год, Зеленый мыс»; где она в закрытом купальнике лежала на берегу, смешливо принимая налетавшую на нее волну. Этот яркий в движении момент и запечатлел фотограф.

Да, это была она, пришедшая из того 1934 года! Перед ним стояла очаровательная, страстная Рогнеда, возникшая из прошлого...

Ночью ему приснился Зеленый мыс и лежавшая в волне прибой женщина в закрытом купальнике, а рядом с ней мужчина с вьющимися волосами, чье лицо, показавшееся ему знакомым, медленно расплывалось постепенно мутнеющим пятном...

Проснувшись, Румянцов поднялся с постели, прошел в туалетную комнату и принял душ. Услышав, что на кухне кто-то хлопочет, он подумал, что это хозяйка дома. Но там он увидел только личного повара Арсения Алексеевича Архимандритова Серафиму. Она вежливо улыбнулась, поздоровалась, аккуратно присела, еще раз улыбнулась и немного певучим говорком произнесла:

– Иван Михайлович, Арсений Алексеевич в кабинете. Он вас ждет.

Тут же скоренько переодевшись в костюм, и уже минуты через две войдя в кабинет, Румянцов предстал перед боссом.

– Что ж ты так крепко спишь?

– Наверное, потому, что вы предоставили мне двое суток отдыха, и сегодня уже второй день. Отсыпаюсь...

– Хорошо, хорошо, – добродушно махнул рукой Архимандритов. – Скажи спасибо, что хозяйка на тебя не рассердилась – оставил ее вчера в одиночестве и ушел спать.

– Да, нехорошо получилось с моей стороны. Она, надеюсь, сейчас будет.

– Будет, только не здесь. Сейчас, думаю, самолет, в котором она летит, с минуту на минуту приземлится в НьюЙорском аэропорту.

И только теперь, взглянув на часы, Румянцов понял, что с того времени, как он пожелал Рогнеде Павловне «доброй ночи» и ушел спать, прошло не менее 14 часов.

Глава 8

Арсений Алексеевич Архимандритов познакомился с Рогнедой Павловной Чаковской в конце 1926 года по возвращении из многомесячной зарубежной командировки. За несколько лет до того родители Чаковской по секретному заданию партийного руководства посетили несколько стран Европы, в том числе и Великобританию. В 1920-м, когда командировка отца Ниеды, как девочку называли домашние, уже завершалась, произошло невероятное, прямо таки трагическое событие.

В тот далекий год Рогнеде исполнилось 12 лет, но она уже выглядела миниатюрной девушкой с развитой грудью и привлекательными бедрами. В отличие от тела ее беспечный ум полностью соответствовал возрасту.

Однажды вместо послеобеденного сна, обнаружив, что мать слишком занята своими делами, чтобы обращать на нее внимание, а домработница удалилась, НиEDA потихоньку выбралась из дома и направилась в старинный парк, в глубине которого был заброшенный древний замок. Она приходила несколько раз в этот таинственный парк с родителями, но ей ни разу не дозволялось приближаться к замку, пользующемуся, как она слышала, дурной славой. К тому же древний замок располагался в самом глухом углу парка, отдаленном и оттененном старыми деревьями от остального мира. Далее, за ним, шли заросли, переходящие в практически девственный лес. Приблизившись к сооружению, можно было увидеть, что некоторые части некогда помпезного замка подверглись частичному разрушению, заросли плющом и покрылись зеленой плесенью. Но это только подчеркивало величественность здания и придавало страшную таинственность имени автора или владельца, выгравированному на самой вершине ротонды.

Но старые надписи мало заинтересовала НиEDу и она, протиснувшись в приоткрытую тяжелую дверь, вошла вовнутрь. День был довольно пасмурный, в высокие и узкие арочные окна просеивался тусклый свет. Где-то высоко под куполом бельведера имелось большое отверстие, сквозь которое время от времени

пробивались светлые лучи на мгновение выглядывавшего из-за туч солнца; в полумраке огромного мраморного холла прозрачные лучи с блестками освещенной пыли представлялись девочке волшебной дорогой, по которой в старинный замок спускаются добрые и злые феи. Ей захотелось подняться к самой вершине купола, она даже сделала несколько шагов вперед, к зыбкой дорожке, как вдруг почувствовала, как кто-то сильный схватил ее за плечо. Не успев даже вскрикнуть, она стала терять сознание от того, что этот кто-то прижал к ее лицу влажную тряпку с резким удушающим запахом.

Ниеда пришла в себя в большой темной комнате, освещенной множеством свечей. В полумраке она увидела выполнявших плавные движения людей в черном, показавшихся ей исполнителями сказочного восточного танца. Но сказочные феи, или духи не внушали доверия. Ниеда захотела закричать, но не смогла. Ее рот был словно заклеен липкой лентой. Захотела вскочить и броситься из комнаты, но руки и ноги девочки оказались привязанными к спинкам кровати, причем ноги ребенка были сильно раздвинуты, и все ее тельце обнажено. Ей оставалось лишь расширенными от страха глазами следить за движением черных теней.

Неожиданно с фигур сползли черные одежды, и оказалось, что комната заполнена обнаженные мужчинами, которые по очереди подходили и насиловали Рогнеду, выполняя короткий и мучительный для жертвы ритуал. Ей повезло (если можно так представить ситуацию), что в группе фанатиков не было крепких самцов... Пройдет много лет, и Рогнеда Павловна узнает, что в подобных ритуалах могли участвовать лишь *недо-мужчины*; но к тому времени она познает множество тайн психики, психологии и физиологии Человека, и сама будет причастна к уничтожению человека, как существа думающего, мыслящего...

А тогда ее продержали в комнате связанной, не давая ничего кроме воды, трое суток. За это время сквозь ее тело прошло множество дьявольских теней; так участники оргии соединяли себя и жертву с миром демонов, – как было ей дано понять...

Но в какой-то момент, когда Ниеда уже отрешилась от всего мира, к ней пришла другая тень, с мягкими руками и улыбкой из-под закрытого темным покрывалом лица, развязала затекшие руки и ноги, отвела в ванную комнату и опустила ее в густую и вязкую массу. Ниеда

не могла знать тогда, что жидкость, в которой ее купали, была... кровью некоторых из тех, что в течение минувших дней и ночей насиловали ее.

Тогда она вообще не могла ничего понять и воспринять. Но после этого обряда девочку возвратили в мир людей, просто обрядив в чистые одежды и выпустив на волю. На выходе из замка незнакомец вручил ей на прощание визитку, на которой было написано: *«Бафомет. Верховный и святейший правитель Ирландии, Иона и всех британцев, которые находятся в святилище Гносиса».*

В день, когда юная Рогнеда пройдя посвящение, получила памятную визитку, величайший масон первой половины XX века Эдвард Александр Кроули создал новое масонское общество «Серебряная звезда», начав выступать с публичными проповедями, вещая что «секс является средством овладения магией и общения с миром демонов». Всем женщинам, которыми пользовался Кроули, наносили на тело татуированный знак «Зверя» и колдовские пентакли. Масон Кроули оставил эти знаки и на теле Рогнеды Чаковской. В самых страшных снах он будет приходить к ней в образе чудища, с прядью волос, выложенных на голове в виде фаллоса. И зыряка горящими глазами, станет манить тонким пальцем и называть своей «блудницей в пурпуре», – по аналогии с библейской женой, которая «блудодействовала с антихристом».

...Все это и многие другие подробности станут известны Румянцову по истечении еще нескольких лет. Но прежде ему придется пройти невероятные испытания на прочность физического тела и божественного духа...

Поздним вечером, когда капитан 1-го ранга Иван Румянцов заснул крепким богатырским сном, на даче Рогнеды Павловны появился Арсений Алексеевич Архимандритов. Устроившись напротив, он спросил хозяйку дома:

– Что у нас в Западном полушарии и как ты со своими миссионерами готовишься встретить Румянцова?

Она чуть настороженно взглянула на босса. Когда-то он был ее страстным любовником. Потом, выполняя его задания, она стала любовницей многих сильных мира сего. Сейчас, по прошествии десятилетий, она оставалась всего лишь старой женщиной, обученной искусству превращения и умению быть всегда нужной. «Не такие уж

плохие качества в таком возрасте», – подумала она, и ощутила как собеседник внушает ее мозгу иную мысль: «В твоём возрасте не об этом надо бы подумать, а о душе...». И, словно отвечая ему на его *волне*, она зло опротестовала: «Моя душа давно принадлежит другому миру, с тех пор как я сама стала принадлежать Сатане».

Продолжая разговор, но теперь уже вслух, Арсений Алексеевич как бы утешил:

– Ну что ты говоришь, ведь твоя старость – это твоя мудрость, твоя губительная сила. Для тебя никогда не существовало преград в развращении самых сильных духом мужчин на земле.

И Рогнеда Павловна торжествующе улыбнулась, вновь, в который раз за один вечер, помолодев на глазах.

Глава 9

С подмосковной дачи секретарь ЦК Арсений Алексеевич Архимандритов и его ведущий референт капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов вернулись в середине дня. И сразу же босс приказал пройти с ним в смотровой зал, где показал один из своих прелюбопытнейших фильмов. Вернее, несколько коротких цветных фильмов конца 20-х – начала 30-х годов XX века, снятых лучшей в стране аппаратурой, имевшейся в ведомстве Архимандритова, как говорят, в предостаточном количестве. У него вообще все было лучшее: лучшая техника, лучшие специалисты, достоверные сведения *обо всем и обо всех*. Понадобится, – както убедил себя Румянцов, – он раздобудет генный код Иисуса Христа...

И вовсе не зря работают на Папу Сеню в аппарате ЦК крепкие парни из всех родов войск; крепкие люди завербованы и служат верой и правдой, за хорошие деньги, во всех силовых и научных ведомствах огромной страны.

И что тут придумаешь нового, характеризуя Папу Сатану? Арсений Алексеевич – из тех, кто точно знает, чего хочет. *Соратник и сподвижник товарища Сталина, его мозговой центр*. Тогда в стране власть удерживала черная троица под общим руководством Генсека Сталина: его первый ас-летчик Салованов, низкорослый тщедушный дьявол Архимандритов и начальник секретариата товарища Сталина Поскребышев. Все они – интеллектуалы, сверхлюди, что предполагает, что и не люди они вовсе, а... судии людям и палачи...

Они прошли в смотровой зал, где Румянцов был уже не однажды, и где воочию знакомился с таинственным кинематографом Истории, который создается исключительно для *избранных*.

Мягкие персидские ковры ручной работы делали шаги идущих тихими и упругими; впереди прошел товарищ Архимандритов, – в дорогом темном костюме, сшитом по спецзаказу; в туфлях на высокой подошве, из нежнейшей кожи, прошедшей уникальную обработку по технологиям древних русских мастеров. За ним прошел референт, кажущийся рядом с аккуратным коротышкой-боссом гигантом. С годами у Румянцова даже выработается искусственная сутуловатость

от незамечаемого им неумышленного согбения в частые моменты общения с товарищем Архимандритовым.

Посетители зашли в небольшой уютный зал и устроились в креслах с меховой обивкой цвета слоновой кости; тут же мягко приглушился свет и на широком экране пошел фильм.

Не в первый раз знакомясь в этом и в других кинозалах босса то с короткими отрывками, то «полнометражными» лентами, полными подсмотренного бездушной камерой драматизма, Румянцов отчетливо для себя понял, что нет в мире более гениальных актеров, чем главные действующие лица, вершащие мировую политику. Что нет более гениальных режиссеров-постановщиков, чем те же власть предержащие, ставящие камерные, интимные сцены, в полумраке, в глухой ночи, в свете хрустальных люстр, в тусклом мерцании золотых слитков, в сияющих бликах алмазов и драгоценных камней-самоцветов. Да, редчайшее творение искусств эти документальные сцены. Но за такими редчайшими моментами, искусно спланированными, искусно зафиксированными, но еще более искусно сокрытыми ото всех на свете глаз, – кроется *Ход Развития Человечества*.

...На экране замелькали кадры. Иван Румянцов привычно фиксировал каждое мгновение хроники. Его мозг был устроен так, что пройди после этого много-много дней и даже лет, он, если надо, припомнит все, до мельчайших подробностей, *что* и *как* было на секретной пленке. На тысячах километров пленок, которые он еще просмотрит... А сейчас, пока идут кадры, сидящий рядом с ним Арсений Алексеевич Архимандритов дает необходимые пояснения.

* * *

Сентябрь 1926 года. Товарищ Сталин отдыхает на Кавказе.

Пробыв три дня в Сочи, Генсек скрытно ото всех прибывает на внешний рейд города Ялты. Откуда катером, в сопровождении своих самых доверенных помощников Архимандритова и Салованова направляется в урочище Магарач на окраине города, где останавливается во дворце бывшего императора Александра III, – в Массандровском дворце.

* * *

...Иван Румянцов жадно вбирает в себя виды родного Крыма; фиксирует, что тогда его босс был на несколько лет моложе его самого, теперешнего, в этом 197... году. Кадры почти полувековой давности имели изумительное качество. Иван на долю мгновенья вернулся в прошлое, когда его, подростка, сюда же привозила Татьяна Якововна Глагольевская, – сухая пожилая дама «из бывших», заставляя навсегда и хорошенько запомнить, что здесь, среди яркого многоцветия субтропиков в урочище Магарач была усадьба его предков, взорванная в конце 20-х – начале 30-х годов... Дворец Канкриных должен быть виден из окон императорского Массандровского дворца, но на кадрах, к сожалению, его нет. А, может, Папа Сеня распорядился, чтобы его референт ничего не увидел?

* * *

Там же, в одной из комнат дворца.

Вот Генсеку представлен работавший тогда в Германии резидент сталинской партийной разведки Дитрих. (Их встреча длилась около двух часов; но пленка фиксирует лишь несколько минут, – достаточно, чтобы Румянцов запечатлел в сознании лица людей. Если Арсений Алексеевич сочтет нужным, он ознакомит референта с двухчасовым диалогом...)

За 20 минут до окончания встречи Сталин и Дитрих перешли в соседнюю залу, где к их беседе подключились Архимандритов и Салованов. Генсек, резюмируя итоги своего знакомства и беседы с гостем, сказал своим помощникам:

– Необходимо со всей ответственностью подготовиться к встрече с нашим германским другом, которая произойдет в установленное нами время и, скорее всего, либо на Кавказе, либо здесь, в Ялте...

* * *

Голос Арсения Алексеевича безапелляционно поясняет, не допуская никаких чувствований в тембре спокойного голоса:

– Тебе интересно, о чем говорили Иосиф Виссарионович и резидент? Дитрих ознакомил Сталина с работой своей резидентуры в стране. И подробно изложил о предпринятых попытках захвата власти в Германии, которые, как ты понимаешь, проходили не без помощи резидентуры Дитриха. К тому времени германская рабочая партия получила название Национал-социалистической германской рабочей партии. Параллельно с резидентурой Дитриха работали и дипломаты советского посольства в Берлине (в частности, резидент Иностранного отдела ОГПУ И. С. Уншлихт; впоследствии будет переведен в РЕГИСТРУП), который вручил лидерам НСДАП инструкции и деньги, необходимые для переворота. Уншлихтом также были завербованы соратник Вольфа, ставший впоследствии оппонентом Эрнст Рем и лидер Социалистической партии Германии Юлиус Штрейхер.

Архимандритов поднес к глазам руку, несколько минут молчал, разглядывая отполированные до матового блеска аккуратно подстриженные ногти, затем повернулся в сторону референта, бросив:

– Впрочем, получишь документы. Какознакомишься, – доложишь свое видение... По приезде в Германию Дитрих высказал будущему фюреру предложение встретиться с Генсеком ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Это происходило на вилле под Мюнхеном. Тот вначале было согласился, но затем также быстро отказался. Объяснив тем, что он не понимает нового русского вождя и особенно его отношения к Первой мировой войне, в результате которой Франция и Англия вынудили побежденную Германию платить огромные репарации, закрепив эти положения Версальским договором. И тем самым, мол, без зазрения совести начали грабить и унижать немцев и страну.

В эту минуту, следуя едва заметному взмаху руки Арсения Алексеевича, на экране вновь замелькали кадры.

На этот раз действующих лиц было трое, правда, на экране некоторое время оставались лишь двое: Сталин и его немецкий гость; третьим был остающийся за кадром переводчик, синхронно переводящий с русского на немецкий и с немецкого на русский.

То, что обладатель этого голоса сидит рядом с ним в зале, Иван Румянцов несколько не сомневался.

Август 1933 года, урочище Магарач близ Ялты.

Тайная встреча Генсека и фюрера. Вот фюрер благодарит Сталина за то, что тот обеспечил ему выборы, позволив победить. Далее он выказал свою озабоченность многими делами, творящимися в Европе. Сказал, что считает, что германский народ вымрет, если он не поставит на должное место *бесов* и *jude*; затем сказал, что французы оказались безвольными, попав в плен к тем же *юдэ*.

...Казалось, потоку его речи не будет конца и Сталин, воспользовавшись короткой паузой, напомнил, что патриотизм – дело хорошее, но при первом личном знакомстве не следует так пылко распространяться на подобные темы. Обменявшись взглядом со своим немецким другом, товарищ Сталин сказал:

– Мы вам обеспечили победу, и мы вам хотим предложить создать достаточно сильную армию. По возвращении в Германию вам нужно наладить отношения, которые, по нашему мнению, не так уж и плохи, с румынским правительством. А мы со своей стороны вам поможем. Вы ведь убедились в том, что мы не подводим... Румынская нефть станет вашей, что очень важно для ваших замыслов, которые мы поддерживаем. Но имейте в виду – главный враг не Франция, пусть ближайшим врагом Германии будет... Британия. А там посмотрим. ... Вы понимаете, что если мы сумели вас привести к власти, то наши возможности в Германии неограниченны. И коль речь зашла о долге, то... не могли бы вы дать согласие на то, чтобы мы способствовали развитию новых технологий в вашей стране? Сделав паузу, Сталин ждал, что на этот счет скажет гость; тот энергично посыпал скороговоркой:

– Мы согласны, румынская нефть окажет существенную помощь в развитии нашей экономики. И мы согласны с тем, что вы готовы поделиться с нами новыми технологиями. Но все это требует больших капиталовложений.

– Не беспокойтесь. Наш с вами общий друг Тиссен вам поможет. А деньги никогда не исчезнут, пока он – наш общий друг. Как, впрочем, и некоторые другие...

Просматривая пленку, референт Румянцов обратил внимание на то, что иногда фюрер оглядывался влево от себя, пытаясь рассмотреть в полумраке человека, синхронно переводившего их с Генсеком разговор. Но рассмотреть присутствующего никак не удавалось. Фюреру, однако, было ясно, что человек этот не немец, но великолепно владеет его родным языком и его диалектом.

...Фюрер был талантливым и способным учеником. Он схватывал суть сразу же. Так что тогда, пожалуй, был тот единственный случай в его жизни, когда он понял, кожей своей ощутил, что в присутствии этого небольшого ростом советского вождя с рябоватым лицом он никогда себе не позволит выступать с длинными зажигательными монологами, а будет лишь внимать тихому, не терпящему возражений, непонятному голосу с акцентом. Именно к такому выводу пришел Иван Румянцов, когда поздним вечером того же дня его голова коснулась подушки в ожидании отдыха. Но даже во сне его мозг будет продолжать работать...

Свидетелем и переводчиком исторической встречи, разыскиваемым слева, в полумраке, озабоченным гостем из Германии, был тогда еще молодой Арсений Архимандритов.

Сейчас, когда фильм закончен, и в зале медленно разгорается приятный мягкий свет, Арсений Алексеевич Архимандритов повернулся к референту, оценив цепким взглядом отсутствие недоумения или удивления на лице Румянцова. Правило таково: *только бесстрастные способны видеть вещи такими, каковыми они являются на самом деле.*

- Вернешься к себе в кабинет, посмотришь папку у себя на столе.
- Есть!
- После зайдешь ко мне.

Иван Михайлович Румянцов только кивнул. Они поднялись с кресел и вышли в длинный коридор, устланный узорчатыми персидскими коврами.

Глава 10

На столе у референта действительно лежала папка, с содержимым которой предстояло ознакомиться. Чтобы через Историю и ее секреты Иван Румянцов мог подготовиться к определенной миссии.

Документы свидетельствовали, что...

* * *

В конце 90-х годов XIX века вице-адмирал Степан Осипович Макаров выступил с идеей создания мощного судна для плаваний в Арктике. Узнав об этом, начальник Имперской разведки генерал-адъютант Его Императорского Величества граф Александр Георгиевич Канкрин встретился с адмиралом, чтобы обсудить секретный вопрос: нельзя ли такое судно направить в противоположную сторону, – к Антарктиде, для постоянных рейсов? На что адмирал резонно заметил, что подобная операция в составе одного корабля нежелательна, для экспедиции понадобятся несколько кораблей и ледокольный пароход. При этом, подчеркнул Степан Осипович, учитывая огромное расстояние, необходимо создать несколько баз и стоянок на пути к Южному континенту. А, освоив этот маршрут, установить на открытых русских территориях Антарктиды базы поселений, чтобы там находились постоянно действующие сменяемые друг друга группы людей.

Граф попросил адмирала привлечь к изучению проблемы некоторых русских ученых. Тот загорелся идеей освоения новых далеких земель. XIX век дал многие умы, достойные своей великой эпохи просвещения, познания и освоения; множество порядочных сердец были охвачены грандиозными планами, воплощаемыми в жизнь; и эта похвальная жадность к делам и наукам была отличительной чертой Российской империи накануне ее трагической гибели...

Вице-адмирал Макаров привлек к работе по освоению шестого континента профессора химии Д.И. Менделеева, профессора

медицины И.М. Сеченова и некоторых других, казалось бы, далеких от проблем геологии и океана...

По истечении четырех месяцев была составлена научная записка на Высочайшее имя. О чем граф А.Г. Канкрин доложил императору. При этом граф Александр Георгиевич, изучив Государя, с готовностью предложил просчитанный с финансовой и научной точки зрения проект, в соответствии с запиской адмирала Макарова по освоению открытых русскими исследователями территорий в Антарктиде. Проект был засекречен, а вице-адмирал Макаров, как и ученые, принимавшие участие в разработках проекта, не распространялись о секретных планах императора и великой России...

В 1903 году в Антарктиду ушла русская экспедиция в составе трех кораблей, однако, среди них не было ледокольного парохода. Все материалы экспедиции за почти четыре года плавания и почти год пребывания русских на Земле Королевы Мод впоследствии были засекречены в силу сверхуникальности! Любопытно, что даже состав участников экспедиции тщательно скрывали от... ближайшего окружения Государя. Опасаясь шпионов, доносчиков и провокаторов.

* * *

В 1901 году император Николай II встретился со своим двоюродным братом, императором Германии Вильгельмом II. Оба приняли участие в смотре кораблей германского флота. В этом плавании русского государя сопровождал отряд боевых кораблей в составе броненосцев «Император Александр II», «Победа», крейсеров «Память Азова» и «Минин», броненосцев береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Грейг», «Адмирал Ушаков», «Адмирал Лазарев», «Первенец» и нескольких малых кораблей.

Во время встречи монаршие братья выяснили, что морские офицеры Германии желали бы на манер русских моряков вместо сабель иметь кортики. И 13 сентября, находясь на борту крейсера, Император Вильгельм II подписал указ, в котором говорилось: *«После того, как Его Величество Император России Мой брат Николай II выразил Мне свое Высочайшее признание достижениями германского флота, в память об этом и о Моей встрече с Его Величеством*

Императором Николаем II повелеваю, чтобы Мои морские офицеры, подобно российским императорским морским офицерам, носили в качестве личного оружия кортик с черной поясной портупеей».

После торжеств и совместного парада двух флотов монаршие братья уединились, и император Российской империи предложил германскому императору сотрудничество в совместном освоении шестого континента – Антарктиды. Император Вильгельм II внимательно изучил проект совместного исследования земель и строительства объектов в Антарктиде, после чего дал согласие...

Это историческое соглашение между двумя величайшими монархами и положило начало взаимному сотрудничеству по освоению шестого континента, сотрудничеству, которое НЕ прерывалось, невзирая на перипетии XX столетия. НЕ прерывалось даже когда в России к власти пришли большевики, а в Германии – фюрер. Этим отношениям НЕ помешала и Вторая мировая война!

Именно в этом и состоял самый *главный секрет XX столетия*...

Во время встречи император Николай II сказал своему двоюродному брату, что помимо надводных специально оборудованных кораблей для длительных и сложных экспедиций следует привлечь и *подводные лодки*. Именно тогда русский император поделился с германским монархом идеей вооружения боевых подводных лодок ракетным оружием.

И предложил ознакомиться с копиями проекта «потаенного судна» «Инвизибль», предлагаемого еще в 1823 году французом Монжери. Предоставив затем монаршему брату иные копии, – копии документов, подтверждающих существование в Российской империи подобных «потаенных судов», которые пытались строить еще при императоре Петре I.

Спустя 11 лет после предложения Монжери, идея получила удачное практическое подтверждение, – в Русской империи военный инженер, немец по происхождению, Карл Андреевич Шильдер создал *проброобраз подводного ракетносца*. Подлодка клепаной конструкции, построенная в мае 1834 года на Адмиралтейской судовой верфи в северной столице, была первым железным кораблем России. Вооружение подлодки состояло из 6 пороховых ракет диаметром 4 дюйма (102 мм), размещавшихся в 6 железных трубах, служащих направляющими.

Испытания подлодки с пуском ракет произвели в августе того же года на реке Неве, а в июне 1838 года – в районе Кронштадта.

Это сообщение, остававшееся *до поры до времени* тайной, умело сохраненной русскими, весьма заинтересовало монаршего брата императора Николая II.

...пройдет 40 лет, и в Германии на одной из подводных лодок будет испытана баллистическая ракета.

Но перед этим, чуть ранее, в 1923 году Герман Оберт теоретически рассчитал ракету для полета в космическое пространство. Его ученик Вернер фон Браун, работавший в ракетном центре над баллистической ракетой, проводил опыты по запуску ракет в космическое пространство.

Летом 1940 года были осуществлены старты паровых ракет с подлодок класса «1ХЦ» с глубины 10–15 м. Автором этих экспериментальных пусков был работавший в научном центре Пенемюнде инженер Э. Штейнхоф. Командовал подлодкой его брат капитан-лейтенант Ф. Штейнхоф. Испытания прошли успешно, иначе быть не могло. Ибо еще почти за 4 года до этого инженер Штейнхоф совместно с советскими коллегами работал в этом направлении в... *одной из подземных баз в Антарктиде!*

* * *

«Именно в этом и состоит самый *главный секрет* XX столетия...» – навязчиво крутилось в голове капитана 1-го ранга Ивана Румянцова. И он никак не мог отделаться от раз вспыхнувшей мысли. А она, появившись единожды, со временем стала постоянной, почти обыденной, словно помогая ему формировать картину XX века, складывая из нее ледяную мозаику.

Итак, – частично подытоживал каперанг, – в мире признано, но широко не афишируется, что после исследований, осуществленных русскими моряками в первой половине XIX века, наибольшие исследования в Антарктике провели немцы, а также, конечно, и русские. Всплеск интереса к ледяному континенту проявился уже в послевоенные годы; и лидером тут были США, организовавшие ряд военных экспедиций на материк. Отсутствие интереса у некоторых

стран к шестому материку, – полагал Румянцов, готовивший после ознакомления с материалами рапорты Арсению Алексеевичу Архимандритову, – объясняется либо непониманием его уникальности, либо элементарным отсутствием финансов на экспедиции и освоение.

Безусловно, Антарктиду можно расценивать как резервную базу человечества, и не только благодаря наличию ископаемых и иных природных богатств в недрах, но и немалому количеству пресной воды, запасы которой там составляют не менее количества, имеющегося на всех материках вместе взятых.

Но был здесь *еще* нюанс, *еще* некая весьма важная составляющая, объяснить которую каперанг Румянцов пока не мог.

Потому что Истина, или секрет, заложенный в Антарктиду, поражал воображение любого человека...

Глава 11

Генерал армии Исай Львович Гейер-Генерозов приказал уведомить своего непосредственного подчиненного ведущего референта, капитана 1-го ранга Ивана Румянцова, что ждет его в своем кабинете.

А когда тот явился и доложил о прибытии, Исай Львович показал ему на стул, предлагая присесть. Генерал долго молчал, не начиная разговора, и, сидя за рабочим столом, все рассматривал какие-то бумаги. Румянцов не знал, имеют эти бумаги касательство к его сыну, теперь уже генерал-майору медицинской службы Станиславу Исаевичу, который состоял под началом у него, капитана 1-го ранга, или к прошлым операциям Румянцова, или даже к экспедиции «Снежный юг».

Через какое-то время у Ивана Михайловича стало складываться впечатление, что Гейер-Генерозов рассматривает не бумаги, а проверяет его терпение. Хотя это было излишне: генерал знал Румянцова, еще когда тот учился в академии, знал всю подноготную, давнюю древнюю родословную юноши, оставшегося сиротой после того, как его родителей расстреляли *«за сокрытие своего непролетарского происхождения»*.

Как-то в беседе с генералом секретарь ЦК Архимандритов подметил, что им нужны новые кадры молодых специалистов.

Гейер-Генерозов еще с 20-х годов, со времени их знакомства и работы в ЧК в разных регионах страны, а после – совместной работы в Секретариате товарища Сталина, знал, что его старый друг Арсений Архимандритов сверхнепредсказуем. Знал, что тот ни разу не повторился в своих поступках и решениях! Исай не мог высчитать систему работы начальника, систему его жизнедеятельности, истоков его таланта и его дьявольской силы. С годами, все более восхищаясь делами Архимандритова, Исай Львович чувствовал, как усиливается в нем страх, как накатывает, обволакивая сердце адский ужас...

Зато генерал знал точно, что не имеет права ошибиться; у Папы Сени ошибки не прощались никому и никогда. И предлагая что-то или кого-то Архимандритову, высказывая личное мнение, нужно было

уметь сказать единственно правильное, что не вызовет у босса возражений. Потому как он вовсе нечасто испрашивал чьего-то мнения...

И тогда, когда Архимандритов заметил, что им нужно подготовить, вырастить молодые кадры, он услужливо промолчал. Зная, что любая реплика босса равносильна его приказу, – скорому для исполнения. А Архимандритов, застыв в раздумье, и словно снимая с невидимого энергетического потока информацию, взял остро отточенный карандаш и написал незнакомую фамилию «Румянцов». Потом, подняв пронизывающие до нутряной глубины глаза, посмотрел на Исая, и, протягивая листок своему другу и помощнику, сказал:

– Этот.

Исай даже не рискнул спросить имя и отчество этого *Румянцова*, хотя не сомневался, что патрон знал даже, где тот сейчас находится; он лишь осторожно поинтересовался:

– Арсений Алексеевич, он... слушатель академии? И тут же облегченно выдохнул, когда услышал ответ.

– Ты попал в точку. Его зовут Иван.

Исай не мог себе объяснить, как он попал в точку, как он вообще попадает в эту роковую точку. Он боялся даже осмыслить, откуда в его голову приходят эти знания: что и когда надо ответить... потому что в какое-то мгновение ощутил, что им управляет чужая воля, а, ощутив, испугался и затаился.

Пока что *судьба-злодейка* благоволила ему; Гейер-Генерозов ни разу не промахнулся, или... почти ни разу... Лишь единожды, в 1953-м, тучи сгустились над головой Исая, и он стучал в запертую дверь кулаками и ногами, пока с пальцев не слезла кожа и не полилась кровь, а потом, замерев в омерзительной панике и хватая в легкие воздух, во всю мощь, до полного изнеможения выдохнул, адресуя Архимандритову: «Дья-я-я-я-я-я-я-я-я-вол!». Оттого, что до этого Исай Львович длительное время бился в истерике, голос покинул его гортань, и кроме сипящего выдоха никто ничего не смог бы услышать. Его «Дьявол!» прозвучало в нем самом... Но в тот момент, когда он орал это слово, разрывая внутренности, сидевший в кабинете Арсений Алексеевич почувствовал, как нестерпимо ему хочется улыбаться... Он встал из-за стола, открыл тщательно замаскированную в нише дверь, вошел в лифт и тот медленно, затем набирая скорость, все

быстрее и быстрее опустился на большую глубину, после чего плавно остановился.

Арсений Алексеевич вышел в коридор, покрытый белоснежной краской с такими же белыми дверями камер по обе стороны. И от этой стерильности создавалось впечатление, что попадаешь в операционную.

Эта тюрьма, состоящая в дивной темной глубине недр из нескольких подземных этажей, была изобретением самого Арсения Алексеевича. Не из *дантовского* ли многоэтажного подземного ада почерпнул он идею?! На первом этаже находились разные меблированные кабинеты; к примеру, кабинеты со стоматологическими креслами и со всем хирургическим и стоматологическим оборудованием. Но все это оборудование таилось за перегородкой, до поры до времени. Если в такое кресло попадал обреченный посетитель, то при определенных манипуляциях с техникой он проваливался в подполье, то есть, на второй этаж. При условии, что *кто-то* нажмет рычаг и отправит бедолагу вниз, в кажущуюся обычной камеру с «шубой», закрывающимися на день нарами, с парашей в углу и с кормушкой-люком в двери. Но во всей этой хитроумной системе был и третий этаж, и не дай *Боже всемилостливый* оказаться именно там... где, по неким таинственным сведениям, выражение «*у меня и мертвый заговорит*» становилось умопомрачительной, чудовищно-правдивой явью... Ниже шли не этажи, а... рукотворная *преисподняя*...

Спустившись вниз, Арсений Алексеевич направился к камере «Ж-666». Редкие умники, знавшие о существовании камер или работавшие тут, высказывали предположения, что Ж означает обнадеживающее – «жизнь», другие скабресничали: «жопы», порванные клещами...

Цифры и буквы на дверях камер, как и все остальное здесь придумал Архимандритов. И никто из его сотрудников не подозревал, что в каждой значках на двери заложен глубокий, прямо-таки сакральный смысл. И что если сложить эти буквы и цифры в определенном порядке в ряд, то получится изречение, фраза, которая, несомненно, будь она озвучена, стала б не менее крылатой, чем «*Жребий брошен. Рубикон перейден*» Гая Юлия Цезаря.

Когда открылась дверь, и вошел Архимандритов, пленник сразу же вскочил с деревянной кровати, на которой лежал в изнеможении. Архимандритов, словно совершая таинственные манипуляции, плавно провел ладонью и холодно спросил:

– Ну что, Исай, ты звал Дьявола?

Гейер-Генерозов весь сжался, его тело словно уменьшилось, зрачки расширились сплошной серой массой и закрыли белки его глаз. Он упал на колени, из горла раздался клекот. Но Архимандритов разобрал, что он сказал.

– Не бросай меня. Я звал тебя, и ты пришел.

Исай редко обращался к Архимандритову на «ты», и сейчас он попросил именно так. Неизвестно, дрогнуло ли сердце Арсения Алексеевича, торжество или сочувствие мелькнуло в нем, когда он тихо приказал:

– Встань, Исай. Пойдем. Зачем тебе быть на первом этаже? И чуть помолчав, словно и далее испытывая терпение страдающего друга, продолжил фразу успокоительным:

– Пойдем, работы много. То был единственный случай, когда он был на грани роковой черты, жестоко проученный за промах.

И когда, казалось бы, пришла наконец пора показать боссу выпускника академии капитан-лейтенанта Ивана Румянцова, Гейер-Генерозов поостерегся; что-то в нем подсказывало, что еще рано, что вот-вот... чуть погодя... Хотя бы потому, что Арсений Алексеевич имел свою методику проверок для допускаемых в святая святых своего аппарата, а правильнее будет, – в свой *адов ад*.

Так выпускник убыл для прохождения дальнейшей службы на Северный флот. А вслед за ним последовал приказ о досрочном присвоении воинского звания «капитан 3-го ранга», как блестяще, с красным дипломом и золотой медалью закончившему военный вуз офицеру.

Иван, заносчивый юноша, мечтающий о скорой карьере... напичканный знаниями молодой человек, искренне желающий приносить пользу своему Отечеству...

И уже на первом месте службы Иван Румянцов проявил инициативу, за которую другой бы офицер поплатился головой. Когда Исай Львович узнал, что тот оказался в Норвегии, на одной из военных баз НАТО, без санкции на то! – он чуть не принял решение об

уничтожении офицера, этого молодого горячего выскочки, показывающего недюжинный норов. Такие могут быть опасны для кого угодно; преданные служаки, они могут стать опасны, в первую очередь, для непосредственного начальства. Но что-то заставило не спешить. И генерал, выбрав удобный момент, доложил боссу. А пока он выбирал тот самый удобный для себя момент, Румянцов завершил продуманную им же самим операцию и возвратился на северную базу.

Архимандритов, выслушав своего генерала, сказал:

– Сейчас весна. Его надо отправить в отпуск. А там решим, что надо делать.

Кто-кто, а Гейер-Генерозов знал, что за фразой «а там решим, что делать» следовали две развязки: либо повышение статуса, либо уход в небытие. Оставалось выждать.

Но тогда, когда у молодого офицера заканчивался отпуск, генерал неожиданно слег в госпиталь. А по выходе оттуда узнал, что по личному решению секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова Румянцов с паспортом сотрудника Министерства внешней торговли на имя *Мезенцева Алексея Васильевича* отправлен в Демократическую Республику Вьетнам.

А еще спустя чуть менее года Исай Львович будет причастен к спецоперации по вывозу из Вьетнама чудом спасшегося Мезенцева. Операция, осуществленная там капитаном 3-го ранга достаточно успешно, стоила карьеры сотрудникам торгового представительства в Хайфоне, – они были отозваны в Москву, вернее, эвакуированы. А Мезенцева по просьбе главы правительства ДРВ товарища Фам Нав Нода назначили во вьетнамскую правительственную группу представителем советского Минвнешторга.

В новой должности он проработал всего лишь месяц, как неожиданно для себя был захвачен неизвестными людьми. Как выяснилось позже, из органов безопасности Вьетнама. Следствие по так называемым преступлениям Мезенцева вел полковник Фам, закончивший в Советском Союзе Краснознаменный институт имени Дзержинского и блестяще владевший русским языком. А так как молодой советский офицер, разоблачивший заговор по поставкам некачественной продукции в Союз, перешел дорогу и полковнику Фаму, лишив того солидного куша, то специальным решением какой-то «особой комиссии» Мезенцев был приговорен к смертной казни. О

чем его с беспристрастным старанием, выдающим в нем садиста, уведомил полковник. Маленький, толстенький, со щелочками вместо глаз, Фам говорил тенором, всегда чуть улыбаясь; казалось, легкая улыбка вообще никогда, даже во время сна, не сходит с его круглого лоснящегося лица.

После многих дней пыток Мезенцева усадили в стальное кресло и плотно закрепили все тело, впечатав в подлокотники врезающимися в кожу жгутами руки и ноги, чтобы он не мог даже шевельнуться. Профессионалы кровавых дел, крутившиеся вокруг него мелкими узкоглазыми бесами, равнодушные в своей жестокой исполнительности, ловко зафиксировали его подбородок и лоб жесткими ремнями, чтоб он не вращал головой.

Прямо перед ним была натянута огромная белоснежная простыня.

Он не знал, что ждет его на сей раз, и сможет ли выдержать новое испытание...

А когда простынь съехала, перед ним оказалась всего лишь механическая игрушка... расстрельная машина с семью устрашающими стволами. По приказу Фама установка заработала. Что-то обжигающее пронеслось мимо плеч и головы Мезенцева; и мгновенно, только услышав треск сзади, он понял, что горячее, раскаленное – это пули. Отчего-то возникло осознание, что шквал горячего воздуха длится давно, и уже никогда не кончится...

В какой-то миг Мезенцеву показалось, что его сознание, вмещающее лишь отдельные проблески последних мыслей, повисает матовым сгустком слева, и самой-самой последней осознанной мыслью в этом бесценном сгустке мелькает та, что... душа покидает его, отлетает, растворяется... А еще он чувствует тело, растерзанное раскаленным металлом, но это чувство остается за пределами человеческого сознания...

Потом все резко куда-то исчезло. Ни мыслей, ни мучений, ни существования, ни даже надежды на жизнь или смерть...

Он пришел в себя от плеска воды. Весь отекший от многочасовых избиений и пыток, с кровоточащими ногтями на руках и ногах, изорванными стальными иглами, он едва-едва разлепил глаза на запухшем лице. И в светлые щелочки увидел сначала свет, а после два – три расплывчатых вьетнамских лица, на разном удалении. И снова

услышал всплеск. Он понял, что лежит в джонке, когда двое из присутствующих поднимались, и то, где и на чем лежало полумертвое тело Мезенцева, стало раскачиваться из стороны в сторону. Тогда как вьетнамцы цепко схватили его за руки и ноги, резко рванули и словно груженный мешок, сбросили в реку. Он полетел вверх тормашками, успев глотнуть воздух. Когда же вынырнул, держась из последних сил в воде, ни джонки, ни вьетнамцев уже не было, но... Но то, что он увидел, сразило его истерзанное воображение до последнего предела. Перед ним был... гигантский дракон!

Когда-то в детстве первоклассник Ваня получил в подарок от деда коробку цветных карандашей, на которой был изображен яркий, красочный дракон, растянувшийся по всей длине коробки. Чудище имело раскрытую пасть с острыми белыми зубами, из которой высовывался красный язык. Шею гиганта украшали разноцветные ленточки-полоски... И тут же, вдруг, дракон с той картинки, возникший в мозгу Мезенцева, превратился в огромного крокодила, находившегося на расстоянии вытянутой руки.

Инстинктивно отстраняясь, Иван-Алексей изо всех сил пытался сдвинуть свое тяжелое тело, но неожиданно почувствовал, как что-то шершавое и жесткое уперлось в лопатку. Оглянувшись, он обнаружил еще одного крокодила.

Опасность и ужас, – не те определения, которые могли бы передать хоть толику его тогдашнего душевного состояния... Он выжил, и хотел выжить и далее...

Нырнув поглубже, он пытался проплыть от этого места как можно дальше, но повсюду наткнулся на крокодилов. Их было много: десять, двадцать, сто...

И вдруг, словно в чудесной сказке, перед его глазами возникла воздушная струя фиолетового цвета, не больше 10–12 сантиметров шириной. Один ее конец лег на воду и дорожкой начал уходить от него, словно маня за собой. Он почувствовал, как откуда-то в него вливаются силы, сделал хаотичные движения руками и... вразмаху поплыл за этим фиолетовым следом. Медленно и неохотно, но – как по волшебству – расступались в разные стороны тяжелые массивные крокодилы туши. Он прекратил загребать руками и ногами, когда его локти и колени буквально врезались в песчаный берег. Осознание того, что чудища могут плыть сзади, заставило его выбраться на песок и

подняться на ноги. Он был изможден, но даже несмотря на это, – как ему показалось, – бросился со всех ног через песчаную косу к джунглям, видневшимся метрах в пятидесяти от него.

Найдя краткое прибежище под увитой лианами пальмой, Иван ощутил, как саднит все тело, как мучительно больно, бездвижимо, невыносимо... и как мало у него времени на то, чтобы связаться с вертолетом и просто выжить...

Глава 12

Сразу после разговора с капитаном 1-го ранга Иваном Румянцовым о планируемой в будущем операции «Снежный юг», генерал армии Исай Львович Гейер-Генерозов был вызван в кабинет к секретарю ЦК Архимандритову.

В тот день Арсению Алексеевичу нездоровилось. Это был редчайший случай, когда всемогущий Папа Сеня чувствовал недомогание. Никто и никогда, даже из самого ближайшего окружения не слышал о том, что он когда-либо болел или нуждался в медицинской помощи.

Встреча со старейшим коллегой и даже можно сказать, другом, генералом армии Исаем Львовичем Гейер-Генерозовым проходила в конце дня. Кто-то однажды заметил, что Исай чувствует себя у Архимандритова *человеком его тени*, – и это несколько сложное для восприятия определение было более чем точным.

Войдя в салон, Исай Львович сделал учтивый поклон в адрес патрона и сел в «свое» кресло в ожидании первых реплик, из которых можно будет узнать, о чем пойдет разговор. До смерти товарища Сталина Исай всегда обращался к Арсению на «ты», но после смерти вождя он с ужасающей очевидностью ощутил, что сильнее его патрона больше нет никого во всей партии и во всей стране, – после чего стал почтительно обращаться на «вы», нередко прибавляя: «вы, весьма уважаемый Арсений Алексеевич». Несколько раз Архимандритов пытался остановить своего верного соратника, считая, что тот заслужил право обращаться к нему по-товарищески, почти доверительно по имени и на «ты».

Но Генерозов оказался непреклонным в своей почтительной робости верного пса.

Сидя за столом, Арсений Алексеевич сквозь неплотно прикрытые веки рассматривал Исаю. словно испытывая того на терпеливость, как он незадолго до этого молчал, измеряя терпение Румянцова...

И, разглядывая знакомое до мельчайших подробностей лицо товарища своей юности, Архимандритов вдруг брезгливо подумал: а насколько ты верен мне, *пес смердячий*? Мысль пришла неспроста. С

годами у Гейер-Генерозова резко проявилась одна отвратительная особенность: от него действительно иногда шел дурной запах. И даже величайшие медицинские открытия, осуществляемые в лабораториях Архимандритова, не могли избавить старого человека от неприятного запаха.

Но Архимандритов нашел свое средство. Испытанный способ, которым пользовался *вождь всех народов* для развязывания языков, подошел и для иного случая. Вождь, как известно, спаивал своих «верных» соратников. И Архимандритов, имевший острейшее обоняние, если улавливал скверный запах, доставал обыкновенный граненый 200-граммовый стакан, наливал его до ободка коньяком, ставил на стеклянный поднос, и взглядом приказывал: «Захлебнись дорогим коньяком! Может, скорее сдохнешь!» Именно такое пожелание ощущал Гейер-Генерозов, беря в руки стакан. И сразу, несмотря на мундир и внушительные регалии, превращался в покорного бесцветного рядового человека, и словно сливался с серым пространством в тени патрона.

На сей раз Арсений Алексеевич, прочувствовав гамму всех присутствующих запахов, не уловил зловония. Приоткрыв веки и изобразив подобие заботливой улыбки, он произнес:

– Исай, как ты думаешь, твой сын здоров или притворяется здоровым?

– Я должен подумать, Арсений Алексеевич, мы так редко видимся. И коль уж вы о нем вспомнили, я очень хочу вас поблагодарить в очередной раз за присвоение сыну генеральского звания.

– Да, а с чего ты решил, что это я ему присвоил звание? – поерничал секретарь ЦК. – Этим у нас занимается правительство, а там свои правила, свои законы. Генерозов понял издевку, но поддержал патрона, энергично закивав головой. Тем временем Архимандритов жестко спросил:

– Как ты думаешь, Исай, что является самым важным в исследованиях твоего сына? – Он нажал на слово «твоего». – Проблемы космоса или медицина? Генерозов пожал плечами; он понял, что может попасть впросак, если ответит невпопад. И сейчас он разволновался, его лицо покрылось испариной, под генеральским кителем и рубашкой прокатилась неприятная горячая влажность,

сменившаяся резкой прохладой. Только черт знает, что может сказать сейчас Архимандритов. Прыгающие от страха мысли Исая Львовича были прерваны голосом Арсения Алексеевича, совершенно изменившимся и зловещим:

– Отправляй его на объект. Хватит ему здесь прохлаждаться, или он опять на Канарских островах прикрывается изучением важной работы? Отправляй его в Хибины! Пусть готовит центурионов к плаванию...

Гейер-Генерозов, услышав о *центурионах*, или человекороботах, которые «шлифовались» в секретных лабораториях, где работал его сын, тяжело вздохнул, и, ощутив, что задыхается в мундире, спросил разрешения расстегнуть пуговицу сорочки.

– Сними, сними китель совсем, – махнул собеседник.

Тот поспешно стащил с покатых плеч китель с большими генеральскими звездами на погонах; тускло блеснули, чуть звякнув над орденскими планками две золотые звездочки медалей «Серп и Молот» Героя Социалистического труда; Исая, шаркая старческой походкой, отнес свой бесценный китель в шкаф. Вернувшись в кресло, он почувствовал острое ощущение голода, – то ли от нервного напряжения, то ли время подошло. Это ощущение, судя по всему, передалось и Архимандритову, и тот, улыбаясь, почти добродушно пожурил:

– Ну, насчет наполнить свой желудок яствами ты всегда был великий гурман. Скажи, Генерозов, когда в последний раз тебя развлекали твои девочки?

– Что вы, Арсений Алексеевич, у меня кроме массажа... ну... этого, как его... – Тайского, тайского... – напомнил Архимандритов.

– ...да, ничего больше нет. – И что, – любопытствовал Арсений Алексеевич, – не помогают даже наши препараты? Не дожидаясь его ответа Архимандритов, все также иронизируя над своим впадающим в безнадежную старость товарищем, произнес:

– Ты устал. Поезжай, отдохни. Да вот еще что: скажи своему генералу, чтобы он не гадил, иначе мне это может не понравиться.

Генерозов не понял, чем его сын мог *гадить*. В это время внезапно, словно из-под земли справа от Архимандритова вырос коренастый адъютант. Папа Сеня, уловив настороженный взгляд генерала, указывая на Гейер-Генерозова, приказал:

– Проводи.

Как только его заместитель убыл, Архимандритов выехал в Подмоскowie, на одну из своих закрытых баз. Минут через сорок ЗИЛ остановился, из машины не спеша выбрался маленький человек, обладающий невероятным могуществом. Идя к объекту, Арсений Алексеевич входил в распахиваемые перед ним двери, не встречая ни единого сотрудника. Здесь, на объекте, существовали свои правила, одно из них гласило: тот, кто появится на пути босса, отправляется *в мир иной*. Правило соблюдалось неукоснительно.

Техническое сооружение, куда направлялся Архимандритов, было уникальным, оно имело необычайную конструкцию и весьма любопытное предназначение.

Как-то, касаясь темы использования наркотиков, секретарь ЦК от сотрудницы одной из лабораторий услышал, что действие наркотического препарата ЛСД можно сравнить с прыжком человека с самой высокой вышки в бассейн: прыжок, полет и невесомость. Казалось, тогда босс не придал никакого значения мнению эксперта; но на самом деле он, как бывало не раз, отправил сказанное в дальний закуток мозга, чтобы использовать информацию в нужный момент.

Арсений Алексеевич вошел в помещение, которое с некоторой натяжкой можно было бы назвать бассейном. Тогда как Папа Сеня называл его «Пещера». Все тут дизайнерами-конструкторами было создано так, словно и в самом деле попадаешь в дикое, девственное место. Тут тебе не стены, а скальные разломы и выступы, не ванны, а многочисленные озерца с фонтанирующими гейзерами, расположенные на разных высотах; вода из этих небольших рукотворных озер журча, стекает вниз, в бассейн. Причем, вода в двух десятках мини-озер источала аромат от различных душистых благовоний, благоприятно действующих на кожу человека. Не просто человека, а – избранного, единичного и почти совершенного представителя земного *хомо сапиенс*...

Хитрость при принятии Архимандритовым процедур заключалась и в том, что составы препаратов, которые использовались в озерцах, и смешивались с особой, по специальным технологиям приготовленной водой, разрабатывались на основе физико-химического состава организма самого Архимандритова! То есть, соответствовали составу его крови, лимфы и функциям внутренних органов.

Раздевшись, Арсений Алексеевич прошел к одному из бурлящих озер и блаженно растянулся в душистой, искрящейся пузырьками, воде. Прошло еще немного времени, и началось воистину впечатляющее представление, предназначенное исключительно для глаз и тела Арсения Алексеевича.

Внизу, там, куда стекала из двух десятков ванн вода, в закрытых нишах имелись двери, из которых вышли три удивительно сексапильного вида девушки. Каждая из них направилась к вышке, и, изящно играя мышцами обнаженного тела, взобралась вверх, изготовившись прыгнуть. Вышки располагались одна выше другой; и в момент, когда прыгнувшая с верхнего трамплина пролетала мимо стоявшей ниже, та изгибалась и сигала в воду. Когда же эта, вторая пролетала ниже своей товарки, и третья изящная фигурка начинала полет. Так, без потребления искусственного возбuditеля, Архимандритов испытывал некое подобие наркотического транса. Наркотики и любые другие заменители, уничтожающие мозг человека мыслящего, думающего, ему были не нужны; наркота – в его понимании – предназначалась людишкам презренным, никчемным, *рабам рабов...*

Процедура мелькания девственных тел повторялась не менее десяти раз, и каждый раз в тройственном прыжке участвовали другие девушки; количество же их всех доходило до 33. И пока следующая тройка выходила из замаскированных под природный интерьер дверей, чтобы подняться на вышки, те, что уже совершили прыжок, выплывали из бассейна, чтобы присоединиться к умиротворенно лежащему в воде мужчине. Арсений Алексеевич испытывал невероятное блаженство, когда губы и тела этих девушек прикасались к его телу. Нежно лобызая каждую точку на теле Архимандритова, они прерывали свое занятие, чтобы уступить место следующей троице.

Так повторялось раз за разом: девушки на вышках, прыжок, заплыв до края 50-метрового бассейна, их мелкий скользящий шаг по искусно запрятанным выступам, массаж под видом сексуальных милований, почти дельфинье ныряние в озерца, откуда они уплывали по широким подводным трубам в большой водоем, расположенный далеко от этой пещеры и... все начиналось сначала в размеренной, томительно-томной круговерти тел.

Обычно эта часть процедуры заканчивалась после тридцать третьего прыжка с вышки. Но если Архимандритов чувствовал недовершенность и испытывал в том потребность, все могло повториться.

После этой процедуры начиналась вторая часть священного действия. И вновь обнаженные девушки появлялись по трое; они поднимались и натирали тело мужчины благовониями из розовых лепестков; и даже розы для этих волшебных втираний были выращены специально для него на особых плантациях в Таиланде.

Как только первая тройка совершала причудливый обряд, девушки брали в руки приготовленные для них бокалы с голубоватой жидкостью, и, выпив их до дна, вдруг приходили в неистовство от безудержной сексуальной страсти. Их тела извивались, раскрывая интимные места, и бутонами вагин они прижимались к его лицу в ожидании, пока мужчина не слижет с их распускающихся *роз* капли нектара...

Это была месса, – магическая по силе восприятия и отдаче энергии служба, служба во имя богов, но богов с рогами, если таковые существуют. Впрочем, история знает разнообразные примеры; вот ведь некоторые историки иудаизм называют «религией Моисея», «Моисеевым законом», а Библия утверждает, что «лик Моисеев был украшен рогами...» (Исх., XXXIV, 29); да мало ли какие мудрые загадки заключены в мироздании... И, значит, где есть Бог, там есть и дьявол, и слуги дьявола, не знающие отдохновения...

Процедуры, несущие Арсению Алексеевичу живительную энергию, продлевающие его молодость и внутренние силы, были губительны для юных дев. По истечении нескольких месяцев столь интенсивной отдачи их жизненные ресурсы истощались. И девушки умирали... если можно назвать смертью упокоение искусственных женщин, созданных по сверхуникальным биотехнологиям в закрытых генетико-антропологических институтах Арсения Алексеевича Архимандритова, совершенного и всемогущего Папы Сатаны.

В лаборатории одного из таких институтов трудился талантливейший ученый, приемный сын генерала армии Исаея Львовича Гейер-Генерозова, – Станислав Исаевич. Многие чудеса умели делать до него; но многие и он научился делать сам, ко многим разработкам был причастен; знал кудесник генерал-майор Станислав

Исаевич Гейер-Генерозов, *как* выращивать двойников, *как* в считанные дни из ребенка вырастить взрослого человека и выпустить его в самостоятельную жизнь, *как* человека превратить в запрограммированного робота, в центуриона. И от осознания своей причастности к запредельным таинствам, горделивое сердце молодого мужчины заполнялось желчью избранничества, причастностью к некоему «*избранному народу*»...

Глава 13

Секретарь ЦК Архимандритов находился в своем кабинете, оборудованном в одном из старинных особняков, когда на табло, размещенном на столе, зажглась информация, что прибыл Румянцов. Нажав кнопку, Арсений Алексеевич приказал кому-то невидимому: «Пусть войдет». Тут же в кабинет вошел ведущий референт, одетый в дорогой костюм; стройный, подтянутый, и как всегда внутренне собранный, Иван Румянцов явился на доклад к боссу.

Арсений Алексеевич, – присутствуй он в рабочем кабинете любого из своих зданий, либо в апартаментах дворца, – всегда выглядел настоящим хозяином. Не оттого ли создавалось такое впечатление, что одним только своим присутствием он «подгонял» объекты *под себя*, заставляя служить своему вкусу? Арсений Алексеевич во всем отличался особым, изысканным вкусом; каждая мелочь, каждая деталь интерьера свидетельствовала о ее тщательном отборе и наличии огромных средств у ее обладателя.

В кабинете, куда вошел Румянцов, также чувствовался особый стиль босса: от штор, гобеленов и напольных ваз до искусно замаскированных в тяжелую драпировку подслушивающих устройств и миниатюрной видеоаппаратуры.

– Я ознакомился с твоим предварительным докладом по Антарктиде, – обратился Арсений Алексеевич к референту, приглашая того жестом присесть за стол.

Выполняя задание по подготовке операции под оперативным названием «Снежный юг», Румянцов уже изучил множество различных материалов, касающихся, в том числе, и освоения материка. В своем докладе он счел нужным с научной точки обосновать необходимость обязательного посещения южного полюса для изучения разносторонних проблем, пребывая на месте.

– Вот ты пишешь... – Архимандритов раскрыл папку с бумагами, на которых был машинописный текст. – «Ресурсы Антарктики являются достоянием всего человечества, но когда речь идет об их освоении, то сразу на первый план выдвигаются экономические интересы. Но, прежде всего, национальные. Что становится не

фактором развития, а фактором препятствия к вовлечению природных ресурсов материка и прибрежного шельфа в мирохозяйственный оборот. Это относится к ресурсам нефти, газа, урана, золота, платины, – словом, почти всей таблицы Менделеева, так как по расчетам ряда ученых, запасы недр Антарктиды во много раз превышают ресурсы всех остальных континентов. Однако с чем сие связано, – ни одна научная гипотеза пока не в состоянии объяснить...» Архимандритов оторвался от дальнейшего цитирования, лишь пролистав страницы.

– Да, все это так. Но я ожидаю иных выводов. Иного понимания. Он внимательно посмотрел на референта, словно передавая тому толику своих знаний. Затем резко произнес:

– Из твоего доклада по Антарктиде кое-что стоит внимания. В части информации о привлечении мощных сил военно-морских флотов. Но... – повисла короткая, значимая пауза. – Начнем издалека. Я открою тебе одну из страниц истории; знаю, что тебе бывает интересно слушать меня.

Это было сущей правдой; Румянцов в такие минуты понимал, что значит *знамение слова* в Истории, а что означает *зломыслие историков*, пытающихся пересказать свое личностное видение прошлого... Мозг – всего лишь призма, преломляющая мир, подстраивающая его под нас самих...

Арсений Алексеевич, настроившись на добродушно-поучительную волну, рассказывал то, что могло бы так или иначе относиться к предстоящей экспедиции «Снежный юг», а значит, могло бы повлиять на ее исход.

– Во второй половине 20-х годов Иосиф Виссарионович отправил меня в Германию. Где я встретился с резидентом сталинской партийной разведки Вальтером, воевавшим в годы Первой мировой войны в эскадрильи знаменитого в кайзеровской Германии первого истребительного авиаполка под командованием аса, барона Манфреда фон Рихтгофена. Через нашего резидента я познакомился с отважным летчиком из этого же полка, командиром эскадрильи, которого звали *Рейнхардт Раунштедт*.

Как выяснилось из рассказа босса, Рейнхардт Раунштедт родился вблизи Франкфурта-на-Майне, за девять лет до рождения Арсения Алексеевича. Тогда многие отпрыски состоятельных семей имели

неординарные увлечения; одним из таких популярных увлечений было *воздухоплавание*. И когда юноша попросил отца помочь ему освоить небо, направив в лучшую в Германии авиационную школу, Раунштедт-старший дал согласие. Состояние отца позволило сыну учиться у лучших инструкторов летного дела в Баварии.

Как сообщали документы бывшей Имперской разведки русского императора (с которыми Румянцов мог ознакомиться), Рейнхардт блестяще освоил пилотирование машины, и в возрасте 18 лет, когда началась Первая мировая, подал рапорт командованию и стал военным летчиком. Он был смелым и отважным, хорошо проявил в боях свое мастерство, и в конце войны удостоился Железного креста 2-й степени. В те времена эта награда была ценима в Германии, ну а если ее кавалером считался молодой человек 19 лет от роду, то его почитали за зрелого и самостоятельного мужчину. Именно на таких – смелых, способных и опытных – будут немногим позже рассчитывать шедшие к власти лидеры НСДАП.

Встретившись с ним по протекции Вальтера, Архимандритов увлек того и своим уважительным отношением к делам и мнению Рейнхардта, и своими познаниями в разных областях, раскрываемых во время длинных бесед. Раунштедт и не заметил, когда дал согласие начать работу по освоению дальних перелетов в северных широтах.

Как-то он спросил Архимандритова:

– Хорошо, мне в принципе нравятся сложные полеты на севере Норвегии. Но сколь нужно это моей Германии? Несмотря на большую разницу в годах, Архимандритов тогда уверенно подчеркнул:

– Неведомое всегда интересно, а те, кто осваивают неведомое, становятся героями на Родине. Разве не так?

Рейнхардт Раунштедт действительно стал одним из немногих асов, освоивших полеты в северных широтах. Боевой офицер, он еще в Первую мировую стал приятелем Германа-Вильгельма Геринга, который возглавит люфтваффе, после чего предложит Рейнхардту возглавить управление в его аппарате.

Об отважном немецком летчике газеты тех лет писали не меньше, чем о знаменитом сталинском летчике Салованове и другом *сталинском соколе* – Чкалове.

Он был вхож в кабинеты ведущих конструкторов, – Вилли Мессершмидта, Эрнста Хейнкеля, равно как к руководителям заводов,

выпускавших немецкие самолеты.

И даже когда его возраст приблизился к 50 годам, он все еще оставался в прекрасной физической форме, обнаруживал завидное состояние духа, отличался общительностью, разделяя многие взгляды членов НСДАП.

В середине ноября 1941 года генерал-полковника люфтваффе Рейнхардта Раунштедта внезапно не стало.

Как незадолго перед тем не стало начальника штаба люфтваффе.

Обо всем об этом в общественных кругах рейха поговорили немного и без ажиотажа, а умело запущенная РСХА дезинформация подтверждала досужие разговоры о том, что генерал Раунштедт разбился на самолете. Однако, хотя разговоры и имели место, но никаким официальным документом не подтверждались.

...Арсений Алексеевич Архимандритов, сидевший до этого неподвижно, медленно повернул голову, направив взгляд в угол. Там на чудесном ковре ручной работы стояла ваза, привезенная из захоронений одного из фараонов Долины царей Египта. Он смотрел столь пристально, что Румянцов также повернул голову вслед, но едва-едва, чтоб сфокусироваться на предмете лишь краешком глаза. Иван пребывал словно в ожидании колдовства, когда из узкого горлышка древнего раритета взвьется струя дыма, а с ней, громоздясь под потолок, высвободится джин. Но ничего подобного не произошло.

Возможно, пронеслось в голове референта, Архимандритов отвлекает внимание, чтобы применить свой излюбленный метод исчезновения во время разговора. Иногда подобный трюк применялся при посетителе, чтобы тот опешил, растерялся, а значит, потерял контроль над собой. Такие игры Румянцов тоже и не единожды прошел. Но не это больше всего его удивляло в Папе Сене, не иллюзионизм, не игра в кошки-мышки, не наносная хитрость, а настоящие глубинные таланты этого чародея в человеческом обличье.

Архимандритов усмехнулся, и аккуратная щеточка усов едва заметно подпрыгнула над верхней губой. Завершая рассказ и замыкая паузу, он продолжил:

– А спустя несколько месяцев тяжелый четырехмоторный советский бомбардировщик ТБ-7, пилотируемый Саловановым и членами его экипажа, взял курс на юг планеты, стартовав на аэродроме вблизи Хабаровска. Он сделал одну из промежуточных посадок на

острове в Юго-Восточной Азии, где когда-то прошли парусники исследователя, капитана 2-го ранга Крузенштерна. Курс самолета, как ты можешь догадаться, пролегал к Антарктиде...

И привставая с кресла, распорядился:

– Все, на сегодня свободен.

– Есть, товарищ секретарь ЦК партии.

Пока Румянцов встал и повернулся, чтобы направиться к двери, он услышал брошенное напоследок:

– Самолет благополучно совершил посадку на прекрасно оборудованном аэродроме на шестом материке.

Итак, эту информацию он присовокупит к остальной, собираемой его памятью; он еще раз продумает все и перед сном, и во сне. А пока оставалось только не спеша прошествовать по коридорам и лестницам прекрасного здания, любясь бело-золотым пространством, картинами и коврами, канделябрами и лепниной, разными архитектурными изысками, выкрашенными в кремовый и золотистые цвета.

Архимандритов, имевший в своем ведомстве для работы несколько чудесных дворцов, напоминавших о великой эпохе, уничтоженной красными легионами, никогда бы не согласился работать в отстроенном советскими тружениками современном здании. Новая советская архитектура его не грела и не вдохновляла. Из современности босс предпочитал лишь аппаратуру; да и то вся используемая в его ведомстве уникальная аппаратура принадлежала не столько теперешнему времени, сколько далекому, а иногда и необозримому будущему...

Ведущий референт, капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов вышел в массивные двери и по мозаичной плитке дорожки обогнул дворец, направляясь к своей машине. Вскоре белая «Волга», стоявшая с тыльной стороны строения, расположенного за старинным железным забором, куда не мог проникнуть ни один смертный, плавно тронулась. Движение «Волги» фиксировали телекамеры и дежурный механик. Электронная техника у въездных ворот также равнодушно отметила его отъезд.

Конечно же, Иван Румянцов знал, что огромные временные куски его жизни записываются для «эсклюзивного кино», предназначенного для показа в уютных кинозалах Папы Сени, Папы Сатаны... Как знал и то, что везде, где бы ни находился сам Арсений Алексеевич

Архимандритов, все и вся записывается тщательно сокрытыми ото всех телекамерами.

Сев в машину и выехав за ворота, Иван ощутил физическую расслабленность и порадовался, что скоро будет в своем двухэтажном коттедже в Березовом бору. А, значит, дома, где он почти с порога бросится в постель...

В тот момент, когда Румянцов покидал босса, со стороны кабинета, в котором проходила встреча Арсения Алексеевича и капитана 1-го ранга в салон, куда перешел и где уютно устроился Архимандритов, вошла Рогнеда Павловна. Сияя лучистой улыбкой, она наклонилась и, осторожно касаясь Архимандритова своим большим бюстом, чмокнула его в щеку. Он ответил на приветствие, указал ладонью на диван и попросил ее молча посидеть.

Глава 14

По истечении некоторого времени, когда, как показалось Рогнеде Павловне Чаковской, Арсений Алексеевич вернулся из иного мира, где пребывал до этого, полностью отдавшись задумчивости и тишине, он, наконец, повернулся к гостю. Спроси ее сейчас, она б не смогла ответить: отдыхал Арсений Алексеевич эти несколько последних минут или снимал информацию с ее мозга.

Архимандритов, развернувшись к Рогнеде Павловне, каким-то необычайно усталым голосом сказал:

– Я слушаю тебя. Что у нас в Западном полушарии, и как ты со своими *миссионерами* готовишься встретить Румянцова? Давай по порядку.

Она бросила настороженный взгляд; когда-то этот человек был ее страстным любовником, он обучал ее таинствам телесной любви, давал бесценные уроки жизни. После, выполняя его задания, она стала любовницей многих важных персон. Но прошли годы, и она осталась для него всего лишь старой женщиной, обученной разному мастерству, в том числе и мастерству превращений. Искусство сродни волшебству. Но Рогнеда Павловна знает: ее молодость безвозвратна, и оттого ее сердце страдает горше и безутешней... А он? Ей иногда искренне думается, что он знает секрет долгой неувядающей зрелости. Он еще крепок и желанен многим, хоть самым юным и роскошным женщинам.

...по порядку. Она знает, что такое по порядку. Эта процедура приносит ему благостное удовлетворение. И она начинает свою исповедь, предназначенную для ушей Сатаны:

– Видишь ли, до сих пор в мире *любовь мужчины и женщины* большинством людей воспринимается возвышенно, кажется им чувством, освящаемым свыше. Но что поделаешь? Долгими тысячелетиями целомудрие и стыдливость считались общественной нормой, а распущенность и разврат жестоко осуждались и наказывались. Содомитство всегда было смертным грехом против божественной природы человека. Эти взгляды разделяет и твой референт. И пытаться его искутить нетрадиционным,

противоестественным его мужской натуре сексом – заведомо быть в проигрыше.

– И это говоришь ты, для которой не существовало преград в развращении самых сильных, самых осторожных, самых опытных мужчин? Разве ты забыла, что твоя старость – это твоя мудрость, твоя губительная сила. Так отчего ты страдаешь по ушедшему? Архимандритов сделал паузу; чуть обозначились, напряглись аккуратно выбритые желваки. Затем вздохнул, продолжив свою мысль на выдохе:

– Конечно, он усвоил, что нет таких людей в нашем мире, которых нельзя купить. Знает, что если кто-то не продался, то это означает одно: мы пожадничали, не доплатили. А, коль знает и понимает все это, значит, его самого купить будет нелегко. Но *проверка* ему необходима...

«Проверка, опять проверка... Твои проверки – это патология; бесконечная игра не пешками, а чужими жизнями. Ты и меня до сих пор поверяешь? И в чем же, любопытно, кроме искушения чужими прелестями будет необычна эта проверка твоего Румянцова?» – Не желая того *здесь* и *сейчас*, подумала Рогнеда Павловна и, изображая любезную улыбку, молча кивнула.

Арсений Алексеевич продолжил:

– Есть другой способ – женщины. Если с моим капитаном 1-го ранга все разрешится благополучно, я обязываю тебя научить его всем тонкостям этого метода для подкупа нужных людей с помощью женщин. Тебе легче понять, *чего* он еще не знает в этом вопросе. Возможно, ему понадобится твоя резидентура в Западном полушарии. Думай.

– Значит, как я поняла, если... проверка пройдет благополучно, ему может понадобиться методика подкупа?

– Методика полезна всегда, и он с ней знаком не хуже тебя. Разговор идет о тонкостях и твоих личных познаниях в этом деле. Если ему понадобится твоя помощь, – предоставь ее.

– А если оба метода – *деньги* и *секс* – не помогут в решении проблемы, что тогда? Архимандритов, сверкнув блестящими глазами, засмеялся. И оттого сразу показался милым, безобидным, полным доверительного очарования и непосредственности. Но впечатление как появилось, так и исчезло, стоило лишь услышать сквозь смех:

– Если не помогут деньги и если не поможет женщина в подкупе человека, поможет Мордэхай Леви.

– Маркс? Поможет Маркс? ...п... п...педераст?

Рогнеда Павловна, сочтя слова босса тонкой шуткой, расчихикалась.

– Да, его *идея* о построении коммунизма на отдельно взятой территории. Надеюсь, ты в этом не сомневаешься? Она больше не смеялась. Она услышала тон, которым говорил Архимандритов, и уже хмурила изящный излом бровей, внимая мыслям Арсения Алексеевича.

– Идея зачастую бывает сильнее пистолета, сильнее угрозы потерять жизнь. Сильнее чувства самосохранения. С фатальной верой в идею, – даже самую дрянную, самую никчемную, – теряется инстинкт выживания. *Идея заменяет веру, а значит, и Бога.* Разве не за это мы боролись?

– Вы правы, Арсений Алексеевич, я это усвоила еще от своих деда и отца.

– Однако же ты не станешь отрицать, что твой дед еще во второй половине XIX века прославился сексуальными оргиями с революционерками-террористками?

– Думается, это помогало ему верить в то, что он атеист и материалист. – И уже явно желая поглотить боссу, прибавила: – Если считается, что склонности и характер проявляются через поколение, то я пошла в своего деда.

– Отец твой тоже недалеко ушел, – отрезал Архимандритов. – В 20-х годах в Совнаркоме, пожалуй, не было более развратного женолюбца, чем он. Его рабочий день начинался и заканчивался сексом. Захочешь посмотреть на своего отца в деле, – ехидно искривил тонкие губы Арсений Алексеевич, – милости прошу в мой кинозал.

Рогнеда Павловна энергично затрясла головой.

– Верю, но... вы же понимаете... это отец...

– Тогда переходи к сути. Как идут дела на Западе?

Раскрученное на Западе *дело*, за которое отвечала Рогнеда Павловна, было... *порно– и сексбизнесом.* И ее личный вклад в это дело, ставшее со временем мощной отраслью западной экономики, был поистине огромным.

Она и ее сотрудницы координировали деятельность большого количества публичных домов, сутенерских организаций, тысячи сексшопов, магазинов порнографии, сексвидео-кинотеатров и т. д. Но особой частью своей деятельности Рогнеда Павловна считала детскую порнографию. Тем самым она как бы мстила за свое разрушенное детство. Ее увлечение вовлечением детей в порно-индустрию стало приносить доход в сотни миллионов долларов. Тогда как общая прибыль составляла сумму, исчислявшуюся в миллиардах долларов, – широкий денежный поток, текущий с западного полушария в банки Архимандритова.

Свою планомерную деятельность в США Рогнеда Павловна Чаковская начала в 50-х годах XX века с издания порнографического журнала, вернее, с долевого участия в его выпуске. Издатель журнала Марк Тэфнер тогда даже не надеялся получить значительную прибыль в, как он выражался, «*этой пуританской Америке*». Но очень скоро Марк стал одним из богатейших людей Штатов, а Рогнеда Павловна со своей резидентурой более не нуждалась в финансировании от Арсения Алексеевича; более того, – начала перечислять ему средства.

А далее совместно с журналистами и некоторыми учеными, привлекая для новых проектов деньги спонсоров, под началом милейшей г-жи Чаковской за короткий срок вся «буржуазная» страна была наводнена скабрёзными журналами и газетами. Ее целью было *смятение умов и развращение души, влекущих за собой полную и окончательную деградацию человека...* И она была не единственным сеятелем сатанинской морали на этом поле антисозидания. Как она быстро уловила, – под маской демократических свобод легко взращивать любые грехи.

К счастью для нее и ее бизнеса, век Инквизиции прошел; «*a народ всегда получает то, чего он достоин*», – искренне верила Чаковская.

Поворот в сознании людей в сторону решения сексуальных проблем поддержали все самые влиятельные информационные центры Америки и Европы; широко, под видом дискуссий, эксклюзивных интервью и советов психологов рекламируя в прессе отношения полов. На экранах кинотеатров появились обнаженные тела; тема однополый «любви» стала воспеваться *беспольными* сценаристами, режиссерами, музыкантами... «Свобода секса» стала главным, что нужно человеку XX века. Всех тех, кто придерживался традиционных подходов к

проблеме, с презрением отнесли к ретроgrадам, не понимающих радостей жизни.

Для Рогнеды Павловны было очень важно, что сексуальная свобода освободила мир Запада от человеческих норм и предрассудков, предоставив широкое поле деятельности для удовлетворения низменных страстей.

И в этом, кроме огромных денежных сумм, товарищ Чаковская видела... возмездие!

Зная, *откуда и для чего (кого)* пришла русская революция с нерусским лицом, и что тогда же, в 20-е годы XX века впервые прошла волна пропаганды *секса без разбора*, до конца разворотив, извратив, уничтожив нравственно здоровое, но уже истребленное почти под корень общество, – Рогнеда Павловна, изучив этот бесценный опыт, перенесла его на территорию заклятых соперников, то есть, за океан. «*На кой же нам черт регистрировать брак, если можно и так?*» – цинично полюбопытствовал у всех женщин, в том числе и у Рогнеды Павловны советский классик Ефим Придворов, скрывшийся за псевдонимом Демьян Бедный. И, учуяв презрительный большевистский подвох, пренебрежение к бабьему племени, Рогнеда Чаковская перенесла это вселенское унижение на соперниц, превращая их, не познавших *красного террора* и *становящимся обыденным насилием* в – безмозглых дурочек. В – бездуховных шлюх. В – секс-материал. В – деградирующих самок. В – *антиженщин*.

Несмотря на особые познания и причастность ко многим тайнствам, Рогнеда Павловна все же верила в победу коммунизма в своей стране. Хотя бы потому, что коль ОНИ пришли к власти, то обязаны удержать эту власть любой ценой, и навсегда!!! Для нее не имело значение, что противники советских людей и советской системы, – американцы – живут намного богаче ее сограждан. Она радовалась тому, что приняла непосредственное участие в разрушении американских устоев, их нравственных и моральных норм. Пришло время, когда статистика показала: половая жизнь на Западе стала начинаться с 10–12 лет. Подобное в XIX, даже в начале XX века было немислимо. И теперь это означало: ни о каком физиологическом, психическом и психофизиологическом здоровье *хомо сапиенс* речь больше вестись не может. *Человек, как вид, включил систему самоуничтожения.*

В своих действиях Рогнеда Павловна не видела никакого греха. «Коль человек так легко клюнул на развратные приманки, коль он охотно деградирует, значит, он достоин своей незавидной участи, – однажды и навсегда определила для себя эта женщина. – И стоит ли вообще категорию создаваемых дегенератов оценивать как *хомо сапиенс*?»

Впрочем, они с Арсением Алексеевичем Архимандритовым не раз обсуждали эту тему. И что уж Рогнеда Павловна знала наверняка, так это то, что живые существа – с разрушенными психикой и генетикой – являются отличным материалом для воспроизводства *центурионов*, которые так нужны на подземных полигонах Пылающей Земли и Антарктиды.

Девочки, рождающиеся с «симптомом проститутки», с сознанием допустимости иметь множество половых партнеров, и рождающие себе подобных – лучшие матери для центурионов.

Не зря Рогнеда Чаковская безмерно гордилась собой.

И сейчас, только вспомнив в разговоре о центурионах, она увидела, с каким удовлетворением Архимандритов прикрыл глаза.

– ...это и есть самый лучший материал для войн, Арсений Алексеевич. И все же, хочу вас уверить, – таинственно заговорила гостья, – ни центурионы, ни даже создаваемые в ваших лабораториях, да и в США так называемые *киборги* не могут действовать столь эффективно, как мои девочки.

Да, полагал Архимандритов, она права. И центурионы, и киборги – разовый материал на его, Архимандритова, полигонах и на полигонах его заклятого друга Дэвида Бросмана. Тогда как под началом Рогнеды Павловны в достатке любых девушек и женщин с самыми изощренными программами, готовыми повернуть любую спецоперацию.

К примеру, – и Арсений Алексеевич расплылся в улыбке, – если внедрить им в половые органы специальные устройства, а датчики этого устройства вывести на мозговые рецепторы, они вообще не будут нуждаться в мужчинах. Потому что при определенных условиях эта женщина получит такой божественный оргазм, которого не сможет достигнуть ни одна другая на планете. Да она ради подобного наслаждения будет готова работать на износ! Хотя бы потому, что сразу за оргазмом включится другой рецептор, направляющий взрыв

внутренней сверхэнергии этой женщины на выполнение определенного задания. Зависимая, она легко превращается в неутомимого робота, способного осуществить невероятное.

Архимандритов только протянул руку к стене, как из нее неожиданно выдвинулся столик-бар; взял полный фужер сока и с удовольствием выпил. Видя, что его гостя сглотнула слюну, Арсений Алексеевич налил в стакан какой-то розовой жидкости и подал ей. Она выпила мелкими глотками, растягивая удовольствие, чувствуя, как приятное тепло плавно, сверху вниз, распространяется по всему телу. После чего заговорила:

– За двадцать лет, что мои девочки работают на Западе, они создали много полезного нам. А сейчас моя резидентура из США частично переместилась на юг, в Аргентину. Архимандритов, явно устав за день, и знавший уже все наперед, что можно ожидать от собеседницы, перебил:

– Ну что ж, Рогнеда, готовь своих девочек. При определенном раскладе их ждет встреча с Румянцовым. Впрочем, там видно будет, состоится ли эта встреча. И выдержит ли он испытание, результат которого будет зависеть уже не от меня... НЕ ОТ МЕНЯ...

Глава 15

В один из дней капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов решил уйти пораньше со службы и развяться, потому как с некоторым раздражением чувствовал, что из огромного массива освоенных материалов пока что он почерпнул только общие знания, тогда как нужная картина никак не вырисовывается.

Сдав в секретную часть документы, он возвратился в кабинет, окинул взглядом помещение, проверил, все ли на своих местах, и, повинувшись внутреннему чутью, посмотрел на телефон. Ему бы уйти; но Румянцов задержался еще на несколько мгновений. И тут же из аппарата полилась прерывистая трель.

Он поднял трубку, интуитивно чувствуя, кто звонит, и не ошибся. Последовал короткий приказ:

– Зайди ко мне.

В голосе босса Румянцов услышал некое нетерпение и даже раздражение. Войдя и доложив о прибытии, ведущий референт, следуя жесту хозяина кабинета, сел в кресло.

– Думаю, в общих чертах ты разобрался в бумагах.

– Да, Арсений Алексеевич, но кроме общих познаний я еще не пришел ни к какому выводу.

– А выводы делать рано. Вот выступишь предстоящую задачу, тогда и доложишь мне свои выводы. Я даже полагаю, что ты задачу можешь *не* выполнить. Но... Для того, чтобы ее выполнить, тебе нужно ознакомиться с очень длинной цепью разнородных фактов, событий, наслоений, предположений и даже легенд.

Босс сделал паузу; Румянцов знал, что именно в такие моменты он предоставляет ему самому возможность коротко и четко высказать то, что он думает, своей мыслью как бы довершая не досказанное Архимандритовым. И референт подытожил:

– Ознакомься, и *отделить плевелы от зерен*...

– История шестого континента, с которой ты знакомишься теоретически, началась с освоения его Беллинсгаузенем. Дневник, который он вел как руководитель экспедиции, стал одним из секретнейших документов Российской империи. Участвовавший в этой

же экспедиции Лазарев проговорился лишь в конце своей жизни, поведав своей юной жене о неведомых доселе явлениях, которые они встретили у берегов Антарктиды. Ну а та после его кончины в 1853 году поделилась воспоминаниями супруга, пребывая уже далеко от России. В начале нашего XX века начальник личной разведки императора граф Канкрин совместно с вице-адмиралом Макаровым после изучения журнала Беллинсгаузена составили научную записку императору. Тот поделился открытиями со своим двоюродным братом, императором Германии Вильгельмом II. В результате обмена мнениями и нахождения общих точек два императора, – в преддверии своей исторической и политической гибели – заложили основы освоения шестого континента. Как эстафету, запущенную ими, их программы и наработки подхватили большевики и пришедшие вскоре к власти в Германии фюрер и его сторонники. Почти все, о чем сейчас говорил секретарь ЦК, каперанг уже знал. Но с некоторыми подробностями, оттеняющими общую картину, знакомился впервые. А Арсений Алексеевич плавно разглагольствовал:

– У нас, к нашему счастью, оказались огромные знания и практически вся научная школа Русской империи. В 1937 году, после отстранения Бокия, как ты хорошо знаешь, достижения *русской школы* стали полностью нашей собственностью, собственностью Секретариата товарища

Сталина, то есть, его партийной разведки. Но, важно заметить, после некоторого перерыва работа по дальнейшему освоению Антарктиды началась в 1934 году, а спустя почти пять лет наши ученые совместно с немецкими учеными пришли к любопытному выводу, что Земля внутри пустотелая. А являющееся ее сердцем ядро представлялось им двумя огромными мартеновскими емкостями, которые попеременно изменяли температуру и тем самым как бы наполняли энергией, или жизнью пустоты внутри Земли. Тогда же разрабатывалось много интересных совместных проектов. Начавшаяся Вторая мировая война, а затем нанесенный немцами в 1941 году превентивный удар по нашей армии вылился в войну нашего народа с Германией. Но деятельность по работе на шестом континенте продолжалась.

«Именно в этом и состоит самый главный секрет XX столетия», – мелькнула в голове Румянцова знакомая мысль.

Архимандритов, вставший незадолго перед этим и расхаживавший по кабинету, остановился у стола, посмотрел на лежащий на полу ручной работы персидский ковер, словно пытаюсь обнаружить, остались ли там следы от его мягких эксклюзивных туфель...

– Арсений Алексеевич, надо полагать, Сталин считал работу, начатую с немцами в Антарктиде, более важной, нежели война...

– Я прерву твою *философию*. Ты никогда не задумывался, почему некоторые историки и писатели утверждают, что даже когда Красная армия вступила в Европу, немецкое командование было убеждено, что поражения не будет?

– Скорее всего, это связано с тем, что в Германии шла интенсивная работа по созданию атомного оружия. И создание ракетного комплекса в Пенемюнде, и испытание атомной бомбы предусматривали перспективу разгрома Красной армии.

– С тобой можно согласиться только отчасти. Запомни: с этим может быть согласен весь мир, но только не мы с тобой. Мы должны рассуждать, думая, думая и думая. Когда

гибнут десятки, а то и сотни миллионов людей, значит, есть те, кто развязывает этот трагический фарс. Ты ведь уже хорошо знаешь теорию Гегеля: при столкновении *тезиса* и *антитезиса* получается искомый результат, – *синтез*. Значит, выигрывает тот, кто сталкивает лбами двоих. Война – всегда перераспределение богатств, средство наживы.

«Просто и цинично. Дьявольски гениальное совершенство», – отметил каперанг. Подобные серьезные разговоры велись не впервой; более того, Арсений Алексеевич, возвращая этого молодого человека для себя, своих далеко идущих коварных планов, постепенно обогащая знаниями и просвещая, можно сказать, любил эти беседы тет-а-тет. Но Архимандритов не был бы Папой Сатаной, если бы не подвергал своих доверенных людей жестоким испытаниям, ставя на кон их жизни. Да и кто мог поручиться, что с такой же почти отеческой заботой Арсений Алексеевич не относился еще к кому-то, кроме Румянцова? – *Давая знания, просвещая и отслеживая каждый шаг...*

– К 1935 году Сталин, исходя из своих личных тщательно хранимых им ото всех планов переустройства мира, принял решение о строительстве огромного советского флота. 26 июня 1936 года

Совнарком СССР утвердил кораблестроительную программу на период до 1947 года. Разумеется, при утверждении плана учитывалось и развитие международной обстановки. Планировалось построить 8 линкоров и 18 тяжелых крейсеров. Общий тоннаж кораблей советского флота должен был превысить 1,5 миллиона тонн. Спуск на воду всех 8 линкоров планировалось произвести в 1939-м, а сдачу в 1941-м. Тогда же велась разработка проекта авианосца для открытых морских театров, имевшего на палубе до 50 самолетов. Уже к 1939 году был разработан эскизный «проект-71» авианосца. Словом, работы в этом направлении шли полным ходом. Первые два линкора типа «Советский Союз» заложили в 38-м; тяжелые крейсера типа «Кронштадт» начали строить в ноябре 39-го; в июле одобрили проект легкого крейсера типа «Чапаев»; в августе заложили головной корабль.

– Арсений Алексеевич, – воспользовавшись паузой, сказал Румянцов, отметивший про себя огромный, выдающийся массив знаний, который Архимандритов всегда держал в памяти, – думаю, что на сегодня это еще закрытые сведения, и вы преследуете конкретную цель, сообщая мне подробности. Некоторое время Архимандритов еще молчал, затем прошел к своему креслу и, сев за стол, заговорил:

– Да, капитан 1-го ранга. После XX съезда партии, на котором *разоблачили* так называемый «культ личности Сталина», повесив на Иосифа свои собственные преступления, многие конъюнктурщики выказывались, что он якобы недооценивал роль авианосцев в современной войне, то обвиняли, что он, сокращая финансирование на строительство большого флота, не советовался с руководителями Военно-Морского Флота. Особенно по этому поводу одно время переживал нарком флота Васнецов. Но, скажу тебе, приступив совместно с немцами к грандиозной задаче по освоению Антарктиды, Сталин не мог посвятить наркома и других руководителей страны в этот уникальный проект, – проект, которого мир еще не знал! Когда по окончании войны, летом 1945 года, Морской Генеральный штаб внес предложения по десятилетнему плану военного кораблестроения на последующие, вплоть до 1955 года, Иосиф Виссарионович сказал по поводу больших эсминцев: «Обойдемся без них». Нарком флота и его заместитель по вооружению пытались отстоять большие эсминцы, видя в них будущее. Но переубедить вождя не удалось. Даже ссылка на

то, что американцы уже с 1944 года строят подобные корабли крупными сериями, не помогла.

– Как ты думаешь – почему? – испытующе бросил Архимандритов. Думать не приходилось, требовался скорый и обоснованный ответ.

– Полагаю, в условиях послевоенной обстановки Сталин старался не поддаваться соблазну строить большой флот, вкладывая огромные средства. Нужно было передохнуть.

– А что ты скажешь, если я тебе дам иные сведения для размышления. Эти большие эсминцы имели не просто уникальные, а сверхуникальные новации. Так что строить их для флота было не целесообразно, и тем более обсуждать эти технологии на расширенном заседании. Тогда же Сталин при обсуждении вопроса об авианосцах предложил с ними подождать. По тем же причинам. Добавлю для ясности: уникальные технологии, которые требовалось держать в секрете, просто *не* могли зародиться у нас на Земле.

– ... они имели космическое происхождение?

Непроизнесенный Румянцовым вслух вопрос повис в воздухе.

– Ну что ж, – предложил Арсений Алексеевич, поднимаясь с кресла, – пройдем, посмотрим кино.

Они прошли в небольшой уютный салон; здесь, как и в других кинозалах Папы Сени, все было в бело-кремовых тонах, от ковров и кресел, до столиков и экрана.

Они устроились, взяв по бокалу прохладного яркожелтого сока, только что выжатого из марокканских цитрусовых сотрудицей аппарата Архимандритова, – миловидной девушкой в строгом костюме. Когда сотрудица исчезла, и свет поглотился мягкой приглушенной темнотой, на экране показалось пространство сталинского кабинета. Румянцов мог, закрыв глаза, описать все предметы, находившиеся в знаменитом кабинете вождя. Рядом с товарищем Сталиным, раскуривающим трубку, сидел товарищ Берия. Судя по некоторым признакам, стояла глубокая ночь. Что и подтвердил Арсений Алексеевич, бросив реплику:

– *Ночь 28 ноября 1945 года...*

—

Ничего, что Васнецов переживает. Но не можем же мы все говорить, да и не поймет он нас.

– Что не поймет, то не поймет, Коба, – понимающе задумчиво отвечает Лаврентий Павлович Берия. – Может быть, мы его отправим в отпуск, пусть отдохнет в Крыму, подлечится?

– Что ты говоришь, какой отпуск? У него душа болит за флот, а мы не можем сказать правду. Ты думаешь, он на меня сердится? На себя. А мы не можем ему объяснить. (Сталин едва заметно покачал головой.) Мы потеряли в этой войне надежного союзника, и ты, Лаврентий, хорошо это знаешь. Сегодня нам нужно основательно и бесповоротно закрепиться в Антарктиде, чтобы мы могли оттуда диктовать свою волю. Сталин положил погасшую трубку в хрустальную пепельницу, и Берия, понимая, что вождь раздосадован разговором, мягко напомнил:

– К счастью, Иосиф Виссарионович, работающие там с нами немцы как были лояльны десять лет назад, как были доброжелательны все годы этой войны, так по-прежнему честно работают с нами.

– Да, это залог нашего будущего.

Товарищ Сталин взял трубку, стиснул зубами мундштук, и вскоре из-под усов выпорхнули расплывчатые завитки дыма.

* * *

Буквально через час после киносеанса капитан 1-го ранга Иван Румянцов узнает из подготовленных для него и лежащих на столе в его кабинете документов некоторую подоплеку дальнейших событий. К примеру, что через несколько недель после разговора между Сталиным и Берия, последнему станет известна негативная реакция экспертов, выказывающих недовольство тем, что согласно утвержденной программе большинство кораблей будут строиться по предвоенным проектам. Тогда как командование ВМФ настаивало на строительстве «больших эсминцев».

Лаврентий Павлович Берия, узнав, что нарком флота Васнецов упорствует, позвонил Герасиму Николаевичу и порекомендовал

согласиться с решением комиссии и постановлением правительства. Тот вежливо возразил:

– Пожалуйста, о чем вы говорите, вы-то не специалист в области строительства флота.

Но на том конце положили трубку.

В феврале 1946 года был упразднен наркомат ВМФ, а Г.Н. Васнецов стал главнокомандующим ВМС, первым заместителем министра обороны. Это означало понижение статуса Васнецова; а еще: что «товарищ нарком» не смеет перечить и препятствовать *человеку*, который воплощает столь тщательно скрывааемые сверхграндиозные планы, общаясь с *силами*, о существовании которых теперь уже бывший нарком флота и подозревать не мог...

Понижение лишило Герасима Николаевича возможности напрямую докладывать руководству страны; теперь он должен был согласовывать свои действия с военным министром. А спустя год он был снят и с этой должности и понижен до контр-адмирала. Главкомом назначили адмирала С.И. Ромашова, который продержался на посту до февраля 1950 года, когда выполнение десятилетнего плана по строительству ВМФ набрало высокие темпы.

Но! За наказанием последовало невероятное, прямотаки ошеломляющее для Васнецова открытие!

Да, товарищ Сталин умел наказывать и прощать. Ни одно его решение не было зряшным, непродуманным, нерасчетливым. Этот гигант действовал дьявольски умно; предугадывая и планируя, исследуя мыслью холодные пустоты неоглядной будущности...

Глава 16

Как только Иван Михайлович Румянцов дочитал бумаги и аккуратно стопкой сложил их обратно в папку, чтобы отправить ее в ячейку хитроумного сейфа, вмонтированного в стену кабинета, как неожиданно вошел Арсений Алексеевич. Словно товарищ Архимандритов наблюдал, терпеливо поджидая, когда его референт закончит чтение, чтобы тут же появиться на пороге.

Иван проследил взглядом, как босс медленно приближается к окну. Рабочий день никак не кончается... *жаль, жаль*, совершенно без горечи, а скорее привычно подумал Румянцов.

– К этому времени нам удалось решить многое из того, что задумал Сталин в Антарктиде. И только после этого он принял решение восстановить Военно-морское министерство, и возвратил на этот пост Васнецова. Тогда, в начале 50-х годов у нас появилось управляемое ракетное оружие (УРО), эффективно испытанное в 1942 и в 1947 годах в Антарктиде. Вновь назначенный министр ВМФ был приятно удивлен, увидев УРО в действии.

Арсений Алексеевич растянул в улыбке узкие губы, но Румянцов не видел улыбки, а скорее чувствовал ее, так как Архимандритов стоял, оборотившись к окну и вглядываясь в подсвеченную фонарями заоконную темень.

Точно так же стоял у окна Генсек, прежде чем завести разговор с Архимандритовым... Именно на эту деталь обратил внимание референт, когда они вновь оказались в кинозале: на копирование поз и двоичность жестов, подсмотренных его боссом у *вождя всех времен и народов*...

Сегодня они во второй раз направлялись в кинозал. Но бывали дни, когда они с Архимандритовым проводили у экрана *сутки напролет*; пропуская через матрицу мозга тысячи и тысячи километров сверхсекретной пленки, зафиксировавшей настоящую жизнь политиков, бизнесменов, шлюх и девственниц, красавиц из царственных домов; особ прошлого и нынешнего бомонда; кормчих и рабов Истории...

Завершающий этап войны; товарищ Сталин вызвал Архимандритова к себе на Ближнюю дачу.

Сталин долго ходит по кабинету, а Архимандритов стоит в надежде, что тот заговорит. Но вождь подошел к окну, стоял, разглядывая пушистый снег под окном и на деревьях, вглядываясь в подсвеченную фонарями темень ночи.

Наконец оборотившись и раскурив трубку, Сталин прошел и сел на край дивана, о котором спустя годы пойдут легенды, что на нем вождь и умер. Молчание так и не было прервано. Докурив и заметив, что трубка погасла, вождь поднялся, и понятным жестом, лишь указав трубкой, пригласил Архимандритова следовать за собой в зал заседаний членов Политбюро и Совета труда и обороны (СТО). Конечно же, Арсений Алексеевич нередко бывал в этом зале с широкими панорамными окнами, где на каждом стуле был плотный серо-белый чехол, а над каждым стулом, на стене, висели портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б), – в соответствии с тем, как рассаживались здесь эти люди.

Сталин сел в свое жесткое кресло, затем жестом показал на стул под портретом секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова. Подождав, пока Архимандритов сядет, Иосиф Виссарионович сказал, растягивая с характерным акцентом слова:

– Ты как-то мне говорил, что хорошим приемом неразглашения тайны является... разделить властные функции между людьми.

– Но то было давно, товарищ Сталин, еще в начале 30х годов.

– Я помню, Арсений. Мы не можем рассказать нашим военным, что мы создали на Севере. Слишком много и так знают о Севморпути, о работе Потанина, о наших полярниках. Слишком у многих длинные языки... Сталин, неопределенно махнув рукой в сторону окон, поднялся с кресла, при этом жестом останавливая Архимандритова, чтобы тот не вставал.

– Мы решили разделить флоты. Война, считай, закончилась. Из Тихоокеанского флота и Северного флота мы выделяем большие силы для Антарктиды. Это вызывает нарекания наших заокеанских друзей, подозревающих нас в ведении нечестной игры. Нас хотят обвинить в каких-то сговорах с немцами, забывая, что это они, заокеанские

друзья, вырастили нашего друга фюрера и развязали эту превентивную войну, так дорого стоившую человечеству. Сталин вновь махнул рукой.

– И как только мы завершим войну в Берлине, мы разделим Тихоокеанский и Балтийский флоты, еще на два флота каждый. Балтийский, как ты понимаешь, для дезориентации наших «друзей».

* * *

Арсений Алексеевич обернулся к референту:

– Ты уже знаешь, что через несколько месяцев, летом 1945 года, Морской Генеральный штаб внесет предложения по десятилетнему плану военного кораблестроения на последующие годы, вплоть до 1955-го. И знаешь, что Сталин принял решение освободить Васнецова от должности вначале наркома ВМС, а затем и от должности главнокомандующего ВМС, первого заместителя военного министра, – зная, что тот недоволен и постановлением правительства по послевоенному строительству флота, и разделением флотов. А знаешь, что сказал мне Иосиф Виссарионович, когда речь зашла о разделе флотов?

Архимандритов нажал на кнопку, и застывший на время кадр вновь ожил, но сцена изменилась. На сей раз Сталин и Архимандритов сидели в кабинете вождя.

* * *

...Товарищ Сталин, вынимая трубку изо рта, подытоживает некий разговор, говоря сидящему напротив Арсению Алексеевичу:

– Вот мы и поставим Васнецова на один из разделенных на Тихом океане флотов, который занимается Антарктидой. Пусть там поработает, узнает, что мы делаем на Южном полюсе. И не то что будет сговорчивей, а, это мы, зная, что он очень инициативный и умеющий хорошо работать, предложит нам мно-о-го толковых идей.

* * *

– А теперь учти, – обратился Арсений Алексеевич к своему ведущему референту, нажатием невидимой кнопки остановив кадр на экране, – именно после руководства разделенным флотом на Дальнем Востоке у Герасима Николаевича созрели мысли о создании *атомного подводного флота*, и проект первой атомной лодки, инициированный им, был утвержден товарищем Сталиным. Васнецов активно поддержал идею создания в Северодвинске цеха по строительству атомных подводных лодок. 12 сентября 1952 года вождь подписал Постановление правительства о создании советских АПЛ.

Что всегда поражало и искренне восхищало Румянцова, так это мощный аналитический мозг его босса, его безмерная память и безграничная эрудиция. И сейчас он жадно вслушивался в слова Арсения Алексеевича, запоминая каждую фразу, зная наперед, что больших знаний, чем этот человек, ему не даст никто... потому что вряд ли кто-то еще на Земле обладает таким уникальным мозгом и такими знаниями... А Архимандритов, словно уловив его мысли, довольно улыбнулся в щеточку усов, продолжая:

– И что ты думаешь, Васнецов, командуя Северо-Тихоокеанским флотом, или 5-м (Тихоокеанским) флотом, занимающимся проблемами Антарктиды... а большая часть сил 5-го флота и базировалась в Антарктиде... который и стал впоследствии 5-м Антарктическим флотом... так вот, Васнецов пришел к выводу, как мудр был вождь, как он хорошо проучил «товарища наркома»: сначала погоны посрывал, а потом поставил его командовать та-а-акими секретами! Мудро поступил Сталин, и Васнецов хорошо понял, что шум и громкая огласка вовсе *ни к чему* в этих делах. Так что, осознав это, Герасим Николаевич тут же приступил к организации строительства атомного подводного флота, начиная с *К-3 проекта 627*, с АПЛ первого поколения. Но были еще первые две лодки, и назывались они 1-К и 2-К, которые были введены в состав Антарктического флота.

– Пужинай и займись бумагами, – распорядился напоследок босс, из чего Румянцов сделал вывод, что сегодняшний сон сокращается еще на несколько часов.

Глава 17

Получив новую папку с подготовленными для него материалами, референт, наскоро поужинав изысканными блюдами из морепродуктов, взялся за изучение бумаг.

Серьезные факты, постепенно накапливаясь в его сознании, последовательно складывались в незамкнутый пока, незавершенный круг, напоминающий собой по конфигурации загадочный Южный полюс. Именно так представил для себя новые знания Румянцов, отделив их от остального массива разнообразных знаний.

На сей раз бумаги гласили, что...

* * *

17 января 1947 года командующим 5-м (Тихоокеанским) флотом назначили вице-адмирала Сергея Александровича Флерова, пробывшего в этой должности до 20 февраля 1950 года.

Его сменил экс-нарком Военно-морских сил Герасим Николаевич Васнецов, пониженный в воинском звании до контр-адмирала.

После убийства Васнецова в Москву в связи с новым назначением на пост Военно-морского министра и восстановлении его в звании адмирала флота, командующим 5-м флотом был назначен адмирал Александр Юрьевич Каратеев.

При этом океанские коммуникации были весьма далеки от нахождения штаба 5-го флота; потому что большая часть сил этого флота базировалась в Антарктиде. Тем самым вводили в заблуждение заокеанских «друзей» товарища Сталина.

По инициативе Г. Н. Васнецова, одобренной и согласованной с товарищем Сталиным, начал воплощаться первый этап строительства АПЛ, длившийся с 1952 по 1968 годы. АПЛ первого поколения включали 6 проектов, из них – *торпедные* проекты 627, 627а, 645, или как их называли на Западе «Новэмбер». И *ракетные*: проект 658, на Западе его называли «Хотэль» с баллистическими ракетами и с крылатыми ракетами проектов 659 (тип ЕСНО-1) и 675 (тип ЕСНО-2).

Все АПЛ имели однотипную атомно-энергетическую установку (АЭУ) с двумя водяными реакторами, кроме АПЛ проекта 645, имевшей реактор с жидкометаллическим теплоносителем и созданной в единственном экземпляре.

В укреплении сил 5-го флота на шестом континенте особую роль играла и *авиация*.

С середины 30-х годов, – в соответствии с доктриной по развитию теории и практики глубокой наступательной операции, – СССР взял курс на усиление совершенствования военной и морской авиации. Для чего требовались дальние бомбардировщики и разведчики, способные взлетать и с суши, и с моря. Создавались и развивались собственная авиаиндустрия и технологии; успешно перенимался зарубежный и, прежде всего, немецкий опыт.

Сталин не случайно вначале выбрал Германию, а затем США в качестве делового партнера.

В первую очередь, это было связано с достаточно крепкими военно-техническими связями, налаженными еще в конце XIX – начале XX веков в области морской авиации. В 1911–1916 годах Морское министерство Российской империи выступило инициатором закупок, заказав для Императорского флота 148 американских самолетов «Кертис». Из них были собраны и эксплуатировались только 50 единиц.

В 1935 году в Москве проходил испытания американский двухместный самолет-разведчик «Нортпроп 2Е». За последующие два года в США были куплены и оснащены для лицензионной постройки в единичных экземплярах самолеты РВУ-1-3 «Шквал», «Валти» V-IA в пассажирском варианте (для начальства), «Консолидейтед» ХРВУ-1, «Валти» V-IA поплавковый (в пассажирском варианте); «Валти» V-2 S-43 – 5 ед., S-43 – 2 ед.; «Дуглас» ДФ (ДФ-2-195) – 2 ед.; «Дулгас» ДС-3 и Си-47 (последний в СССР назывался Ли-2).

Поистине уникальные машины для 30-х годов XX века.

По решению правительства СССР и по заказу 1-го Главного управления Наркомата оборонной промышленности 12 сентября 1936 года акционерное общество «Амторг» заключило в Вашингтоне договор с американской авиационной фирмой «Гленн Л. Мартин Компани» в городе Балтимор, штат Мериленд. Договором, рассчитанным на три года, предусматривалось изготовление фирмой

опытного экземпляра 4-моторной пассажирской и транспортной летающей лодки для трансокеанских сообщений «ОкеанКлиппер». С последующей доставкой в СССР.

О поставках этого самолета вел разговор Арсений Архимандритов при личной встрече со своим американским другом Дэвидом Бросманом.

В основу конструкции этого *гидросамолета*, названного «Гленн-Мартин» 156С, была положена летающая лодка «Гленн-Мартин» 130, известная на дальних тихоокеанских авиамаршрутах как «Чейна Клипер» (на них летали адмиралы и перевозились ценные грузы).

«Гленн-Мартин» 156С имел компактную кабину для экипажа из 2 пилотов, штурмана, бортмеханика и радиста. Также были багажные кабины, салоны, буфет и туалеты для пассажиров; а еще – три десятиместные кабины, переоборудовавшиеся при необходимости в 26 спальных мест. На авиалодке имелись спасательные жилеты, надувные шлюпки на 60 человек, постельные принадлежности, дорогое кухонное оборудование.

Для стоянки на плаву лодка имела 80-фунтовый якорь, выбрасываемый и поднимаемый вручную. Мотоустановка представляла собой четыре мотора «Рай-Циклон» с взлетной мощностью у земли в 1.000 л.с.

Создавая новый гидросамолет, американцы наивно полагали, что «Гленн-Мартин» 156-С будет использоваться в СССР для экспериментальных полетов над Северным полюсом; и никак не подразумевали, что его маршруты пролягут между Дальним Востоком и Антарктидой!

22 апреля 1937 года принято постановление, согласно которому самолет должен был изготавливаться в нашей стране в военном варианте, как морской тяжелый бомбардировщик МТБ-3. Серийную постройку предполагалось начать на заводах в Таганроге и в Комсомольске-на-Амуре.

Одновременно с постройкой самолета в Балтиморе, в Советском Союзе на основе чертежей, полученных от фирмы осенью 1936 года, в конструкторском бюро (КБ) Сартонова была начата работа по проектированию для «Гленн-Мартина» специального бомболюка-колотца в редане лодки для подвески авиабомб. Площадь редана у

киля превращалась в две большие створки люка, что было необычным новаторством.

Постройка гидросамолета в Америке также находилась под жестким контролем со стороны СССР, в частности, 7-го отдела ГУГБ НКВД, регулярно информировавших наркома внутренних дел Ежова и наркома обороны Ворошилова. После успешно завершившихся испытаний, авиалодка была принята на вооружение.

С целью дезинформации о действительном назначении этого самолета, один экземпляр передали управлению морской авиации наркомату ВМФ.

С началом войны Архимандритов вновь встретился с Бросманом. На сей раз разговор шел о поставках в СССР истребителя П-63 («Кингкобра») с 4-лопастным пропеллером фирмы «Белл».

В Америке истребитель недооценили, и даже прозвали его «русским самолетом». В отличие от поставляемой в СССР «Аэрокобры», он имел особые свойства. «Кингкобра» обладала очень высокой скоростью, большой дальностью полета и максимальным потолком; имела высокие качества перехватчика. Но американцы так долго собирались поставить истребитель в СССР, что война подошла к завершению, и на фронт машины не попали. Для Сталина они стали составной частью его резервов. Этими самолетами были оснащены некоторые части ПВО страны; причем, в то время это был единственный самолет, который мог «достать» стратегический бомбардировщик США Б-29. В 1947 году на вооружении у Сталина было 2500 находившихся в полной боевой готовности истребителей П-63.

Согласно указаниям товарища Сталина, они участвовали в тайных операциях СССР. В том числе, – в тайных операциях в составе советской антарктической экспедиции под общим руководством командующего 5-м флотом вице-адмирала Флерова. И базировались эти самолеты на одной из секретных авиабаз в Антарктиде, которой руководил контр-адмирал Потанин.

К работе на шестом континенте были привлечены и АНТ-7 (Пе-8).

Советская военно-воздушная база, построенная на Земле Королевы Мод, имела несколько взлетно-посадочных полос. Также в Антарктиде были построены несколько аэродромов для размещения

2500 истребителей и другой авиационной техники. В основном эти аэродромы располагались... под землей.

Общее руководство действиями авиации в Антарктиде осуществлял главный маршал авиации Салованов.

* * *

Румянцов ощутил, как слипаются глаза, и решил оставить чтение и вернуться домой, чтобы основательно отдохнуть. Уже надевая офицерское пальто, он услышал звонок телефона. Этот сигнал он хорошо знал, и вновь поразившись неустанному демоническому бдению босса, поднял трубку.

– Зайди, я жду, – бросил Архимандритов.

Капитан 1-го ранга внутренне собрался, мотнул головой, разгоняя усталость, и прошел в соседний кабинет.

– Ты полетишь в Новую Зеландию, в Окленд, где встретишься с Бросманом. Получишь от него контейнер, в котором можно будет найти много занимательного. Да, много занимательного и интересного для тебя. Билеты на самолет и остальные инструкции получишь через три дня.

После того как Румянцов вышел из кабинета Арсения Алексеевича Архимандритова и сел за руль своей машины, он осознал, что до рассвета осталось совсем немного.

Он, как многие из тех, кто работал в окружении элиты советского государства, старался не интересоваться темами, которые его не касались. И тема освоения Антарктиды в 30-х – 40-х годах, как и программы последних лет, связанные с 6-ым континентом, его не волновали. Однако сейчас он должен был постигать многие секреты, касающиеся этой таинственной далекой земли. И вот только он начал сопоставлять факты, и замыкать, – как ему думалось, – круг антарктического познания, полагая, что недостающие звенья ему удастся найти впоследствии, во время путешествия на юг планеты, как оказалось, что нужно лететь в Окленд, на встречу с Бросманом. Впрочем, возможно, это как-то связано с будущей командировкой на крайний юг...

Как только Иван Румянцов оставил кабинет, Архимандритов нажал кнопку связи, тут же появился адъютант.

– Вызови мне Хорна.

– Он ждет, – последовал лаконичный ответ. Архимандритов бросил удовлетворенный взгляд и махнул рукой.

Не успел адъютант закрыть дверь, как вошел броской, выразительной внешности мужчина лет 30–35. Уловив жест Архимандритова, он приблизился к стоящему около стены журнальному столику и наклонился над ним, явно что-то рассматривая.

– Посмотри на фотографии, – приказал Арсений Алексеевич безапелляционным тоном; так, словно военачальник приказывает солдату. – И запомни: это враг! Имей в виду, если ты не уничтожишь его, он уничтожит тебя. Третьего не дано.

Хорн отчеканил:

– Он будет уничтожен!

Адъютант Архимандритова прекрасно знал свою работу; знал, что должно последовать за приказом *вызвать Хорна*. И потому, как только из кабинета босса вышел Хорн, появился... Хорн-1.

Но за это короткое время между двумя посещениями Архимандритов нажал кнопку на табло, размещенном на его столе; два лежавших фото – в профиль и анфас, – на журнальном столике опрокинулись, а на их место легли два новых фото с физиономией ушедшего Хорна, также: в профиль и в анфас.

Вошедший подошел по жесту Архимандритова к журнальному столику и услышал слово в слово то же, что было сказано его предшественнику:

– Это враг... его надо убить.... И новый Хорн-1, расправив плечи, выдохнул:

– Он будет уничтожен!

Не успел посетитель скрыться, как, чеканя шаг, в кабинет к Арсению Алексеевичу вошел... Хорн-2. Которому также был указан враг, и который также дал обещание врага уничтожить...

Игра продолжалась до тех пор, пока Хорну-33 не были показаны фотографии его предшественника Хорна-32. И ушел последний, и сказал, что убьет 32-го. После чего Арсений Алексеевич Архимандритов, морща маленький нос и поджимая губы, с хрустом

потянулся, расправляя затекшие ноги и руки. Когда он вскидывал руки вверх, феерическими искрами засверкали крупные алмазные запонки на его белоснежных манжетах.

Сатана блаженствовал: его ученик, его ведущий референт Иван Румянцов, которого многие в аппарате Папы Сени считали *любимчиком* босса, опять в рисковом деле! Он многое знает, а коли так, пусть покажет, что достоин этих знаний. И тогда, может быть, Папа Сеня даст ему ключ к остальным знаниям и отправит в дальний переход, в суровое испытание, преодоление которого будет зависеть уже НЕ ОТ НЕГО...

А пока Хорн, за которым следует цепочка из тридцати трех центурионов-убийц, отправлен на поиски первого *врага* – Ивана Румянцева.

Если Румянцов выкрутится, спасется, – *честь и хвала* такому сотруднику. Но даже если референт погибнет, Арсений Алексеевич не станет сожалеть... Потому что Сатана никогда не жалеет о содеянном.

Глава 18

Все крепкие тренированные мужчины из подразделения Хорнов, на самом деле были кадровыми офицерами и высококлассными профессионалами по части выполнения специфических приказов Архимандритова. Они вовсе не были все *на одно лицо*, и имели различные имена, но в спецподразделении числились под условными псевдонимами, выполняя однотипную роль Хорнов, – центурионов-убийц. То, что их объединяло и отличало от остальных исполнителей в аппарате Папы Сени, хорошо знали сотрудники спецлабораторий, превращавшие молодых людей в зомби, в исполнителей чужой воли.

Арсений Алексеевич, мастер на выдумки, любил эту методу: отправить в погоню друг за другом несколько десятков тщательно подготовленных уникальных специалистов, зомбированных на исполнение его личного приказа. Охота чудесным образом подогрела его беспристрастное сердце, не знавшее милосердия и сострадания. Он прекрасно знал, что с 1917 года в этой необъятной стране начата *охота на русских*; и он, как никто другой, желал превратить отстрел в искусство, «*причащаясь*» не так к массовости, как к изощренности в этом чудовищном процессе...

Из нескольких десятков, брошенных в погоню, Архимандритову нужен был только один. Выживший в этой чудовищной схватке впоследствии составлял костяк другого, особого подразделения для выполнения самых невероятных задач. Еще более ухищренных, более злоумысленных, непредсказуемых, исполняемых на пограничье реальности и фантастики.

Безусловно, Румянцов знал о подобных игрищах Папы Сени. Благодаря нескольким годам, проведенным под сенью этого мага, этого черного идолища, Архимандритова, и череде проверок, устроенных им ему, у Ивана появилось чутье, вернее, верное чувство самосохранения, только во много раз более обостренное, чем годами ранее. Чувство почти мистического свойства, словно в нем открылось некое *недреманное око*, следящее за развитием событий на ином, подсознательном уровне...

И когда Арсений Алексеевич приказал капитану 1-го ранга отправляться в командировку в Оклэнд, он почуял неладное; и, почуяв, постарался предугадать события. Нет, он не знал, что с ним произойдет далее, не ожидал, какой длинной будет цепочка, брошенная по следу. Но одно он знал и помнил всегда: он может быть убит! Даже когда он, как ему казалось, идеально проделывает свою работу. Но еще он знал: его босс не слепой убийца; для того, чтобы оказаться в чередѣ приговоренных, нужно провиниться (для этого достанет и пустяка), или быть включенным в игру-проверку. Как сейчас...

Итак, Иван Румянцов уже не раз проходил испытание на прочность и профессионализм. И потому (впрочем, как всегда, скорее по привычке), он предпринял некоторые меры для своей собственной безопасности. Но меры для его безопасности приняли и другие люди, – люди, входившие в его зарубежную оперативную группу. Но об их усилиях пока Румянцов не знал; как не знал и... сам Арсений Алексеевич Архимандритов.

Когда на третий день после последней встречи с боссом каперанг пришел получать инструкции, то его опасения подтвердились и укрепились, как только он... по жесту Арсения Алексеевича подошел к журнальному столику, на котором лежали два фото «врага»: в профиль и анфас.

Также ему было указано, что прежде чем встретиться с Дэвидом Бросманом в Новой Зеландии и получить контейнер с ценным посланием, он должен, как обычно продвигаясь изломанным, путанным маршрутом, уничтожить указанного по фотографиям *врага*, который, – Архимандритов особо подчеркнул, – выполняет аналогичное задание от одной из спецслужб, глубоко законспирированной в Южной Америке и Африке. Чтобы контейнер не попал в руки соперника, его надо убить.

Еще Арсений Алексеевич сказал, что по имеющимся сведениям, сотрудник соперничающей спецслужбы под именем господина Блау может находиться в определенное время на загородной вилле в Хараре.

Выходило, что вражеский агент должен быть найден и уничтожен; контейнер получен и доставлен боссу.

Время, в которое агент должен был оказаться на вилле «Вирджиния-В» в африканском городе Хараре, выпадало на

следующий день.

Иван Румянцов, почуявший неладное, стал мысленно просчитывать развитие событий; предположив даже, что возможна охота на него самого. А коли так, важно было высчитать: какой он по счету в цепочке охотников? Но последнее как раз сделать было невозможно... пока. Но что достоверно ощущал каперанг, так это то, что из любой операции он должен выйти победителем.

Всю дорогу, от Архимандритова до дома в Березовом бору, и от дома в аэропорт, а затем и все долгие часы полета из Москвы в Вену, из Вены в столицу Судана Хартум, а оттуда – в столицу Зимбабве Хараре, Румянцов продумывал план действий.

Прилетев на место, мужчина внутренне обрадовался тому, что находит все вокруг знакомым, как было в прежние его прилеты сюда, но, конечно же, по другим служебным делам. Взяв такси, он назвал адрес, и, проехав километров 30, оказался в элитном районе города. Здесь его взгляд искал экзотического отдохновения, рассматривая мелькавших за окном машины чернокожих красавиц в ярких цветных нарядах; многочисленные витрины кафе и магазинов, большие сияющие окна банков, офисов и контор. То и дело в черных, как смоль, лакированных лимузинах с кондиционерами проезжали черные мужчины в белоснежных сорочках и смокингах.

Такси остановилось, как только они подъехали к весьма и весьма уважаемой гостинице «Савойя», где для Румянцова был заранее забронирован номер. В кармане его легкого бело-кремового костюма, шитого в стиле *милитари*, лежал паспорт на имя гражданина Болгарии *Яна Статива*.

Войдя в обширный холл, посетитель сразу же направился к бару, чтобы утолить жажду. Он пил холодный коктейль, оборотившись к входной двери; успев отметить, как шумно переругиваются с администратором три вальяжных американца, одетых без претензий на дороговизну, – в удобные, простые, местами мятые, костюмы, в кажущиеся издали тряпичными туфли. Один из них доказывал, что его вовсе не устраивает вид из окон его номера, тогда как два других, резко жестикулируя, пытались его урезонить. Сцена происходила недалеко от небольшого водопада, размещенного в глубине холла; вода, стекая по искусственным желобам, лилась дальше по мраморному каналу в центр холла, где плескался и брызгал фонтан.

Крепким шагом уверенного в себе делового человека каперанг Румянцов отправился к администратору. Подошедший юноша в белоснежном кителе с золотыми пуговицами и черных отутюженных брюках подхватил чемодан, чтобы отнести в номер. Показав комнату и получив приличные чаевые, юноша кивнул и неслышно вышел. Первое, что сделал Иван, – профессионально осмотрел все потаенные места, но, усмехнувшись сам себе, бросил это занятие. Он довольствовался тем, что, набрав полную ванну воды, щедро сдобренной шампунем, растянулся в душистой пене, блаженствуя после долгого перелета.

Референт Архимандритова поселился на третьем этаже, в номере с видом на узкую улицу, кажущуюся еще более сжатой от обрамляющих ее широколистных пальм.

Иван, пересекший несколько часовых поясов, тут же приказал организму перестроиться на другое, смещенное время, чтобы наступившее за местной ночью местное утро чувствовать себя абсолютно комфортно. В отличие от некоторых сослуживцев, он, уроженец Крыма, любил жару. И изнуряющая жара Африки при наличии воды казалась ему райской отдушиной, где в знойном мерцании расплываются привычные вещи, превращая жестокий мир в призрачно-сказочный, и потому почти безопасный.

Настроившись на максимальный отдых, Румянцов, ненадолго отлучавшийся из номера для краткой поездки по окрестностям Хараре, вскоре сопел под тихое жужжание кондиционера и шуршание пальмовых листьев, прощупывающих пространство вокруг крепких мохнатых стволов. Он отдыхал. До встречи с агентом его опергруппы из числа местных жителей оставалось почти два часа сорок минут.

...Ровно в 22.00 некий господин, говорящий явно со славянским акцентом, спустился с третьего этажа и вошел в бар гостиницы «Савойя», где заказал виски со льдом. Он подсел за угловой столик к смуглому господину, также потягивающему напиток цвета янтаря. В широком бокале медленно таяли крупные куски колотого льда, натываясь на толстое стекло, когда незнакомец подносил бокал ко рту. На мизинце его правой руки, которой он держал напиток, были вытатуированы череп и кости, привлекая внимание подошедшего, на правой руке которого, в свою очередь, скромно посверкивал перстень с черным топазом, плотно надетый на мизинец. Обнаружив татуировку

и перстень друг у друга, и тем самым, получив первую часть пароля, оба поняли, что пришли сюда, чтобы встретиться. Однако чтоб исключить всякое возможное совпадение, требовалось обнаружить и вторую часть пароля. Оттого они, обменявшись кратким взглядом, равнодушно повернули головы, осматривая немногочисленную публику. При этом смуглый господин лет сорока, занявший столик первым, вытащил из кармана сложенную напололам газету на французском языке, и, не обнаружив вокруг ничего интересного, полистал страницы, но очень скоро отложил чтение. В тот же момент тот, что подсел за столик позже, снял кольцо с правой руки и надел на левую руку, несколькими движениями растирая мизинец, словно кольцо слишком сдавило палец.

Все, состоялся обмен второй частью пароля.

После этого господин с внешностью и акцентом славянина спросил:

– Что интересного пишет местная пресса? Тот равнодушно бросив: «Хотите, посмотрите сами», – отдал газету соседу по столику.

В номере его внимание привлекла небольшая заметка о поставках оружия из Западной Европы в граничащую с Зимбабве страну. Заметка за подписью известной журналистки Женевьевы-Моники Рамбуи была перепечатана из французской «Фигаро», о чем имелась ссылка. Слова, которые посетитель бара нашел в соответствии со сложной системой опознавания текста, выстроились в расшифрованную строчку: «На вилле «Вирджиния-В» имеется интересующий вас постоялец». Информация была неполной; однако и этих подтверждающих сведений было достаточно, чтобы продолжить игру, рассчитывая в ней на первенство. Если повезет, в завтрашнем номере появится другая информация. Теперь многое будет зависеть от того, что скажет смуглый компаньон, тянувший виски с явным наслаждением.

...Назавтра постоялец гостиницы «Савойя» позвонил на виллу «Вирджиния-В». Назвавшись Яном Статива, он попросил поднявшую трубку женщину пригласить к телефону господина Блау. Пока та выполняла просьбу, Ян-Иван расслышал, как в трубке раздались характерные щелчки, указывающие, что телефон прослушивается аппаратурой, причем, аппаратурой низкого качества. Из чего Румянцов сделал заключение, что телефон, скорее всего, прослушивает местная

полиция, далеко не лучшим образом относящаяся ко всем белым господам из Европы и Америки.

В тот же момент раздался голос, сказавший:

– Слушаю вас. Я господин Блау. Румянцов знал, чем заинтриговать оппонента, чтобы тот согласился на встречу.

Тогда как тот и сам желал встречи с позвонившим ему незнакомцем по той причине, что... имел четкие инструкции от Арсения Алексеевича Архимандритова.

Прибывший в Хараре и поселившийся на вилле (которая, конечно же, принадлежала аппарату Арсения Алексеевича и его разведке) «г-н Блау» (а на самом деле Хорн, один из 33!) знал, что здесь, в городе, проживает некий европеец, выдающий себя то ли за болгарина, то ли за русского эмигранта, который за определенную сумму денег может дать ему полезные сведения, касающиеся контейнера и его содержимого. Но, – объяснил Архимандритов, напутствуя Блау, – под личиной этого человека может оказаться тщательно законспирированный и находящийся длительное время в консервации сотрудник американской либо британской разведки. Которого не менее чем Блау интересуется контейнер из Новой Зеландии. В отличие от каперанга Румянцова, этот Блау (как и остальные Хорны, получившие почти идентичные задания) не знал, кто конкретно должен передать ему посылку, если он благополучно доберется до места. Из всех, отправленных по цепочке исполнителей, только Румянцов знал, что настоящий контейнер должен передать в Окленде столь высокий чиновник и опытный дипломат, как Дэвид Бросман. Тогда как Блау Хорну было указано, что при благоприятных обстоятельствах он получит передачу от одной из сотрудниц Архимандритова из Латинской Америки, хорошо подготовленной и основательно проверенной.

На самом деле, в случае если Блау сумеет выполнить задание по устранению своего соперника и долетит до Окленда, он действительно получит посылку от курьера, в роли которой выступит сотрудница Рогнеды Павловны Чаковской. И посылка, и ее содержимое будут иными, нежели предназначенные для капитана 1-го ранга. Если он погибнет, то все останется в руках у Бросмана; *играя*, Арсений Алексеевич обо всем договорился и все заранее предусмотрел. На

любую игровую партию у него имелось множество вариантов выигрышей...

Так что и при таком раскладе, когда один из Хорнов окажется обладателем контейнера, полученного от курьера Чаковской, игра не закончится. Потому как... чтобы доставить контейнер Архимандритову, игроку придется столкнуться с другими выжившими центурионами, яростно желающими заполучить контейнер и вернуться. Да, каждый из них знает своего условного предшественника по фотографиям, и даже если этот условный предшественник по какой-то роковой случайности будет убит, уничтожен, цепочка охотников не перестанет существовать. Ведь каждый в свое время станет получать от аппарата Архимандритова все новые и новые наводящие сведения... Пока не останется искомый результат: один, но самый сильный, смелый, хитрый и умный, – почти что сверхчеловек, прошедший через *горнило* бесценного опыта на выживание.

Получив от господина Блау предложение встретиться в определенном месте, Иван Румянцов сам назначил время. Он знал: *тот, кого он ждет*, должен явиться с минуты на минуту, и если все пройдет как задумано, он выиграет первую партию. А ждал он своего человека из Москвы, летевшего вслед за каперангом другим маршрутом с паспортом на имя... Яна Статива. Но был и другой важный, если не решающий нюанс: Ян-2 был двойником Румянцова, причем, одним из нескольких, работавших с ним не один месяц, выполнявших сложные и опасные задания.

Не зная внешности господина Блау, не зная поставленной перед ним задачи, каперанг решил не рисковать. Встреча покажет, что к чему.

...Чуть ранее условленного времени двойник расположился в конце аллеи, которая упиралась в стену заброшенного крепостного строения. Место выглядело достаточно глухим и безжизненным. К тому же, как и предвидел Румянцов, господин Блау или его подельник мог расположиться неподалеку, ожидая в засаде развития событий. Выстрел из винтовки или пистолета с глушителем вряд ли бы кто услышал, – здесь на всю округу дикие заросли да разрушенные постройки.

Как только стрелка часов показала 19.00, Ян-2 вышел из-за дерева и присел на обшарпанную старую скамью. И тут же в начале аллеи

появился господин Блау собственной персоной. Приложив к глазам мощный бинокль, Румянцов, скрывавшийся в засаде, понял: к двойнику движется тот, кого Архимандритов определил его *врагом*.

Как только два человека оказались рядом, Румянцов услышал по приемопередатчику завязавшийся разговор. Блау, подойдя к скамье, любопытствовал у сидящего:

– Как зовут человека, который вас отправил ко мне? Тот ответил, как уговаривались:

– Рупперт О’Коннор.

– Кто должен передать вам контейнер? – спросил

Блау. И вновь последовало:

– Рупперт О’Коннор. Блау хмыкнул, но предложил:

– Вы получите свою сумму, столько, сколько назовете. Но кто такой Рупперт О’Коннор? И знаете ли вы шифр, чтобы открыть посылку? Вы ведь знаете шифр, да, и дадите его мне?

–

Да, – громко произнес двойник, – я знаю шифр. А Рупперт О’Коннор – это твоя смерть! И в ту же секунду Блау дернулся и ничком рухнул у ног сидящего человека.

Это не было везением; Блау не выстрелил первым только по той причине, что показанный на фотографиях «*враг*» для него был другой, не Румянцов, иначе бы все могло быть трагичней для двойника. В последующие несколько минут каперанг понял, что этого центуриона подставили для расправы не просто так, и что идет настоящая охота. И впервые утвердился во мнении, что Папа Сеня применил тайный метод, услаждая свое демоническое мщенье преданно служащим *Ему, Сатане*.

Ян-2 вынул из-под куртки небольшой баллон и, не глядя по сторонам, просто пролил его содержимое на распростертое тело. Не прошло и минуты, как тело убитого разрушилось на фракции и испарилось. Уникальные изобретения секретных лабораторий Папы Сени всегда поражают воображение; ну кому из обывателей придет в голову, что *такое* возможно? Даже если бы это произошло на глазах свидетеля, то кто бы из порядочных граждан подобному свидетельству поверил?!

Но эту сцену действительно наблюдал еще один человек. Один из тех, кто шел по следу, а вернее, тот, кто точно пришел по следу своего

указанного фотографией *врага*, коего Румянцов знал как господин Блау, и который так быстро, так внезапно исчез из мира *живых* и *мертвых*. Потеряв *врага*, этот свидетель становился опасен, потому что врагом для него теперь стал тот, кто уничтожил Блау. И, значит, разделавшийся с Блау, также причастен к поиску контейнера, и, возможно, даже что-то знает от убитого.

Как только каперанг Румянцов обнаружил присутствие третьего и увидел, как тот направился вслед за его двойником, произнес в микрофон:

– Ты все правильно сделал. А теперь свободен. Садись в машину, когда надо, я тебя вызову.

Двойник скоро прошел по аллее и сел за руль оставленного им здесь автомобиля. Преследователь, старавшийся оставаться незамеченным, также бросился к своей машине, закрытой густыми деревьями неподалеку за поворотом дороги. Но когда человек открывал дверцу, Румянцов достал из кармана одну из *игрушек*, создаваемых для уникальных операций агентов Папы Сени. Включившись, прибор выпустил из своего объектива луч, всего только не позволив тем самым машине завестись. Незнакомец, явно нервничая, пытался завести автомобиль, но ему это никак не удавалось. В этот момент Румянцов, успевший добежать сюда, резко рванул ручку задней двери и, оказавшись на сиденье, мгновенно приставил к затылку мощный электрошокер, приказав:

– В гостиницу! И имейте в виду, если проявите какое-то глупое желание, я вас убью.

Повернувшись вполоборота человек совершенно недрогнувшим голосом твердо предложил:

– Я проиграл, убивайте.

Румянцов, которого практически ничем уже невозможно было удивить, на сей раз был потрясен, чуть не выдав себя. Перед ним был однокурсник из Военно-дипломатической академии, товарищ всех немыслимо трудных лет учебы. Ошибиться он не мог; да, это был Алеша Столпер. Для него Алеша, а для Арсения Алексеевича Архимандритова уже давно – Хорн, *один из...*

Конечно же, Румянцов знал правила игры в своем ведомстве, гласившие: здесь нет ни друзей, ни родственников, ни близких, ни даже приятелей, здесь есть только приказ Архимандритова.

– А я тебя узнал, – сказал однокурсник, и в голосе Алеши прозвучала такая фатальная обреченность, что сердце Ивана гулко дрогнуло. Он понял, что был окончательно узнан в момент, когда упругим прыжком влетал на сидение.

Алексей, не сказав больше ничего, не назвав вслух его имени и фамилии, вышел из машины и стал вполоборота. Это можно было расценить и как готовность к бою, и как демонстрацию, что он обречен и не защищается. Внимательно наблюдая за каждым движением, Румянцов был готов упредить любой агрессивный жест и поступок знакомого. Но тот, действуя медленно и аккуратно, вынул блокнот, вырвал лист бумаги и, распластав его на ладони, написал несколько слов, после чего повернул листок. Румянцов прочел: «Идет охота. Останется один. Думаю, с тобой их не менее 30. Повторяю: я проиграл».

Это могла быть провокация. Но могла быть и правда.

Румянцову внезапно безумно захотелось спасти Столпера, но он знал, что не сделает этого. Не имеет права. И пока еще не отдавая отчета в том, как в нем рождается ненависть к себе самому, подавил возникшее желание, трезво взвесив: а если это все же провокация, и все идет по сценарию Сатаны, желающему увидеть, как растает сердце Ивана, как он спасет товарища, и как тем самым предаст своего босса. Может, задумано именно так...

– В машину, – резко бросил он бывшему однокашнику.

А через несколько секунд он уже шел в сторону, скрываясь между хаотичными зарослями экзотических кустарников.

И как только густая зелень скрыла его, сидящий за рулем уже мертвый Алеша стал медленно разрушаться. А еще через несколько мгновений то, что было его крепким молодым телом, окончательно испарилось бесцветным облаком...

Румянцов, вышедший в сторону ближайших домов, услышал далеко за спиной короткий взрыв. Это на мельчайшие части от мощной взрывчатки разлетелся автомобиль Алеши Столпера...

Глава 19

Капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов прекрасно осознавал: следующие часы и дни стали для него смертельно опасными. Теперь, благодаря записке товарища он знал точно, что вовлечен в игру, как понял и ее примерный расклад. Выпущенные как из *рога дьявольского изобилия* все многочисленные Хорны станут сталкиваться друг с другом, и в конечном итоге, умело направляемые извне – выйдут на него самого. Из всей цепочки должен остаться один; никто не ускользнет от смертельного случая, никто не избежит расправы, кроме одного, кого пощадит судьба и ангел-хранитель.

Раздумывая над этим и просчитывая дальнейшие ходы, Иван все никак не мог отделаться от мысли, точившей его сознание, что неспроста *они* (или это все-таки *их?*), учившиеся в академии, убивают друг друга. Нет, не зря их стравливают, подвергая столь чудовищной проверке, а проще – отправляя на верную смерть... Разве они все слепые, что служат *такой* власти?! Слепые, что исполняют волю *Сатаны*?! Так за что их жалеть, за то, что погибают в бессмысленной схватке друг с другом?

Иван злобился на себя за эти мысли, наплывающие исподволь; за тревогу, могущую отвлечь от главной на данном этапе задачи: как победить всех и выжить...

Каперанг предполагал, что теперь важно все просчитать; важно трезво оценивать поступающую от оперативников информацию, избегая любого подвоха, любой лжи. Итак, главное – дожидаться сведений и остальных Хорнов.

Но теперь главное, что он жив, а двое из центурионов умерщвлены. И через час с небольшим у него состоится очень важная встреча. От этой встречи и от этих людей будет зависеть многое в его судьбе. Об их прибытии Ивана уведомил смуглый господин, с которым они пили виски за одним столиком в баре «Савойя».

Но осторожность не повредит, ведь и здесь, в Хараре, как и в других местах планеты, даже в самых экзотических, у Папы Сени есть своя агентура, – сеть, раскинутая еще в начале XX века, а зачастую, и полученная «в наследство» от Имперской разведки императора России

Николая II. Получалось, что на Папу Сеню в некоторых странах работали внуки и правнуки тех, кто когда-то во имя своих интересов служил России и ее Помазаннику. Иногда от осознания подобной аналогии Ивана Румянцова бросало в дрожь; но он все еще оставался *верным сыном* системы, человеком, не знающим пощады для врагов Архимандритова...

Да, безусловно, часть людей в Хараре еще «законсервированы». Другие, – как догадывался каперанг, – работают напрямую на его босса, отслеживая каждый шаг Румянцова с момента прилета сюда. И поди разбери, кто причастен к *их* делам: чернокожие, белые, рыжие, местные, сенегальцы, бушмены, пигмеи, служащие, советники министров или даже министры, банкиры, рабочие, бездельники? Да кто угодно может оказаться Полагаясь на логику вещей, Румянцов понял, что все Хорны станут направляться сюда, примерно по тому же сценарию, что и он сам. Одни придут раньше, другие позже, иные уже наверняка находятся здесь. Теперь кто-то кому-то будет звонить, искать встречи, осторожно разузнавать, либо, опознав по фото, устроит кровавую разборку среди случайных свидетелей. Впрочем, каперангу было проще иных: он мог использовать двойника, призванного сюда за ним по долгу офицерской службы, и работающего на износ во имя исполнения приказа самого Румянцова. Да, рассудил Иван Михайлович, он поступил правильно, когда предусмотрел присутствие именно двойника, а не другого сотрудника, коих под его началом работало свыше тысячи человек, – прекрасно обученных специалистов в разных областях. Он мог даже привлечь к выполнению этого задания центурионов, выбрав подходящих в лабораториях своего заместителя Станислава Исаевича Гейер-Генерозова, возгордившегося не так давно полученным званием генерал-майор.

Но Иван изначально выбрал свой вариант, надеясь более на интуицию и смекалку, чем на слепую исполнительность живого робота в человеческом обличье и специальным устройством в *очищенном от ненужной информации* мозгу.

И все же у профессионала Румянцова оказался припрятанным козырь совсем иного рода!

«*Один в поле не воин*», – более чем верная пословица. И разве Румянцов продержался бы до сих пор, смог бы выдержать все испытания, кои ему предстояло пережить с того момента, как только

он стал офицером аппарата Архимандритова, если бы у него не сформировалась своя мощная зарубежная агентура и своя оперативная группа?

Понятное дело, что у такой мощной структуры, как партийная разведка товарища Сталина, в формировании которой с 20-х годов XX века принимал непосредственное участие Архимандритов, перешедшая ему *в наследство* после смерти *вождя всех народов*, имелась прямо-таки гигантская сеть агентуры во всем мире. Причем многие из агентов более 20, а то и 30 лет прожили в глубокой консервации, ни разу не потревоженные. Конечно же, они не были гражданами советской страны, а уже давным-давно натурализовались и адаптировались к иным, отличным от советских, условиям. Но каждый из них знал, что придет час, и он получит свою информацию к действию. Этим сигналом для одних может быть фраза в местной газете или по радио о нашествии саранчи, о ясной погоде в Сингапуре на исходе марта месяца, о вспышке гриппа в приграничной с соседями зоне; да мало ли что еще?!

Ведя спокойную жизнь в ожидании кодовой фразы, все эти люди получали хорошие денежки на личные счета в европейских банках: месяц за месяцем и год за годом.

Зарубежная опергруппа капитана 1-го ранга Ивана Михайловича Румянцова состояла из нескольких по-своему интересных и весьма занятных особ. Все они были исключительно одаренными личностями. И, что было немаловажным для совместной работы, – фаталистами-индивидуалистами.

Когда пришла пора их расконсервировать, и референт Румянцов получил досье на этих людей, то обнаружил, что все они более чем на двадцать, а то и тридцать лет старше его самого. Значит, прежде чем вовлечь их в работу, требовалось наладить контакт и завоевать доверие, – по другому Румянцов не мыслил. Вот когда сыграло на руку их обостренное чувство индивидуализма; их, готовых работать на яркую, неординарно думающую личность.

Одним из тех, кто оказался в оперативной группе Румянцова, был *Франсиско де Вега*, имевший испанские корни по отцу и французскую кровь по матери. Этот человек долгие годы посвятил научным исследованиям в психологии, в частности, изучал психологию пограничных состояний людей. Его работы приобрели столь широкую

известность, что их автор был увенчан всевозможными научными лаврами и даже званием лауреата Нобелевской премии. Отойдя от активной деятельности, он поселился в уединении на небольшом острове Средиземного моря, соседствуя с островом небезызвестного грека Аристотеля Онасиса, одно время сдружившегося с нобелевским лауреатом. Правда, незадолго до своей кончины миллиардер охладел к психологу и дружба сошла на нет. Но ни это, ни другие обстоятельства не помешали старому профессору стать консультантом главы правительства одного из европейских государств.

Еще в начале 50-х годов XX века, занимаясь научной работой, он был завербован партийной разведкой Архимандритова и «законсервирован». Первые три-четыре года Франсиско, втайне волнуясь и ужасаясь, надеялся, что с ним будут сотрудничать, давать рискованные задания. Но шло время, никто к нему не обращался, ничего не предлагал, и он полностью успокоился. Осознавая, впрочем, что о нем не забыли, ибо на его счета в Европе регулярно приходили весьма солидные суммы, позволившие постоянно снимать дорогие номера в лучших парижских отелях, а также приобрести в недвижимость две дорогие виллы в разных экзотических местах и роскошную квартиру в Мадриде.

Вторым членом зарубежной опергруппы Румянцова был *Жан-Поль Рене*, имевший в какой-то мере аналогичную биографию. Несколько лет назад он вышел в отставку, покинув госслужбу, но согласился остаться консультантом премьер-министра страны по внешнеполитическим и экономическим вопросам по бывшим французским колониям в Африке. Жан-Поль с благодарностью принял это предложение.

И так как, понятное дело, у каждого из завербованных и «законсервированных» должны быть свои помощники, то таковые имелись и у Рене. Лучшим его другом и помощником была военная журналистка *Женевьева-Моника Рамбуи*, предпочитавшая находиться в *горячих точках планеты*, в том числе и в Африке (причем там – в первую очередь) и Юго-Восточной Азии.

Их сотрудничество началось задолго до того, когда Жан-Поль был включен в опергруппу Румянцова. К тому же г-жа Рамбуи не представляла, что является чьим-либо агентом. Ее журналистская деятельность началась во время войны в Индокитае в начале 50-х

годов. После пережитого вместе с бойцами французской армии, – как ей казалось, – ее мало что на этой земле могло удивить; и когда Жан-Поль, которого она страстно любила еще в юности, предложил ей сотрудничество за весьма хороший гонорар, она согласилась. Но при этом вежливо отказалась от вознаграждения. Тогда он просто открыл ей счет в банке, о чем женщина долгое время не знала. Женестьева действительно, согласно их договоренности, оповещала его, включая в свои репортажи из горячих точек и в статьи слова, которые при определенном прочтении оказывались сообщением. И, когда в один из дней прочитывая «Фигаро» Жан-Поль, изъяв несколько слов из четвертой, шестой и восьмой строчек текста своей подруги обнаружил, что «данный объект вылетел в Зимбабве», он тут же позвонил в аэропорт, чтобы забронировать билет до Хараре. Журналистка же от своих давних респондентов получила новый *эксклюзивный* текст, который был молниеносно перепечатан центральной газетой Зимбабве, где также работали *свои* люди, незначительно подкорректировавшие содержание. Этот текст в баре гостиницы «Савойя» и прочел Иван Румянцов.

Способ связи Жана Поля и Женестьева был наиболее эффективным, потому как установить тайное сообщение в газетном материале для спецслужб не представлялось возможным.

Жан-Поль, прочитав текст и получив условный код для выполнения инструкции, вылетел на встречу с Румянцовым.

Еще одним сотрудником опергруппы был советник министра экономики Германии *Вальтер-Фридрих Геринг*. Свою молодость этот человек провел в Генштабе сухопутных войск Вермахта, начав в 1942 году службу лейтенантом и закончив гауптманом. На последнем этапе Второй мировой ему довелось сопровождать документацию Генштаба на юго-запад Германии, во Фрайбург. Он осел в этом городе и в течение последующих лет работал там в архиве.

Его жизнь резко изменилась, когда он вторично женился. Его женой стала дочь финансового магната ФРГ. Тогда же Геринг был завербован партийной разведкой и «законсервирован». В последующие годы он прошел подготовку в университетах Германии, а затем и США, блестяще проявил себя как исследователь послевоенной немецкой экономики. Не без помощи тестя Геринг занял привилегированную должность в аппарате правительства страны.

Именно благодаря ему партийной разведке удалось вывести одного из резидентов на статс-секретаря правительства Ганса Глобке, некоторое время служившего вместе с Герингом. По выходу в отставку Вальтер Геринг стал консультантом министра.

Выведа его из «консервации», в аппарате Архимандритова решили включить его в опергруппу Румянцова. Для связи использовался канал секретариата тестя Геринга. Помимо этого предусматривалось использование и других каналов связи вне Европы.

Среди тех, кто включен в оперативную группу – и бывший сотрудник отдела военного планирования и операций НАТО *Мартин Линц*. Который также был «законсервирован» в качестве одного из агентов партийной разведки. После того, как с ним начали работать сотрудники аппарата Архимандритова, он сумел привлечь к своей деятельности и дальнего родственника, служившего в системе трубопроводов НАТО (недавно он был переведен в комитет НАТО по трубопроводам).

В сверхсекретном списке значился и доктор *Артур Лем*, аналитик в сфере исследований по алгоритмам и технологиям. С ним сотрудничали высококвалифицированные эксперты, которые поддерживали связи с военными потребителями в Азии, Африке, были в тесном контакте с органами НАТО. Лем был обязательным участником технических групп, организующих семинары, симпозиумы, курсы обучения, проводящих полевые испытания, а также обеспечивающих преемственность в работе экспертов, играющих важную роль в выработке долгосрочных военных программ и планов. Лем, выполняя задание Румянцова, уже организовывал симпозиумы по вопросам взаимодействия дружественных стран Африки с Европой, и в частности, с государствами-членами НАТО.

Изучив досье на каждого из этих людей и проведя ряд тайных встреч как в СССР, так и за рубежом, Румянцов принял их под свое *кураторство*, едва только почувствовал с их стороны симпатию к себе самому. Скорее всего, симпатия возникла от осознания того, что не выказывается вслух, – от осознания внутренней сущности каждого... Возможно, некоторые уловили дух солидарности, дух созидающий и облагораживающий, характерный *агнцам просвещающим*.

Со временем Румянцов узнает точно, что Артур Лем и Франсиско де Вега – по своим и только им известным каналам – вышли на

сотрудников аппарата Архимандритова, завербовав в качестве агентов некоторых сотрудников различных подразделений Арсения Алексеевича. Редчайшая удача! (Или все-таки блеф?) Но таковы правила игры могущественных.

Получив сведения о вылете *объекта* в Вену, а затем в столицу Судана Хартум, а оттуда – в столицу Зимбабве Хараре, некоторые из агентов зарубежной оперативной группы отправились в путешествие в Африку, имея при себе прелюбопытнейшие сведения.

Когда вечером того же дня Румянцов гнал машину по загородной трассе, на вилле, арендованной де Вега на подставное лицо, собирались гости. На встречу с каперангом в Хараре прилетели Франсиско де Вега, Жан-Поль Рене и Артур Лем.

Он вошел в холл, где его ждали, и почувствовал запах кофе. За широкими окнами обрушивалась южная тьма, насыщаемая долгожданной прохладой. По всему видать, собирается ливень. Кто-то из присутствующих встал и плотней задвинул тяжелые шторы. Разговор был краток. Артур Лем, ссылаясь на своего агента, представил информацию о том, что по следам Румянцова отправлены 33 центуриона из аппарата секретаря ЦК Архимандритова. Эту же информацию подтвердил Франсиско де Вега; более того, его агентурные данные были более обширны: он обладал карточками всех 33 Хорнов, посланных Архимандритовым в Африку. Личная агентура уже доложила присутствующим, – каждому в отдельности, – что двое из Хорнов мертвы. Пока члены группы добирались в Хараре для встречи с резидентом Румянцовым, тот уже проделал часть операции.

Также каперангу было доложено, что большинство Хорнов прибыли сюда; оставалось дожидаться остальных, на что уйдет не более суток. Фотографии и маршруты охотников имелись; теперь они становились жертвами более хитрых и умных ловцов.

Отслеживая своего резидента и заботясь о его безопасности, эти люди в первую очередь защищали свои личные интересы. Пока жив резидент, живы и находятся в безопасности они сами. Так что, хотели они того, или нет, им невольно приходилось защищать и его, Румянцова.

Имея на руках сведения о смертельной опасности в виде цепочки из Хорнов, эти люди прибыли со своими исполнителями, – со своими агентами-убийцами.

На этой встрече, проходившей скрытно в предместье Хараре, члены опергруппы договорились о дальнейших действиях. Предполагалось, что не позже чем через двое суток резидент будет избавлен от преследователей. Ими займутся *кому следует...* А пока Румянцов должен затаиться и ждать развязки. В случае необходимости на экстренную связь выйдет его двойник, Ян-2.

Когда референт Папы Сени покинул виллу, уже всюду бушевал тропический ливень, сверкали молнии и порывы ветра раскачивали верхушки пальм. Румянцов не сомневался, что сбоев не будет и все пройдет по плану; дождавшись прибытия последнего из Хорнов, всех их нейтрализуют практически одновременно. Члены резидентуры имели план из тайников Сатаны, раскрывший время встреч-столкновений Хорнов друг с другом. В момент, когда перед капотом машины сверкнула пронзительная вспышка молнии, Иван неожиданно для самого себя прошептал: «Спасибо, Алеша... и – извини...».

Румянцов провел двое суток в отеле, не выходя из номера. В *момент X* профессиональными киллерами была осуществлена операция по нейтрализации. Умело и буднично, словно улицу подмести...

Через двое суток, как было условлено, не получив никаких тревожных вестей, Иван Михайлович спустился в гараж, сел в арендованную машину, которой он пользовался со дня прилета в город, и медленно вырулил на главную площадь. Закольцованная вокруг памятника местному герою, площадь позволила ему проехать по кругу, не сворачивая с нужного места, прежде чем за его автомобилем пристроился черный лаковый лимузин. Если он не обгонит, а станет плестись какое-то время следом, значит, задание не полностью выполнено и нужно выждать еще. Если лимузин обгонит и моргнет подфарником, – результат иной: задание выполнено, и нужно следовать за ним.

По тому, что происходило, Румянцов с облегчением понял: «*Задание выполнено, следуй за мной!*». Обе машины вскоре выехали на загородную трассу; водители, удостоверившись, что никакой слежки нет, прибавили скорость.

Через какое-то время, оставив позади километров сорок, машины въехали в огороженный высоким забором, но явно неухоженный двор. Остановились у хозяйственных построек. Тот, что был за рулем

«Линкольна», проводил Румянцова в башню с куполом, оказавшуюся холодильным комплексом. Все здесь ветшало, скорее всего, хозяин отказался от подворья и того, что здесь находилось, не имея достаточных средств на содержание. Однако электроэнергия не была отключена, имелись рабочие холодильные камеры. Арендовавших у хозяина постройки на несколько дней, но за очень хорошие деньги, устраивало многое: и малоезженная дорога, и пустынность района, и даже заброшенный вид строений.

Когда каперанг прошел внутрь и подошел к распахнутым дверям холодильной камеры, его взору представилось трагическое и нелицеприятное зрелище: в просторном помещении были сложены трупы 32 человек.

Франсиско де Вега, скорбно сложив на сухопарой груди свои старческие руки, попросил резидента подтвердить выполнение задания по нейтрализации Хорнов. Понятное дело, подвоха быть не могло, и все же, как и требовалось правилами, принятыми в той организации, в которой работал Румянцов, он приказал сделать заборы тканей для последующей генетической экспертизы уничтоженных центурионов. Конечно, он не будет дожидаться, пока в лабораториях Гейер-Генерозова сделают анализ, а отправится дальше по маршруту.

И в то время, когда Ян Статива летел в Джакарту, а оттуда – в Сидней, чтобы пересесть на самолет на Веллингтон, откуда он направится в Окленд, *то*, что еще недавно было крохотными частицами могучих тел центурионов, в специальных контейнерах следовало иным маршрутом, в секретные лаборатории под Москвой.

Глава 20

Чем больше неизвестных ты допускаешь, тем больше шансов, что выиграешь партию, – рассудил для себя капитан 1-го ранга, развалившись в кресле самолета. Он с удовлетворением отметил, что у стюардессы, принесшей им с соседом выпивку, сексапильная внешность и красивые длинные ноги. Можно было покуражиться, заставив ее безумно захотеть его, пассажира в седьмом ряду, пронзающего ее энергией похоти. Чтобы она скрутилась в три погибели, не могущая устоять перед неизвестной силой, входящей в ее плоть, проникающей прямо в чрево. Женщина на виду у всех станет биться в конвульсиях, пока волна длительного оргазма не зальет краской ее горячие щеки и не распластает на полу между кресел.

Да, он может совершить подобное. Только вот зачем? Он устал за последние несколько дней, хотя удовлетворен исходом событий.

Кровавая круговерть, пронесшаяся перед глазами Ивана Михайловича Румянцова, вселила в его подсознание мысль о фатализме. Он пытался не думать о бессмысленности схваток, когда молодые здоровые мужчины убивают друг друга ради игры, затеянной Сатаной. Он пытался не думать, что сам является игрушкой, песчинкой в руках монстра. Рискуя, просчитывая, подставляя двойника, он хотел остаться в живых, чтобы доказать, что полезен, достоин и никем не превзойден. Чтобы секретарь ЦК Арсений Алексеевич Архимандритов оценил его службу по заслугам.

То, что до сих пор помогало ему самому в полосе жесточайших схваток выжить – это невидимый союзник, который станет помогать еще долгие годы работы у босса. Его ангел-хранитель, посылающий ему тайные знаки и мерцающий серебристо-фиолетовый след, в последние мгновения выводящий из беды, как это было во Вьетнаме, как было в других *горячих местах*...

Из 35 человек, считая и его, прибывших в Хараре, 34 прибыли на верную гибель. Но теперь самолет уносил победителя все дальше и дальше от более чем трех десятков тел, растворенных в пределах города Хараре, чьи останки никто и никогда не обнаружит. Чудовищный конец земного существования тех, кто был рожден

земными матерями, а не произведен в камерах-колбах. К тем, *другим*, искусственным, он бы и относился по-другому, а этих вот – пожалел...

Наконец, добравшись с пересадками и без происшествий до Веллингтона, столицы Новой Зеландии, Румянцов взял в аренду шикарный серебристый «Линкольн» и помчался в Окленд.

Не в первый раз бывая в этих чудесных местах, он мчался на большой скорости, желая скорее очутиться в одной из финансовых столиц мира, в городе сказочных гномов, роскошно живущих в двух-, трехэтажных домах, коттеджах и виллах. Таким однажды и навсегда привиделся ему Окленд; город, где в тиши невероятной роскоши, сибаритствуя, тихо проживали свой век солидные мужчины на пару с феерически прекрасными женщинами, весело изукрашенными сверкающими бриллиантами...

Румянцов на пару минут задержался у ворот роскошной виллы, утопающей в цветущей зелени, пока глазок камеры не опознал его, и массивные двери не раздвинулись в стороны, открывая путь.

Он оставил машину у крыльца, и широким шагом прошел в просторный холл, где перед ним появился спокойный, высокий, держащийся с невероятным достоинством пожилой господин. Безусловно, это был Дэвид Бросман. Американец с широкой улыбкой протянул руку для рукопожатия. Иван ответил тем же.

– Ну что ж, – сказал Дэвид с некоторым акцентом, – надо полагать, твой босс будет так же приятно удивлен твоим присутствием, как и я.

Румянцов лишь едва заметно кивнул в знак согласия. Они оба понимали, что он прошел чудовищную проверку, и выжил, и явился, чтобы забрать предназначенное только для него.

– Подожди здесь, – распорядился Бросман, направившись в соседние апартаменты.

Удивительно, горделиво подумал Румянцов, он знаком с тем самым Дэвидом Бросманом, с человеком-легендой, с человеком, лично знавшим Сталина, Рузвельта, Черчилля, с *сильными мира сего*, бывшим с ними, как говорят, *на широкую ногу*, не раз лично встречавшимся с фюрером... С Дэвидом Бросманом, остающимся близким другом Архимандритова. «Имена всех этих личностей никогда не уйдут из Времени, – подумал Иван. – А вот мое время пребывания на этой Земле едва не закончилось...»

Господин вернулся в холл, держа в руке контейнер, в котором могло оказаться что угодно.

– Забери.

Каперанг получил то, за чем был отправлен боссом, и хоть сейчас же мог направиться в обратный путь. Медлить действительно не приходилось, но такова работа, где вместо отдыха – *бег и смерть*...

Он вернулся в машину, и совершенно не чувствуя усталости, приехал обратно в столицу. В Веллингтоне он разместился в отеле «Хилтон», заняв номер на девятом этаже. Все в апартаментах было выполнено в сиренево-стальной гамме; ковры и диваны с серебристо-черными подушками предлагали отдохновенную прохладу его крепко сложенному телу. Приняв душ и отужинав в одном из ресторанов отеля изысканными блюдами с тончайшими кусочками золотой фольги, запив их бутылкой старого белого вина, Румянцов наконец отрубился, распластавшись на широкой постели, подминая под себя простыни с вышитыми гостиничными вензелями.

Следующим утром, поплавав в бассейне и встретив рассвет, попивая *джус* на балконе, он почувствовал, что вновь полон сил и морально готов к новым испытаниям судьбы. Пройдет трое-четверо суток, пока он, меняя страны и города, окажется в Москве, в кабинете босса. Но думать об этом не хотелось, и всю короткую дорогу до аэропорта и, находясь там до регистрации рейса, Румянцов делал только то, что разглядывал хорошеньких женщин. Впрочем, профессиональным взглядом машинально отслеживая обстановку вокруг. Его мозг фиксировал каждую деталь, каждый шаг, движение, жесты и взгляды людей, присутствующих в огромном, освещенном солнцем здании аэропорта.

* * *

...Архимандритов, отдавая распоряжение о начале игры, а правильной – об уничтожении Румянцова и всех преследователей понимал, что в течение следующих недели-полутора может поступить сообщение об убийстве его надежного сотрудника, капитана 1-го ранга. Однако Арсений Алексеевич распорядился, чтобы ему не докладывали о результатах охотничьего поединка; он хотел дождаться,

когда к нему придет победитель, и получить от встречи максимум удовольствия. Конечно, если придет Хорн, один из 34-х, отправленных друг за другом, он будет рад, но в его печени разольется желчь. Если придет каперанг, то удовлетворение Арсения Алексеевича будет более полным, значит, не зря он так долго обучал своего референта.

В назначенный день и час придет тот, кого он поджидает, пощипывая кончиками пальцев аккуратную щетину усиков.

И буквально за минуту до его прихода по внутренней связи Архимандритов услышал голос дежурного, докладывающего:

– В холл вошел капитан 1-го ранга Румянцов. Улыбнувшись, Архимандритов бросил:

– Куда он идет?

– Он направился к лифту, которым обычно пользуетесь вы.

Архимандритов нажал кнопку, и связь замолкла.

Еще через несколько секунд дверь открылась и победно улыбающийся Румянцов поприветствовал босса. Краткий ответ был признанием заслуг подчиненного:

– Я рад, что ты цел и невредим. Такие мне и нужны.

Сотрудники, вернувшиеся из подобных операций, те, кто оставался в живых, и те, кто разгадал его коварный план и вернулся без ненависти к нему, – только те и нужны Ему. Для таких он и есть – Папа Сеня, с оттенком фамильярности и даже близости, приближенности, а они – его порождение, его дети, *отпрыски исчадия ада*.

Отныне Архимандритов не сомневался, что после таких дьявольских проверок Румянцову можно доверить йоту из того познания, коим владеет товарищ Архимандритов, йоту сведений о *параллельных мирах*.

Поприветствовав прибывшего чуть сердечнее, чем обычно, босс пригласил его вниз, в кинозал. В массивах подземных сооружений имелось множество таинственных объектов, специфически оборудованных комнат и залов, секретных лабораторий, и даже уникальных мини-музеев, экспонатам которых мог позавидовать любой ведущий музей мира.

Объект, куда они попали, проехав несколько этажей вниз, оказался залом Второй мировой войны, откуда они перешли в зал одного из главных представителей тех трагических событий.

Насколько был осведомлен Иван Румянцов, у его босса имелись залы многих выдающихся деятелей человечества, в том числе деятелей искусства и просвещения. В одних он уже побывал прежде, в других будет позже. Среди кинозалов-музеев – как принадлежащие отдельным личностям, так и группам людей, направлениям их деятельности – есть помещения, где царит дух византийского императора Константина, Суворова, Бонапарта, Петра Великого, императрицы Екатерины II, императора Николая II, зал Рузвельта, Пушкина, Льва Толстого, Бенито Муссолини, Франсиско Франко, Пифагора, Петрарки... целые галереи апостолов Истории.

В прежние походы сюда босс как-то предупредил референта:

– Если появится *хозяин* помещения, не суетись, не подходи к нему, и, главное, не трогай...

Румянцов после того с каким-то тревожным трепетом ожидал появления то ли двойника, то ли клона, то ли духа умершего, коему посвящался мемориальный зал. И если бы действительно кто-то здесь появился перед ним из духов умерших, могло ли то быть явью, или все же розыгрышем Архимандритова? Безусловно, могло быть розыгрышем, опасной и жестокой шуткой. А могло стать, и явью... Кто знает, *с кем* общается Сатана?!

Зал времен Второй мировой войны посвящался деятелям как с советской, так с немецкой, с американской и других сторон. Все здесь, как и в других помещениях, было продумано и оформлено так, чтобы экспонаты и витрины становились как бы соучастниками того, что рассказывается, анализируется Архимандритовым, либо показывается на экране.

Когда они вошли в искусно освещенное помещение, Румянцов невольно осмотрелся.

– Мы не останемся здесь, – уточнил босс, перерезая маленькими шажками пространство, – мы пройдем в зал *Гитлера*.

В зале, как и полагалось, имелись столики, бюро, несколько уютных кресел и вделанный в пространство стены огромный экран. Вокруг присутствовали экспонаты: одни привычные, другие достаточно странные.

– Походи, посмотри.

Они вместе прошли вдоль вещей, примечательных потому, что они принадлежали исключительным личностям. Помимо характерных

и обыденных, были тут и совсем интимные вещи. Как то: длинные панталоны фюрера, дорогое нижнее белье его жены и возлюбленной Евы. Милые женские трусики от французского производителя с посеревшим от времени пятном менструальной крови, как бесценный экспонат, покоились за витринным стеклом, сохраняемые в уникальном микроклимате. В другом стеклянном контейнере в сохранности лежало белье с остатками спермы фюрера.

Это могло представляться глупым для обывателя, человека несведущего. Но тут прекрасно знали: кровь и сперма – важны, ибо в них заключен *код* человека-носителя, его генные тайны. Их подлинную принадлежность подтвердил генетический анализ, сделанный в секретных лабораториях Арсения Алексеевича.

Имелись и иные вещи, надеваемые их хозяевами в первой половине XX века. Некоторые из них были изъяты сотрудниками аппарата Архимандритова из Берхтесгадена, альпийской резиденции фюрера. Непонятно по каким причинам, но самым трогательным экспонатом Румянцову показалась простая юбка Евы Браун, с завышенной на спине талией и оттого имеющей неровный пояс с застежкой на левом боку.

Подсветка, искусно размещенная повсюду, разных оттенков и мощности, имела свойство пробуждать фантазию, отчего редкому посетителю представлялось, будто обладатели вещей тут, почти осязаемы и объемны...

Когда Архимандритов устроился в кресле, его ведущий референт последовал за ним. Контейнер, прибывший издалека, находился нераспечатанным неподалеку, на высоком массивном бюро, также привезенном из альпийской резиденции.

Мерно погас свет, и Румянцов вновь увидел фюрера, в цвете, прекрасно отснятого, и проецируемого на экран. Причем, экран сейчас стал не выхваченным пятном, как это бывает в обычном кинотеатре, а продолжением интерьера, и, словно вписанный в пространство и энергетику, имеющуюся здесь, вовлекал зрителей в происходящее, делая их как бы соучастниками.

Поразительные кино– и светоэффекты!

Они пробыли *в среде* фюрера, его соратников, помощников и близких несколько часов. Комментарии были излишни; впоследствии, просматривая любую хронику в редкие моменты возникающую на

экране домашнего телевизора, Румянцов всегда отключал звук, чтобы не слушать навязываемое извне, и чтобы самому докопаться *до сути...*

По прошествии времени Арсений Алексеевич мановением руки (точнее, приказав взмахом руки кому-то невидимому) усилил свет; появилось освещение, и экран вновь стал частью интерьера.

Они встали со своих мест и прошли к бюро.

То, что достал секретарь ЦК Арсений Алексеевич Архимандритов, вскрыв контейнер, оказалось всего лишь акварелями. Но это были акварели прекрасного художника XX столетия Адольфа из семейства Шикльгруберов. Семь миниатюрных шедевров, разложенных один за другим на полированной крышке бюро, казались бесподобными.

Архимандритов, большой ценитель искусства, – настоящих и совершенных шедевров, – высказался вслух, как высоко он ценит эти работы, могущие когда-нибудь оказаться в ряду шедевров мирового искусства.

– Если, конечно, общественность признает руку, писавшую их, творящей, а не казнящей... – все еще рассматривая заключенные в тонкие рамки акварели, сказал он, и добавил грубо и скептически: – Это вам не какая-то там *Херника*, выср...ная на холст наглотавшимся таблеток художником, а затем покрытая краской. Насмешка над здравым смыслом эта низменная работа, получившая самую престижную мировую премию. Как и примитивный *Квадрат*, признанный сверхшедевром. Разве это все, на что способно человечество?!

Он рассмеялся колко, зло, – как и подобает Тому, кто смеется над человечеством.

После часов, проведенных в просмотре документальной хроники о жизни лидера Третьего рейха, было любопытно познакомиться с неизвестной стороной самоидентификации фюрера, с его творчеством, представленным этими миниатюрными работами. Ни о какой подделке или фальсификации речь вестись не могла; не в данном случае...

Ведущий референт Иван Румянцов наклонился над бюро, рассматривая тонко выписанные картинки. В основном то были пейзажи. На одном, и это очень понравилось каперангу, сразу напомнив беззаботное, счастливое детство, был изображен козленок, высунувший мордочку из густой травы. Судя по подловленному и

талантливо переданному состоянию, в то мгновение козленок блеял, откликаясь на призыв матери.

Но так как босс не предлагал взять в руки работы, Румянцов только ниже наклонившись, аккуратно потрогал обрамлявшую акварель рамочку.

– Ты просмотрел много кинохроники, где Гитлер экспрессивен, его голос, накаляясь, растет, пока не взорвется, взрывая толпу, отвечающую ему громким бушующим ревом. *Этого* Гитлера ты уже не встретишь. Румянцов вдруг ощутил: то, что сейчас говорит босс, – это напутствие! А Арсений Алексеевич продолжил:

– Эти акварели послужат тебе паролем, но их не нужно сразу предъявлять. Нужно выбрать момент. Это то, что поможет расположить собеседника к разговору.

Они покинули зал, и на лифте бесшумно поднялись наверх, в иной, привычный Румянцову мир, где живые вершат свои гнусные и добродетельные дела, и где мертвые не разгуливают запросто по домам и улицам.

Через много-много месяцев Иван Михайлович Румянцов допустит мысль, что, возможно, десятки уникальных залов в подземных киномузеях его босса могут являть собой... входы и выходы во Вселенную. И если не все залы, то хотя бы один из них – наверняка...

Глава 21

Получив таким образом определенный ориентир о предполагаемой цели будущей экспедиции «Снежный юг», Румянцов на следующий день вновь приступил к изучению необходимых материалов, составляющих фрагменты огромной мозаики эпохальных размеров.

– Ты не достигнешь никакого результата без знаний исторических процессов, – отечески посоветовал Архимандритов, когда они встретились в следующий раз. – Неразумно знать нюансы и не знать целого, как неразумно видеть целое, но не знать нюансов, из которых создается эта целостность. Ты не можешь встретиться с *сущим*, и не предполагать, что происходило вокруг него, и что влияло на формирование *сущего*... Философичность Арсения Алексеевича прояснилась, когда он заговорил о ближайшем окружении Гитлера.

– Взять хотя бы Эрнста Франца Зедвига Хаанфштенгля, – тоже довольно неординарный человек, повлиявший на личность фюрера. Фюрер любил загадочных людей, приближал их, особенно в первой половине 30-х годов. Эрнст родился в 1887 году, и сегодня он все еще жив. Полагаю, его здоровье позволит дожидаться встречи с тобой, – Архимандритов, сидя за массивным столом благородного красного дерева, плутовски улыбнулся, – если я захочу... И даже если я захочу, никакого Эрнста Хаанфштенгля ты не встретишь... а встретишь человека под другим именем, знать которое тебе пока не нужно. Скажу лишь, что в нашей картотеке он обозначен как «Друг земли».

Эрнст Франц Зетдвиг Хаанфштенгель (Ганфштенгель) родился в Мюнхене. Его отец был немцем, мать происходила из семьи состоятельного еврея-финансиста, занимавшего видное место в американском банковском деле еще с середины XIX века. Детство мальчика прошло за океаном, в Нью-Йорке, на 5-й авеню. В подростковом возрасте он стал невольным свидетелем явления, навсегда запавшего в сознание. Гуляя в одном из скверов города, он увидел молодую пару, которая направилась в галерею с копиями древнегреческих скульптур. Эрнст проследовал за ними, терзаемый любопытством. Притаившись за постаментом обнаженного героя,

мальчик, все более возбуждаясь от непознанного доселе волнения и чувства жадного стыда, смотрел, как молодые люди, раздевшись донага, стали ласкать друг друга...

Эрни, буквально бредивший увиденным, однажды встретившись с любовниками в городе, сразу узнал их и, преодолев смущение, подошел сказать, чему стал свидетелем. Взрослые оказались довольно приветливы к подростку, пригласив в свой коттедж. С тех пор началась странная дружба между Эрнстом и новыми знакомыми Джоном и Джеки.

В отроческие годы родители увезли Эрнста в Германию, там он был зачислен в Баварскую гимназию имени императора Вильгельма II. Где его классным наставником был отец Генриха Гиммлера, будущего рейхсфюрера СС.

Несмотря на расстояние и время, связь с американскими друзьями хоть и ослабла, но не прерывалась. Закончив гимназию, Эрнст телеграфировал Джону и Джеки, которые в то время работали профессорами в Гарвардском университете, и, конечно же, их друг Эрни был зачислен туда на учебу, а в 1909 году блестяще закончил университет.

Идя по стопам отца, Эрнст занялся бизнесом, реализуя произведения искусства. Как-то молодой человек, довольно неглупый и состоятельный пригласил на уик-энд своих старших друзей. А при встрече, выбрав подходящий момент, спросил:

– Мне думается, что в вас сокрыта какая-то тайна. И наше общение неспроста длится много лет. Если я не ошибся, то я бы хотел, чтоб вы посвятили меня в эту маленькую тайну.

«Маленькой тайной» оказалось признание Джона и Джеки в том, что они долгое время сотрудничали с Русской Имперской разведкой, возглавляемой графом Канкриным.

Подобный поворот событий удовлетворил ищущего приключений молодого человека.

Первая мировая война 1914 года застала Эрнста в США. Высокий, красивый, с крепким сложением 27-летний мужчина не жаждал подвигов в Америке, его влек германский дух и стремление стать офицером императора Вильгельма II. Он принял решение вернуться в Германию, в Баварию. Это совпадало с планами Джона и Джеки, благословивших его на отъезд. Но когда Эрнсту, наконец, удалось

приехать в Европу, его поразили происшедшие перемены. Он оставил процветающую немецкую империю, а вернулся в разоренную войной страну, достигшую края гибели.

А вскоре в Российской империи свершился революционный переворот. Вот тогда-то в Баварии неожиданно объявились его американские друзья и заявили Эрнсту, что при подобном развитии событий они освобождают себя от каких-либо обязанностей перед несуществующим государством, и представляют себя свободными людьми.

Однако Джон признался молодому немецкому товарищу:

– Я предвидел, что произойдет в России. И еще до войны через свою агентуру вступил в отношения с тайными масонскими ложами. Там я познакомился с довольно известными людьми из финансового мира Америки. Полагаю, нам следует предложить им свои услуги.

Это отчасти вдохновило Эрнста, жаждущего значимых подвигов и тайных восхвалений.

– Но, Джон, – намеренно безразлично сказал он, – я должен подумать, посмотреть, как будут развиваться события...

События не заставили себя долго ждать. Мировые финансовые магнаты уже определяли будущее новой Германии.

Благодаря своим друзьям, Эрнст вскоре был введен в окружение Гитлера, которому весьма приятно было встречать в доме уже достаточно известного в Германии и США бизнесмена, торговавшего произведениями искусства. При том что Гитлер мастерски владел кистью, их симпатия была взаимовыгодной. Но самоидентификация Адольфа как художника и самоидентификация Адольфа как политика стала столь различной, две эти ипостаси стали столь несовместимы, что наконец пропасть, разделявшая две половины одного человека, лишила его права стать в ряд выдающихся художников XX века. И неудивительно, что по прошествии многих лет немалое количество людей – не зная и не видя работ, – укрепитя во мнении, что фюрер являлся «неудавшимся мазилкой».

Эрнест же был восхищен не только работами Гитлера, но и великолепным художественным вкусом этого человека, профессионально и умело подобравшего коллекцию картин и скульптур лично для него.

Связи этих двоих некоторое время укрепляла и сильная симпатия Гитлера к красавице Эрне, сестре Эрнста.

Однако на шуточки о венце Адольф горячо молвил:

– В моей судьбе может быть только одна любовь! И не уточнил тогда, то ли это Эрна, то ли иная девушка, то ли вовсе богоданная Германия.

Благодаря своим талантам и связям Эрнста Адольф Гитлер быстро вошел в общество местной элиты, стал завсегдатаем литературных и художественных салонов. В среде творческих деятелей формировалось к нему особое отношение; некоторые с придыханием вещали: *пиит*.

Провалившийся путч любителей пива в 1923 году еще более укрепил связи Эрнста и Адди, так как после подавления выступления путчистов Адольф скрылся на вилле приятеля в Альпах. Но его арест все же состоялся.

Через несколько дней после случившегося Эрнста посетил незнакомец, передавший, как пароль, половину пластинки с изображением единорога. Вторая половинка находилась у Эрнста, получившего ее от Джона в их последнюю встречу. Пришедший мужчина назвался *Фридрихом Вальдом*.

Джон завербовал его в 1919 году, не зная и даже не представляя себе, что этот Вальд является высокопрофессиональным разведчиком из ИНО ВЧК.

Хотя в судьбе Джона и Джеки также произошли изменения: они теперь работали на американцев.

Фридриху Вальду пришлось долгие годы играть роль двойного агента: работать на американских масонов и выполнять задания своих работодателей в Москве.

Игра в шпионов увлекла Эрнста, и он по заданию Фридриха неоднократно посещал Гитлера в тюрьме Ландсберг. А через какое-то время по выходе из тюрьмы Вольф предложил Эрнсту возглавить иностранное отделение прессслужбы Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП).

Спустя год после прихода Гитлера к власти, в 1934 году Эрнст, получив задание Фридриха устроить небольшой скандал с фюрером, провоцирует того на разговор о ревизии Версальского договора и о двурушничестве евреев, финансирующих партию и программы

Адольфа. Однако широкого скандала не получилось, Гитлер избежал провокации, сказав, что *время покажет...*

Но время показало, что евреям пришлось покинуть Германию. В 1937-м году Эрнст, до этого курсировавший по секретным делам туда-сюда между Германией и США, сев в самолет, взлетевший с аэродрома Темпльхофф, покинул рейх навсегда.

Незадолго перед вылетом у Эрнста произошла тайная встреча с рейхсмаршалом Германом Герингом.

– Эрнст, – напутствовал Геринг, – у вас ответственное задание. *Мы нашли территорию на землях Южной Америки, очень похожую на Берхтесгаден, на удивительные Альпы. Полагаю, лучшего запасного места, чем Патагония, для нашего дорогого фюрера не найти.* Поезжайте. Там все до последней мелочи должно напоминать ему о родной Австрии. Я бы очень хотел, чтобы вы остались здесь, среди нас. Но я знаю, что вы никогда не нарушите наш приказ, и всегда, при любых обстоятельствах, будете поступать разумно.

Последующие годы Эрнст проживал в Америке; и его неоднократно посещали престарелые Джон и Джеки, которые уже давно сотрудничали с американским управлением стратегических служб (УСС), и где Эрнст числился агентом под прозаическим оперативным псевдонимом «Немец». Оставаясь при этом одним из доверенных представителей Гитлера по связи с финансовыми и промышленными магнатами Запада.

– Но, – подчеркнул во время рассказа на этом месте Архимандритов, посмотрев в глаза внимательно слушавшему его референту Румянцову, – ты же понимаешь, кем становились бывшие агенты Имперской разведки и на кого они работали. И Джон, и Джеки значились в списках, которые мы получили от графа Канкрина в начале 20-х годов. Им пришлось работать на партийную разведку. На нас.

В Штатах Эрнст стал связующим звеном для находящихся за океаном немцев; был в тесных отношениях с бывшим адъютантом фюрера, назначенным немецким консулом в Сан-Франциско Карлом Линдемманном.

С целью сокрытия истинных причин пребывания Эрнста в США, а затем отъезда в Южную Америку, он полным ходом гнал через Линдемманна дезинформацию в Германию, а тот в свою очередь также

передавал ему дэзу, получаемую из Берлина. И все – в соответствии с правилами *шпионских* игр. Если американское ФБР перехватит эту переписку, то из нее ничего толком не выудит. Тогда как истинная цель прибытия в Западное полушарие Эрнста Франца Зедвига Хаанфштенгля останется неизвестной.

В период Второй мировой войны он продуктивно работал на правительство США, а позже, когда война пойдет к закату, станет экспертом по делам нацистов в Белом Доме при президенте США Рузвельте.

На протяжении периода с 1942 по 1944 годы Эрнст выполнял посредническую миссию в переговорах с представителями Гитлера и президента Рузвельта относительно сепаратного мира, которые осуществлялись в разных местах – в Португалии, Швейцарии и в Ватикане.

В 1946 году президент США Гэрри Труман распорядился выслать Эрнста в Германию, на родину предков, которую он покинул в середине 30-х. Но в действительности его не выслали, а отправили в длительную зарубежную командировку, полагая, что там, в Германии, он принесет больше пользы Америке.

Спустя 10 лет в лондонском издательстве вышла книга под авторством Эрнста «Гитлер: потерянные годы». Изложенное подтвердило измышления о самоубийстве фюрера и Евы в 1945 году; Эрнст (или те, кто использовал его имя) предоставил, может, последнюю услугу некогда великому злему титану Истории Адольфу Гитлеру... Постепенно, не сразу, но версия закреплялась в сознании мирового сообщества...

– Человек, о котором я тебе рассказал, – завершая беседу, сказал Арсений Алексеевич своему ведущему референту, – далеко не главное лицо среди деятелей Третьего рейха. Через призму жизни, деятельности и взглядов человека, причастного к событиям, всегда открываются сверхтайные стороны главного лица или главных действующих лиц.

(Смерть Хаанфштенгля наступит в 1975 году.)

Глава 22

Получив в секретной части папку с финансовыми документами, копиями секретных сделок и всевозможными справками, Иван Румянцов поднялся к себе в кабинет.

Его босс советовал смотреть на личность через призму чужих судеб; он получал возможность смотреть и через призму финансовых бумаг. Экономика только на первый взгляд кажется сухой и неинтересной стороной сущего; на самом деле это прелюбопытнейшая, уникальная часть бытия, прямо указывающая: *кто на Земле хозяин.*

Финансирование захвата власти Гитлером обеспечивалось десятком-другим мировых финансовых магнатов, но главные средства шли через Фридриха Тиссена и его «Банк фюр Хэнлел унд Шифф», имевший прежде наименование «Фон Хейт Банк». В операциях принимал участие и Дэвид Бросман, – член правления ряда американских финансовых кампаний.

Многие подтверждающие сведения находятся в Протоколах Контрольного совета США по Германии. Но большая часть архивных документов о связи финансистов с Уоллстрита с Гитлером после Второй мировой войны была изъята из Протоколов, и стала достоянием Архимандритова, регулярно получавшего отчеты своей разведки.

Стальной магнат Тиссен по решению финансовых воротил США финансировал НСДАП еще в начале 20-х годов XX века.

Тогда совсем еще юный Арсений Архимандритов оказался в самом эпицентре событий, в Нью-Йорке, в одной из высоток на Бродвее, где решались судьбы человечества, и где сосредоточилось настоящее *Мировое Правительство.*

В 1945 году Ф. Тиссен был допрошен Ральфом Хенингом; однако допрос оформили не как следственное мероприятие, а как секретную информацию *неподсудного*, зашифровав под кодовым названием «Проект Дастбин».

Тиссен тогда же вспоминал, что в 1923 году во время эвакуации французов из Рурского бассейна, к нему обратился генерал

Людендорф. Вскоре после этой встречи Тиссена представили Гитлеру, и Тиссен через генерала Людендорфа начал обеспечивать НСДАП и Гитлера фондами.

В январе 1941 года Тиссен обсуждал с рейхсмаршалом Герингом вопросы недвижимого имущества, финансовых ресурсов, передвижения во время войны, защиты и поддержки интересов НСДАП и др.

При допросе Тиссен подтвердил существование договоренности комплексного со стороны Уолл-стрит контроля расхода денег НСДАП и германским государством.

В 1930 году к Тиссену обратился небезызвестный в финансовых кругах Эммануил Кирхдорф (он же посылал Рудольфа Гесса для переговоров о перспективном обеспечении фондов НСДАП). Тиссеном для НСДАП был оформлен кредит в 250.000 марок через голландский банк в Роттердаме. Сделки не вызывали подозрений, так как Тиссен являлся главой всех стальных заводов, Немецкого стального треста (который финансировался Делором Райдом, одним из финансовых воротил США, также сыгравшем видную роль в приходе Гитлера к власти).

В награду за старания и Райд, и Тиссен, и некоторые другие в Третьем рейхе имели практически неограниченную власть в бизнесе.

...Пролистывая бумаги, Румянцов обнаружил для себя любопытную деталь.

Почти весь огромный финансовый поток проходил через банки Тиссена. Упомянутый в отчете разведки «Банк для торговли и судоходства» был подконтролен Тиссену и поддерживался финансовыми капиталами Бросмана. Голландский «Банк фоор Хендель ен Шипварт Н.В.», – банк для перевода фондов Тиссена, контролировал размещенную в Нью-Йорке корпорацию «Юнион Бэнкинг», в которой свой финансовый капитал имел Дэвид Бросман, а директором этой корпорации был его брат Т. Бросман.

Среди европейских и американских банкиров, участвовавших в проекте «Фашистская Германия», значились многие имена.

Возможности *баснословного обогащения* для них появлялись только в случае начала военных действий. И в самом деле, войну (как и революцию) используют для получения прибыли корпораций, находящихся под полным контролем финансовых магнатов.

Из сумм, предусмотренных на решение различных проблем при создании фашистской Германии, втайне от финансирующих, изымалось 10 %. Часть из них шла на обеспечение личной безопасности фюрера, а часть – на реализацию секретного проекта «Снежный юг», который реализовывался тайно в рамках непрямого советско-германского сотрудничества.

В 1935 году Гитлер проводил секретное совещание в Берлине, на котором присутствовали Геринг, Гиммлер, Йост и мало кому тогда известный Вальтер Шелленберг, сменивший впоследствии Йоста. Под конец совещания был вызван Гейдрих. А спустя двое суток (поразительно быстро) Арсений Алексеевич Архимандритов положил на стол товарищу Сталину перевод совещания, на котором был решен вопрос о финансировании работ, связанных с программой «Снежный юг» из денег Уолл-стрит.

...Румянцов углубился в чтение. И даже когда в кабинет вошла пропорционально сложенная красивая женщина в синей униформе и подносом в руках, он не стал отвлекаться. Сотрудница аппарата Арсения Алексеевича поставила поднос на небольшой столик, размещенный поодаль от его рабочего стола, пожелала приятного аппетита и, сияя белозубой улыбкой, тихо удалилась. Даже эти красавицы подобраны для работы в соответствии с изысканным вкусом босса. Но *естественные* ли они, полуроботы, клоны, или хитрые тренированные куклы, – Румянцов не задумывался. Пока его это не интересовало. Все знали, что никакие вольности с сотрудницами не допускаются; Арсений Алексеевич – великий собственник, здесь все – его, в том числе и эти женщины, к которым, наверняка, он сам никогда не прикасался. За нарушение дисциплины одна кара – смерть. И девушки радовали взгляд, услаждали суровую душу в пору затяжной напряженной работы.

Учуяв вкуснейший аромат, Иван Михайлович решил завершить чтение немногочисленных документов, еще оставшихся в папке. После чего он приступит к обеду.

Под осуществляемой в те годы программой «Снежный юг» подразумевалось строительство баз и объектов на территории Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и в Антарктиде, вплоть до Южного полюса.

Сталин приказал начальнику своего Секретариата форсировать эту операцию, подключив резидентуры Аргентины, чтобы строительство баз в Патагонии и на Пылающей Земле было обеспечено.

«Обе стороны дружили... стороны сотрудничали... кто-то кого-то курировал... помогая не напрямую...» – Румянцов все повторял про себя эти краткие выводы, засевшие в голове как школьная *речевка*.

В преддверии развертывания огромной мировой бойни все немногочисленные Причастные просчитывали свои ходы, и при этом в обязательном порядке делали ходы наперед. Все Причастные знали друг про друга ВСЕ, но, будучи повязанными друг с другом в конечной цели, вынуждены были сокрыть от общественности самые главные секреты, бросив миру, как насмешку, дезинформацию. Защитив тем самым себя самих, обелив и очистив, превратившись из соратников и помощников «страшного фашизма» в его заклятых борцов...

Тогда же, *делая запасной ход наперед*, товарищ Сталин распорядился, чтобы для запасной базы его союзника и друга фюрера были выбраны объекты, близкие по климатическим условиям и природному рельефу к излюбленным Вольфом альпийским.

Аналогичные объекты были найдены на острове Хонсю в Японии, в Индокитае, в Австралии, в Новой Зеландии, на оконечности Южной Америки – Пылающей Земле, в Аргентине и в... Антарктиде – на побережье моря Королевы Мод.

Параллельно с поисками – согласно Сталинскому приказу, – осуществлялось строительство *своих* баз; к делу внепланового строительства привлекались наркомат судостроительной промышленности и ВМФ.

Занимающиеся этой проблемой и причастные к осуществлению грандиозных секретных планов были выделены в особую группу, подчиненную непосредственно Секретариату товарища Сталина. Общее руководство возлагалось на Поскребышева, а персональная ответственность за исполнение, подбор кадров и строительство объектов – на Архимандритова. Вопросами транспорта по доставке всего необходимого для строительства секретных объектов ведал помощник Генсека Салованов.

Глава 23

Благодаря советско-немецкой программе освоения Антарктиды немцы имели морские и сухопутные опорные базы на океанском маршруте Рио-де-Ла-Плато. Свой маршрут в сторону шестого континента немецким морякам был известен еще с конца XIX века, когда в Антарктиду на корабле «Вальдивия» прибыла первая немецкая экспедиция, проработавшая вдоль побережья материка более двух лет.

Но совместно с русскими немцы стали осваивать таинственный континент благодаря соглашению императора Российской империи Николая II со своим двоюродным братом Вильгельмом II. И проект *новой формации* в условиях сменившихся государственных систем появился как преемник былого. Понятное дело, все уникальные открытия и наработки ученых двух стран были захвачены новыми властителями, и использовались в своих интересах.

«Именно в этом и состоит самый *главный секрет XX столетия*», – неожиданно припомнил Румянцов фразу, пришедшую ему на ум при чтении архивных материалов еще несколько месяцев назад.

Трагедия Германии, ее поражение в Первой мировой войне на несколько лет остановили походы в Антарктиду. Но уже в 1925 году сюда пришел поработать немецкий корабль «Метеор».

Спустя 10 лет немцы вновь объявились в Антарктике.

Это был 1935-й, – год, который можно считать началом секретной операции «Снежный юг».

Просматривая материалы, относящиеся к экспедиции 1935 года, каперанг Румянцов в списке корабельного состава машинально отметил двоих сотрудников Секретариата товарища Сталина; член экипажа и научный сотрудник являлись резидентами партийной разведки.

Материалы проведенных экспедицией исследований были засекречены в рейхе.

Следующая секретная операция рейха предпринята в 1938 году, когда к Антарктиде была послана военно-морская экспедиция под командованием капитана Риттшера. Немецкие самолеты, барражируя над ледяным континентом, через каждые 25 километров сбрасывали

металлические знаки, оповещавшие, что отныне здесь собственность рейха под названием «Новая Швабия».

Плавание, по официальной версии, закончилось гибелью корабля и его экипажа.

Этот факт, обозначенный в прессе Германии, остался практически незамеченным. Потому что в то время Германия начала морскую войну с Великобританией, и ее рейдеры и «волчьи стаи» *папы Деница* рыскали в проливе Ла-Манш, Па-де-Кале и вокруг острова, нанося чувствительные удары английским торговым судам и транспортам.

Уникальные тяжелые рейдеры, построенные на стапелях Третьего рейха, были красивы по архитектуре и великолепны по техническому оснащению. Германские рейдеры имели достаточно высокую по тем временам автономность, и способность длительное время без дополнительного обеспечения выполнять поставленные боевые задачи.

Дальность плавания немецких серийных подлодок 7-й и 9-й серий составляла в среднем 8.200 миль. Их путь до северной Атлантики в 2.000 миль мог покрываться четырежды. Эти боевые походы послужили подготовкой для начала активных походов на юг планеты.

К тому же уже имелись тайные опорные базы в бухтах побережья Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Африки и Антарктиды, построенные по специальным проектам еще в 30-е годы.

С началом войны были осуществлены расчеты, показавшие, что для плавания к берегам Северной Америки адмирал Дениц вынужден будет задействовать не менее 30 подводных лодок сразу на четверть года. Затем необходима будет смена из стольких же подлодок.

Походы к шестому континенту были столь важны, что невзирая на сложности боевых действий и потери подводных лодок, Гитлер приказал Карлу Деницу выделить специальную флотилию ПЛ, которые могли бы курсировать вдоль всего побережья Латиноамериканского континента, – не только до Пылающей Земли, но и к Антарктиде.

Эту миссию адмирал Дениц выполнил блестяще. За что позже и будет удостоен Рыцарского Креста с бриллиантами и Дубовыми листьями, а также высшего военно-морского чина рейха – гросс-адмирал. (А не только за боевые действия своих «волчьих стай».)

«Мои подводники обнаружили настоящий земной рай. Мы создали там для фюрера неприступную крепость, где вырастет будущая раса «подземных арийцев», – обронил адмирал Дениц.

В районе Земли Королевы Мод была обнаружена система горизонтально и вертикально гигантских, соединенных в огромный город, пещер, галерей и тоннелей с живительным озоном внутри, который никогда прежде не встречался исследователям. По всем признакам, все сооружения были нерукотворными, то есть, имели *внеземное происхождение!*

В недрах Земли Королевы Мод оказались сокрытыми *богатейшие залежи урана*. Мало того, что здесь самые богатые месторождения урана в мире, так и процент урана в антарктической руде оказался на 30 % выше, чем в других месторождениях на планете. О том, что в этих местах могут находиться запасы высококачественного урана, считал руководитель германского атомного проекта Вернер Гейзенберг, отыскавший в образцах пород, привезенных из Антарктиды немецким полярником Вильгельмом Фильхнером в 1912 году, нужные образцы.

В этих местах на берегах залива Россиян, переименованного в залив Бисмарка, была построена немецкая *База 211* (которую позже обнаружит американский исследователь адмирал Р. Бэрд).

И так как уже тайно были созданы морские и сухопутные опорные базы на океанском маршруте к шестому континенту и налажено регулярное сообщение, в Новую Швабию в короткие сроки доставили большое количество ученых, инженеров, рабочих, а также специальное оборудование.

Но на шестом континенте имелось множество других загадочных мест.

На расстоянии 480 километров от Южного полюса разлито огромное озеро Восток с температурой воды +10 – +18 градусов, закованное панцирем из льда толщиной в 3,5–4 километра. Над водной поверхностью озера имеется ледяной купол высотой 800 метров, а внутри его наблюдается высокая магнитная активность. Прелюбопытное место!

В 1941 году в Антарктиде на участке земли, свободной ото льда, появилась одна из немецких баз под названием «Оазис». Сюда прибывали специалисты, прошедшие подготовку в секретном учебном центре, созданном в 1940-м в гористой местности близ города Ковары

на юго-западе Польши. В этом центре солдат и офицеров вермахта готовили для работы в полярных зонах Арктики и Антарктики.

Любопытно, что станция «Оазис» досталась американцам и была переименована в «Оазис Бангера», по имени летчика, обнаружившего ее в 1946 году.

* * *

Исходя из сведений, почерпнутых ведущим референтом Архимандритова Иваном Румянцовым из документов, проект маршрута Рио-де-Ла-Плато и строительства опорных баз инициировали в Секретариате товарища Сталина. Затем, словно невзначай, передали разработанный проект германской стороне.

Этим путем шли советские исследователи Антарктиды, впрочем, используя и другие маршруты, разработанные еще перед началом Второй мировой с Дальнего Востока через Тихий океан, мимо Австралии и Новой Зеландии.

Один из маршрутов начинался в военно-морской базе Киль, шел вокруг Скандинавии через Карское море. Затем – к полуострову Таймыр и архипелагу Северная Земля, затем к дельте Лены. Маршрут, как и весь северный морской путь, возглавляемый до войны контр-адмиралом Д.И. Потаниным, находился под контролем СССР. В глухих скалистых бухтах на пути следования немцами были построены технически оснащенные опорные пункты.

Другой маршрут шел к реке Амазонке из того же Киля, затем к побережью Аргентины (называемой еще Новой Швабией, как и немецкая база в Антарктиде). Путь пролегал через пролив Дрейка, Магелланов пролив, уходя в Тихий океан.

С началом войны адмирал Карл Дениц существенно расширил зону действий немецких подводных лодок до центральной Атлантики. И тем самым вынудил США направлять часть судов с ценными грузами в Южную Африку через Панамский канал, вокруг Южной Америки.

Вместе с тем американцы проявляли огромный интерес к немецким подводным лодкам, охотясь за ними, как за ценным трофеем. И вот, – удача! Наконец американцам досталась

экспериментальная немецкая подлодка, представлявшая собой абсолютный *прорыв* в подводном кораблестроении. Специалистов заинтересовал шнорхель – устройство, позволявшее оставаться под водой в течение нескольких недель кряду, максимально сохраняя свою скрытность. На немецкой лодке были установлены и новые гидроакустические станции, принципиально отличавшиеся от существовавших тогда в военно-морских силах всех стран!

В этом заключалась небывалая загадка.

Специалисты, в том числе и военно-морской инженер ВМС США *Хаим Риквер* доложили своему командованию, что если Советскому Союзу станет известно об этих новейших технологиях, то Советы существенно модернизируют свой подводный флот, и, более того, могут начать активно действовать не только против германского флота, но и против американцев. *Наивная простота*; зато какова дезинформация, позволявшая считать Советский Союз отсталой страной в отношении новых технологий. Скрытность великого Сталина не имела границ.

В начале 40-х годов военно-морской инженер ВМС США Хаим Риквер работал в научно-исследовательском центре, занимающемся техническим обеспечением военно-морской разведки. Никому не известный тогда офицер вынашивал идею применения атомной энергетики в военных целях.

Не удивительно, что захваченная немецкая подлодка представляла для американского инженера большой интерес. На ПЛ были обнаружены устройства, которые в течение нескольких месяцев не могли понять специалисты. Ни сплав, из которого они были сделаны, ни их назначение не были известны. Это вызвало наибольшую тревогу у американцев.

Значительно позже было установлено, что непонятные устройства на ПЛ являлись шахтами для ракетной техники.

Тогда же американская разведка сообщила, что немцы успешно испытывают ракетное оружие. Это оружие станет известно как ФАУ-1 и ФАУ-2. И, как будет установлено, на ПЛ, захваченной американцами, испытывались ракеты «Лун», запускаемые со специальных плавучих платформ.

Хаим Риквер понимал, что немцы создали баллистические и крылатые ракеты, в том числе и морского базирования.

Во время разведывательных походов вблизи Кольского полуострова Риквер зафиксировал испытательные пуски и из советских подводных и наземных пусковых установок в Баренцевом и Белом морях.

Отправившись в поход на подлодке капитана Дж. Барнета, Риквер в какой-то момент понял, что ракеты русских вылетели из-за мыса с сопкой. ПЛ направилась в предположительный район пуска ракет. Но все, что удалось обнаружить, это уходившую подлодку, неожиданно для всех исчезнувшую с экранов слежения гидроакустических станций.

Глава 24

Опытный американский подводник командэр *Джеск Барнет*, принимая на заводе новую подводную лодку, привычно ожидал приказа на отработку боевых задач на полигонах боевой подготовки или, в крайнем случае, на испытание нового оборудования. Но из штаба ему был направлен с приказом офицер, специалист по радиоперехвату Джон Олдридж.

Приказ гласил, что ПЛ становится экспериментальной разведывательной лабораторией и ее командиру предписывается после установки разведантенн и приемопередатчиков следовать курсом в район Вильгельмсхафена – ВМБ Третьего рейха для наблюдения за выходящими из базы и входящими обратно подводными лодками адмирала Деница.

Джон Олдридж, в совершенстве владея немецким языком, в течение пяти лет, начиная с 30-х годов, участвовал в проектах Третьего рейха среди прочих членов антарктических экспедиций. Еще ранее этот разведчик довольно успешно работал в Японии.

Задания, которые он выполнял, были суперзасекречены.

Он начинал свою работу в немецких кригсмарине под именем *Отто Вагнера* в службе дешифрования. Адмирал Карл Дениц откровенно недолголюбивал тех, кто желал служить на подлодках, но длительное время до этого находился за границей. Лишь личная рекомендация руководителя РСХА обергруппенфюрера СС и генерала полиции Рейнхардта Гейдриха заставила адмирала принять в качестве офицера обер-лейтенанта запаса Отто Вагнера. И, как позже удостоверился адмирал, Вагнер стал лучшим офицером его «волчьих стай», и вскоре был назначен командиром немецкой субмарины, участвовавшей в походах за экватор, вплоть до 70-х широт.

В середине августа 1941 года при возвращении из океанского похода субмарина под командованием фрегатов-капитэна Отто Вагнера была потоплена у мыса Нордкап двумя торпедами, выстреленными из советской подлодки М-172 под командованием капитан-лейтенанта Израиля Фисановича, удостоенного позже звания Героя Советского Союза.

Из всего экипажа уцелел только командир. Каким образом Отто Вагнер, он же Джон Олдридж оказался в США, – знали немногие.

В один из дней Барнет был вызван к РикOVERу, в кабинете у которого уже присутствовал Олдридж. Джеку Барнету разъяснили, что ему придется вступить в командование трофейной немецкой экспериментальной ПЛ, и что старшим офицером к нему назначен Джон Олдридж. Вместе с ними в плавание уйдет и Хаим РикOVER.

– Джек, ты не должен удивляться тому, что увидишь, – предупредил капитана РикOVER. – Прежде всего, на лодке будут моряки, одетые в форму подводников Третьего рейха. Ты знаешь немецкий язык, но тебе придется за время плавания освоиться с разговорной речью. С момента выхода ты будешь в соответствии со своим американским чином иметь чин капитана 1-го ранга, что по-немецки звучит кэптен цур зее. Так что тоже придется одеть ненавистную тебе форму нациста. Порядки на корабле также будут соответствовать порядкам в военно-морских силах рейха. В том, что будет не понятно, тебе окажет помощь твой старший офицер Джон Олдридж, но теперь он для тебя Отто Вагнер. Запомнил?

Ознакомившись с подводным кораблем, Дж. Барнет был не столько удивлен, сколько искренне поражен, потому как подобной техники он еще не встречал.

Спустя два месяца, в том же 1941 году, лодка и экипаж вышли в море. Отныне Джек Барнет был кэптен цур зее *Фридрих Шварц*.

Корабль Шварца точно по графику проходил все точки Атлантического океана. В нескольких десятках миль вслед за ними, сопровождая, следовали параллельными курсами американские подлодки «Си дог» и «Блэкфин».

В один из дней подводники всплыли на перископную глубину и увидели побережье. По штурманским расчетам выходило, что это берега Аргентины. С этого момента Шварц должен был управлять лодкой по рекомендациям своего старшего офицера, корветен капитэна (капитана 2-го ранга) Отто Вагнера, который прокладывал курс, выводивший их на секретные немецкие базы для пополнения запасов, ремонта корабля и отдыха личного состава. Но их путь лежал к другому объекту.

В соответствии с заданием, переодетые американские подводники должны были подойти к секретной базе кригсмарине, находящейся в

одном из ущелий побережья шестого континента и войти в базу через подводную дыру в скале, называемую моряками «чертовой дырой», или «пастью черта». Берег тут уходил в воду, резко обрываясь, глубина достигала 50 метров. Несмотря на то, что размеры входа по диаметру в несколько раз превышали размеры подлодки, командиры мало доверяли акустике, эхолокации и своему опыту. Не потому ли, что морской черт и вправду толкал лодку на скалы?

На этот раз подлодка удачно вошла в расщелину и на самом малом ходу прошла по точно указанному старшим офицером курсу.

Спустя 20 минут лодка подвсплыла на перископную глубину и остановилась. Капитан Шварц, осмотрев пространство в перископ, уступил место Вагнеру. Тот, проделав те же манипуляции, совершенно буднично произнес:

– Фриц, швартуемся, наконец-то мы на базе. Через 15 минут все желающие могут покурить в отведенном на пирсе месте. Отто Вагнер достал из сейфа в своей каюте толстый портфель и вместе с командиром поднялся на пирс, где их встретили двое немцев в штатском.

– Те, кто хочет курить, могут разместиться к курилке, затем их отведут для отдыха. Вахту установите сами.

Пока первый немец говорил, второй с усилием пожал Вагнеру руку, что свидетельствовало об их давнем знакомстве. После чего все четверо прошли к какой-то двери, за ней оказался длинный коридор, справа и слева которого однотипные закрытые двери скрывали множество внутренних помещений. Они вошли в комнату № 22, оказавшуюся обычным кабинетом с круглым столом, ярко освещенным и довольно уютным.

Когда все разместились за столом, в кабинет вошел новый сотрудник, и Вагнер сразу же передал ему портфель. Тот, вскрыв портфель, достал оттуда карточки – личные дела членов экипажа, на обороте которых были увеличенные фото каждого, и сверил с имевшимися у него. Эта часть проверки завершилась успешно. После чего офицеры и люди в штатском поднялись из-за стола, чтобы пройти в помещение, где уже находился экипаж. И вновь тот же сотрудник сверил лица моряков со своими фотографиями; вскоре идентификация внешнего сходства, фамилий, данных о прохождении службы в военно-морских силах рейха, была осуществлена.

И если Вагнера здесь хорошо знали, то сведения на всех остальных членов экипажа поступали к шифровальщику прямо из Третьего рейха.

...Спустя двое суток *Трайко Югов*, корреспондент «Королевского вестника» Болгарии принял по телетайпу сообщение со ссылкой на газету «Нью-Йорк геральд трибюн», что *группа исследователей из 58 человек во главе с профессором Джикони приступила к исследованиям в районе реки Миссисипи с целью обнаружить останки доисторических животных.*

По завершении рабочего дня Трайко, положив в карман номер газеты, забежал в винный погребок с поэтическим названием «Лунна ноц» и подсел за столик, где уже расположился его старинный знакомый Драгомил Милчев, работавший садовником в загородной резиденции болгарского царя Бориса. За мирной беседой друзья пропустили по несколько стаканчиков терпкого вина, а на прощание Драгомил сказал:

– Сегодня так закрутился в саду, что даже не успел почитать газеты. Нет ли у тебя с собой свежего номера?

– Можешь взять себе, – протягивая газету, ответил товарищ. Так состоялся обмен информацией на встрече двух агентов.

...А еще через несколько часов, в Москве заведующий Секретариатом товарища Сталина докладывал вождю, что американский экипаж под командованием американского капитана Джека Барнета (он же Фридрих Шварц) вместе с бывшим командиром немецкой подводной лодки Отто Вагнером (он же Джон Олдридж), погибшей в районе мыса Нордкап, прошли проверку на предмет идентификации.

Вождь раскурил трубку, и, не глядя на завсекретариатом Поскребышева и на присутствовавшего в кабинете Арсения Архимандритова, растягивая слова, медленно, с характерным ему акцентом, сказал:

– Мы с вами должны хорошо подумать, стоит ли сообщать об этом нашим немецким друзьям. Пусть идет, как произошло. А при случае я моему немецкому другу Гитлеру могу сказать, что, мол, у тебя под носом работают американцы. Или при случае это же могу сказать моему американскому другу Бросману. И, обращаясь непосредственно

к Арсению Алексеевичу, вождь уже безо всякого акцента, чисто по-русски произнес:

– Думать, товарищ Архимандритов, никогда не поздно! Но вот информировать друзей и врагов нужно всегда своевременно. Идите.

Глава 25

В операции обеспечения безопасности подлодки, следовавшей на закрытые объекты Германии в Антарктиде, помимо идущих рядом подлодок «Си дог» и «Блэкфин» на приличном отдалении следовали также и американские лодки «Рэнч», «Раск», «Эйдж» и «Энтерпрайз».

Все шесть подводных кораблей были обнаружены двумя советскими ПЛ, оснащенными системами поиска, созданными в Антарктиде по взеземным технологиям.

Две советские подлодки имели скорость почти втрое больше по сравнению с американскими. Да и форма их резко отличалась от привычной. Лодки имели очертания плоских британских касок огромного размера. Если бы какой-либо из американских ПЛ во время своего всплытия удалось бы их обнаружить, то перед ними предстало фантастическое зрелище: огромные вращающиеся светящиеся круги, перемещающиеся по океану с большой скоростью на неопределенной глубине. Увиденное и услышанное могло привести людей в шок; двигаясь, неопознанные объекты издавали гулкое приглушенное *квакание*. Звук, проникающий внутрь организма и ощущаемый подводниками с чувством необъяснимого, животного ужаса...

Хотя удивительные подлодки двигались за кавалькадой из одной немецкой и шести американских лодок, все же они не приближались к ним.

На американской ПЛ «Рэнч» был сооружен и установлен новый шнорхель, скопированный с имевшегося на захваченной немецкой субмарине. Лодка шла, и волны постоянно захлестывали шнорхель, вызывая срабатывание запирающего клапана. В результате дизельная установка периодически «задыхалась» от недостатка воздуха. Чтобы проконтролировать ситуацию, командир послал старшего офицера в машинное отделение. Но спустя считанные минуты подлодку потряс сильный удар, словно от столкновения с каким-то огромным плывущим объектом. Вскоре ситуация стала критической: в аккумуляторной яме произошел взрыв и начался пожар. Несмотря на все отчаянные усилия моряков, положение резко обострилось из-за того, что начался процесс горения выделявшегося из батареи водорода,

что могло привести к еще более мощному взрыву и трагическому концу.

И взрыв произошел.

Получив сообщение о пожаре, командир лейтенант-командэр Доннован отдал приказ на экстренное всплытие. По телефону звукоподводной связи он сообщил о происшествии параллельно шедшей ПЛ «Раск». После всплытия он уже на мостике пытался оценить масштабы пожара; огонь бушевал в аккумуляторном отсеке, а центральный пост и оба машинных отделения оказались сильно загазованы токсичными продуктами горения.

Командир отдал приказ большей части экипажа выйти на верхнюю палубу. Но там люди также ощущали себя в опасности из-за огромных волн, перекатывающих через палубу. Любая волна могла унести за собой жертву. Семнадцать моряков оказались отрезанными в кормовом торпедном отсеке. После неудачных попыток вновь и вновь запустить дизель, им пришлось выбираться на палубу через кормовой люк. Почти шестнадцать часов экипаж боролся с огнем, после чего командир отдал приказ перейти на «Раск». ПЛ находилась рядом, но из-за сильного океанского волнения не могла оказать реальной помощи. Посланный с нее ранее спасательный плот опрокинулся, и моряки на нем погибли.

Лишь после долгих часов маневрирования подлодке «Раск» удалось сблизиться с терпящей бедствие ПЛ «Рэнч» и перекинуть сходню, по которой перебрались члены экипажа, рискуя свалиться между двумя стальными корпусами.

Командир до последней минуты стоял на мостике, сохраняя надежду на спасения корабля. Только когда корма лодки оказалась полностью под водой, а крен превысил 15 градусов, Доннован покинул ее.

Лодка, круто заваливаясь на корму, скрылась под водой и затонула на большой глубине. Погружаясь в пучину, она прошла мимо советской ПЛ, которая напоминала собой огромный вращающийся светящийся круг... Но увидеть это не было суждено уже никому из членов американского экипажа...

Гибель подлодки стала достоянием прессы. Даже в советских газетах прокомментировали трагедию в духе того времени: с претензиями к «буржуазной Америке». Сообщалось, что... вблизи

советских территориальных вод потерпела катастрофу подводная лодка ВМС США; инцидент якобы свидетельствовал о «слишком подозрительных маневрах американских кораблей поблизости от берегов СССР». О разведывательном характере миссии этого корабля, как и точном месте его гибели по обе стороны океана согласованно умолчали.

* * *

Когда в 1941 году случилась трагедия с американской подлодкой, столкнувшейся с советским подводным объектом, это сразу же стало известно товарищу Сталину. Генсек, вызвав Архимандритова, сказал:

– Согласуй с нашим другом Бросманом утечку факта гибели подводной лодки. Но что она погибла не около Южной Америки, это нам обоим невыгодно, а у наших берегов.

Задание вождя Архимандритов выполнил безукоризненно.

* * *

Оставшиеся пять американских подлодок продолжили основную разведработу, отслеживая движение курса немецкой ПЛ с подмененным экипажем под командованием Шварца.

В составе экипажа Шварца находилась так называемая научно-исследовательская группа из шести человек под руководством *Мэгги Уилсон*. Правда, она достигнет немецкой секретной базы под именем *Дороти Шеннеманн*.

Эта «мисс», или «фрау» с момента скрытого прибытия на ПЛ прошла в отведенную ей каюту и практически никогда ее не покидала. Вместе с ней в каюте находился совсем юный сотрудник, лично доставлявший пищу из камбуза всем сотрудникам научно-исследовательской группы.

О том, кто эти шесть человек, ни Шварц, ни Вагнер, а тем более остальные члены экипажа не знали. Хотя догадываться, кто это и для чего они на борту, мог Отто Вагнер, сам в недавние годы доставлявший подобные научные группы в бытность командиром

немецкой ПЛ. Однако теперь Вагнера шокировало то, что руководитель группы – женщина.

Мэгги Уилсон, она же Дороти Шеннеманн являлась сотрудником закрытого научно-исследовательского центра по аномальным явлениям организации, реорганизованной в 1942 году в Управление стратегической службы (УСС).

Но эта женщина имела и иное, истинное имя, «оставленное» ею в забвении в стране *медведей и русской водки*. Став сотрудницей Секретариата товарища Сталина, мисс Уилсон в 1926 году отбывает в США как вдова офицера-эмигранта, умершего в Испании. В 1934-м, по окончании университета и докторантуры она блестяще защитила диссертацию, после чего ей было предложено через знакомого сенатора, ее однофамильца Бобби Уилсона, сотрудничество с разведслужбами США.

Спустя годы мисс Уилсон по решению Специального совета – предшественницы УСС – была включена в состав секретной экспедиции. По той причине, что последние лет пять занималась исследованиями аномальных явлений. Такие же исследования проводились немцами в Антарктиде.

Мисс Уилсон, помимо владения научным предвидением, была великолепным организатором, владела несколькими языками: немецким, французским, испанским, русским и относительно уверенно общалась на китайском. Все эти факторы позволили специальной комиссии остановиться на ее кандидатуре, назначив руководителем научно-исследовательской экспедиции, в которую были подобраны еще пять талантливых ученых. Всем им за короткое время довелось «вжиться» в легенды, освоить особенности поведения немцев и диалект в соответствии с регионом «происхождения».

В группу был включен и еще один работник, – юный товарищ Джек Пирс, проживавший в одной каюте с Дороти. Пришедший на подлодку с кличкой «бой», на самом деле был не Джеком, а Джеки, и значился в документах как *Жаклин Пирс*. Любопытно, что эта девушка, выглядящая как юноша, была 30-летней истинной немкой *Кларой Заукель*.

Ее биография чрезвычайно любопытна. Клара была внебрачной дочерью одного из близких родственников группенфюрера СС, генерал-лейтенанта полиции Фегелейна, ставшего вхожим в круг

родственников фюрера после женитьбы на родной сестре Евы Браун. Клара, племянница Фегелейна, имела отношение к службе безопасности СД, и, насколько он слышал, еще подростком она прошла какую-то уникальную спецподготовку.

В СД начинал свою карьеру будущий руководитель политической разведки – VI-го управления РСХА Вальтер Шелленберг. Он покори юную деву молодостью, обаянием, страстью к роскоши, и вскоре Клара стала его любовницей. Но когда девушка в самые кратчайшие сроки овладела английским и французским языками, в которых Шелленберг и сам хорошо поднаторел, он задумал использовать ее «по назначению».

Возглавив разведку, Вальтер Шелленберг принял решение внедрить Клару Заукель через свою нелегальную агентуру в США в один из научно-исследовательских центров УСС. Операция прошла удачно.

После знакомства с Мэгги Уилсон немка овладела восточными единоборствами и ради дела стала лесбиянкой. Ее опытная наставница сумела так расположить к себе молодую женщину, что та «раскололась». Очень скоро Мэгги узнала, что сотрудница научно-исследовательского центра аномальных явлений – агент Шелленберга. Пользуясь ситуацией, она представила все так, что Клара не сможет получить интересующую ее скрытую информацию без помощи самой Мэгги Уилсон. Однако получалось так, что Клара завербовала Мэгги Уилсон, – о чем она и доложила в Берлин.

В свою очередь, Мэгги информировала Москву о включении ее в научно-исследовательскую группу, следующую под немецким прикрытием в Антарктиду и вербовке ею немецкого агента Клары Заукель.

Для связи с Москвой, с Секретариатом товарища Сталина, она использовала канал встреч с резидентом Иродиадой.

Под агентурным псевдонимом *Иродиада* в Секретариате товарища Сталина в те годы значилась... Рогнеда Павловна Чаковская.

Глава 26

Перед уходом подлодки в Антарктику, Мэгги Уилсон была принята адмиралом *Рейнхорном*, возглавлявшим программу создания спецподразделения подводных лодок для антарктических экспедиций.

Перед адмиралом стояла задача как можно скорее сделать качественный прорыв по созданию новых систем вооружений в свете бушующей в Европе войны. Президент наделил адмирала беспрецедентными полномочиями, разрешил сформировать команду из специалистов и экспертов любого направления. Именно благодаря желанию адмирала Мэгги Уилсон и была включена в научную группу, став ее руководителем.

Тем самым адмирал Рейнхорн дал ей своеобразный карт-бланш на воплощение ею идей, которые она теоретически обосновывала в центре аномальных явлений.

До последнего времени она проводила всяческие испытания, вплоть до безумных, в гигантском бассейне центра, в лабораторных условиях.

Один из научных замыслов, планируемых к осуществлению в океане вблизи Земли Королевы Мод, заключался в том, чтобы вместе с командой разработчиков установить на больших глубинах на дне океана доставленные на надводных кораблях ракеты (после их освоения на материке).

Проект предусматривал огромные финансовые вложения. Но в конечном итоге, по убеждению научной сотрудницы, осуществленный проект мог принести несомненную пользу, – в случае разногласий с немецкими и советскими исследователями в Антарктике нанести им ракетный удар из-под воды.

Установить, откуда эта идея пришла в голову Мэгги Уилсон, адмиралу Рейнхорну не удалось; странным было и то, что проекты ракет, которые предлагала мисс Уилсон, не уступали ракетам, над которыми в Германии трудился фон Браун, и даже превосходили их по качеству.

Впрочем, откуда было знать американскому адмиралу, кто работает в подчиненном ему центре под обликом мисс Мэгги Уилсон?!

Агент секретариата товарища Сталина, многие годы живущая под именем Мэгги Уилсон, получила чертежи и документацию ракет. Но! В документации не были представлены основные компоненты, разработанные советскими специалистами, работающими в Антарктиде.

О том, что эти материалы имеют вземное происхождение и пришли из лабораторий шестого материка, Мэгги не знала. Она была искренне уверена, что это – разработка советских специалистов, в том числе и авиационного конструктора Бартини, о котором она услышала во время встречи со своим резидентом.

Но произнесенное, словно невзначай, имя Бартини возникло в разговоре вовсе не случайно. Следуя инструкциям, Иродиада – при передаче материалов – рекомендовала Мэгги тщательно разобраться в них, сжиться с идеей, как со своей, а затем посвятить в наработки адмирала Рейнхорна. Причем, так, чтобы тот смог выбить средства у правительства на этот дерзкий проект.

Рейнхорну действительно удалось выбить немалые средства, убедив правительство. Концепция *стартовых площадок для ракет на дне океана* была настолько отработана, что вскоре научными сотрудниками были спроектированы системы жизнеобеспечения для обслуживающего персонала; спроектированы и даже приступили к строительству первых глубоководных обитаемых аппаратов, которые должны были обслуживать всю эту полубезумную затею. Таким образом, часть проекта группы Мэгги Уилсон была осуществлена.

При пробном глубоководном погружении один из обитаемых аппаратов потерял ход и провалился на огромную глубину, унося четырех исследователей в неизвестность. Это случилось через полгода после того, как Уилсон под именем фрау Шеннеманн обосновалась на секретной немецкой базе.

* * *

Дальнейшие работы по проекту Уилсон американской стороной были запрещены. Эту информацию она получила.

Но руководство немецкой экспедиции, находящееся в недрах ледяного континента, приняло ее проект и запланировало его

осуществление на 1945 год.

Уилсон, она же фрау Шеннеманн, дала немецкой стороне те расчеты, которые получила из Москвы. И хотя многое в них было создано тут, в лабораториях Антарктиды, но, исправленное и дополненное в Москве, могло сойти за личный проект талантливого ученого.

В конструкторском бюро особых технологий в немецкой исследовательской экспедиции тщательно просчитали ее расчеты и согласились со многими положениями. Но у некоторых экспертов возникли резонные вопросы, откуда и из каких теоретических источников доктор Шеннеманн почерпнула свои сведения, чтобы прийти к таким выводам.

Об этих наработках доктора Шеннеманн узнали и в группе советских исследователей. К слову сказать, и та, и другая стороны охотно обменивались проектами и предложениями, которые обе экспедиции получали от внеземных цивилизаций.

Совместно было принято решение, что, так как фрау Шеннеманн мыслит неординарно, то после дополнительного обследования ее мозга и физического состояния ее можно будет допустить к работе над закрытыми проектами, основа которых создавалась благодаря установившимся связям с внеземными цивилизациями.

* * *

Тем временем в Америке к адмиралу Рейнхорну прибыл офицер из центра аномальных явлений и предложил ознакомиться с секретными расчетами. Заглавный лист документа наискосок пересекал жирный штамп «Совершенно секретно. Операция «Желтый доллар»».

На нескольких страницах были изложены предложения военно-морской разведки по использованию глубоководных аппаратов. Самым заманчивым представлялся проект поиска и подъема со дна так называемой *летающей тарелки*, которая якобы потерпела крушение и затонула на большой глубине у самой оконечности Пылающей Земли. Особую ценность должны будут представлять двигатели и сплав самой конструкции.

Место затопления «тарелки» было высчитано довольно просто. Ибо полет аппарата проходил на небольшой скорости и фиксировался пролетающими американскими самолетами, которые и наблюдали как аппарат неожиданно стал заваливаться набок, потом, опрокинувшись несколько раз вокруг своей оси, шлепнулся на воду, а спустя две минуты погрузился в пучину.

Таинственный неопознанный объект видели и с двух американских надводных кораблей. Однако офицеры, отслеживающие с постов перехват сигналов в воздухе, сообщили, что никаких следов телеметрии летательного аппарата нет.

...Исходя из того, что аппарат лежит на огромной глубине в несколько тысяч метров, Советский Союз не предпринимал никаких усилий по его охране или подъему...

Но обстоятельство *в несколько тысяч метров глубины* не остановило работников центра аномальных явлений, как и военно-морскую разведку. Последние и вовсе рассчитывали превзойти достижения коллег из авиации, которые преуспели в добывании секретной информации по важнейшим стратегическим военным программам у русских.

Летчикам США удалось зафиксировать новейшие подлодки Советского Союза, которые *не* являлись штатными единицами ВМФ СССР. Косвенно у них было подтверждение, что эти подлодки принадлежат либо Академии наук, либо какой-то тайной организации, о существовании которой разведке ВВС США ничего неизвестно.

В свете подобных настроений идеи адмирала Рейхарна относительно использования глубоководных аппаратов для поднятия летающей тарелки нашли полное понимание и поддержку не только у командования ВМС, но и у своих сторонников в Конгрессе и Сенате США.

Адмирал начал интенсивно пробивать проект подводной лодки, – носителя глубоководного аппарата. Аппараты уже имелись в наличии, было даже несколько суперглубоководных аппаратов; один из них даже спускался в знаменитую Марианскую впадину. Но он, базирующийся на надводном корабле, не мог быть пригодным для разведки. Потому как только ПЛ, транспортирующая аппарат в район поиска и обеспечивающая его работу на месте, могла обеспечить секретность любой разведывательной операции.

На удачу адмирала Рейнхорна в то время в составе ВМС США имелись три ПЛ дальнего использования, но у командования не было конкретных планов по их применению. На одну из ПЛ был позже установлен носитель крылатых ракет, созданных по чертежам, разработанных фон Брауном.

* * *

Как только американский адмирал приступил к реализации проекта, на который поэтапно стали выделяться финансы, в Москве руководитель Секретариата товарища Сталина Поскребышев доложил вождю, что «нам бы следовало отметить агента Иволгу».

Под оперативным псевдонимом *Иволга* скрывалась Мэгги Уилсон, она же Дороти Шеннеманн, она же – сотрудник сталинской партийной разведки, урожденная *Любовь Владимировна Волгина*.

– Иволга, – докладывал заведующий Секретариатом, – по нашему приказу в 1926 году вышла замуж за тяжело раненного в годы Гражданской войны штабс-капитана Алексея Волгина. После его смерти вдова получила лестные рекомендации сенатора США Бобби Уилсона, участвовавшего в гуманитарной акции по оказанию бесплатной медицинской помощи старым и больным, а также оказавшимся на чужбине раненым русским дворянам. Он лично знал Алексея Волгина и его супругу. Дальше ее жизнь пошла не без протекции сенатора, она натурализовалась в США, выправила документы на Мэгги Уилсон, а после окончания университета и докторантуры стала работать ведущим научным сотрудником в закрытом научно-исследовательском центре по аномальным явлениям. Заведующий Секретариатом сделал жест, чтобы передать вождю папку с бумагами.

– Хорошо, – жестом остановил его Сталин, – это вы оставьте у себя. Я уже читал вашу короткую записку по этому поводу. Она хорошо ввела в заблуждение и американцев, и наших друзей немцев в Антарктиде. Надо вам подумать, как отметить ее труд высокой наградой, которую ей вручит при встрече товарищ Калинин. Я думаю, она достойна звания Героя Советского Союза.

Но ни орден Ленина, ни престижная для советского человека Золотая Звезда Героя не стали вожденными наградами для Иволги. Как никакого следа в ее сознании – ни отрицательного, ни положительного, – не оставила война, начавшаяся с нападением Германии на СССР 22 июня 1941 года. Она не восприняла этот факт так же, как его не восприняло большинство членов советской и немецкой экспедиций, работавших в Антарктиде. Ибо они уже неоднократно побывали в параллельных мирах и уровень работоспособности их мозга составлял немислимые землянам даже не 100 %... а много более... и оттого для них все происходящее на Земле являло собой крайний примитивизм людей.

Глава 27

Вслед за новогодними праздниками 197... года, промелькнувшими в рабочей суете совсем незаметно, капитан 1-го ранга Румянцов получил приглашение отправиться на выходные подальше от столицы, отдохнув в одной из резиденций босса. Иван Михайлович был рад подобному предложению.

Когда его «Волга» прибыла на Н-ский аэродром, где в ожидании пассажиров, покрываясь снежной крупой, стоял готовый к вылету вертолет, каперанг увидел, как издалека сюда же направляется еще одна машина. Подъехавшая «Волга» притерлась бок о бок с его легковушкой, водитель вышел, открыл дверцу и подал руку тому, кто сидел на заднем сиденье. Как оказалось, приглашение на отдых получила и давняя знакомая Рогнеда Павловна Чаковская, интерес к личности которой у каперанга после прочтения документов только усилился. Возможно, из-за того, что актриса любила с утра поспать, вылет вертолета определили на 11 часов. В некоторых случаях Арсений Алексеевич отличался предусмотрительностью; впрочем, как всегда, к своей *вящей выгоде*...

Рогнеда Павловна, одетая в соболиную шубу, кутала руки в изящную муфточку на манер дамочек начала столетия. Завидев Румянцова, она кокетливо улыбнулась, а когда он подошел поприветствовать гостью, вытащила сухопарую руку и погладила его по холодной щеке, нечаянно царапнув длинным коготком.

Румянцов, не удивляясь присутствию актрисы, осыпал очаровательную женщину комплиментами. Они простояли под падающим снегом еще пару минут, наблюдая, как по аэродрому плавно и бесшумно плывет огромный, блестящий черным лаком ЗиЛ-118, в котором приехал секретарь ЦК. Сверкающие никелированные бамперы и радиаторы ловили тусклые блики зимнего солнца; золочеными бликами отсвечивали якоря на пуговицах черной офицерской шинели, в которую был облачен ведущий референт, капитан 1го ранга Румянцов.

Небольшая компания устроилась в салоне вертолета, отличавшемся от других салонов роскошью белой обшивки, а через

пару часов они уже приземлялись, достигнув места.

Объект у живописного озера Селигер, – скрытые от посторонних взглядов роскошные особняки, – был одним из излюбленных у Арсения Алексеевича Архимандритова.

Обычно босс приезжал сюда, когда надо было проанализировать ход развития событий в мире, наметить перспективы отношений с союзниками и противниками. Здесь же он встречал наиболее доверенных своих агентов из числа высокопоставленных чиновников, а также банкиров и известных военачальников. Если его гости были иностранцами, они, как правило, прибывали в страну инкогнито, встречаясь с Архимандритовым неофициально. Бывал в тайных резиденциях Арсения Архимандритова и его давний могущественный друг-соперник Дэвид Бросман. И хотя их встречи были крайне редки, однако на протяжении десятилетий мир шел по пути развития, обозначенному в разговорах этими двумя интеллектуалами... между прочим, также отчасти зависимыми от *еще более* властительных особ в мире Денег и Политики.

Покрытое толстым льдом озеро, окаймленное смешанным лесом, стыло в чередовании зимних дней и ночей. Густой снег и суровые морозы, стоявшие почти неделю, придали окружающему пейзажу сказочно-прекрасный вид. Пребывая в сияющей и словно бы целлулоидной дымке, все вокруг казалось созданным из хрусталя.

Пройдясь по запущенным снегом аллеям, полюбовавшись пейзажем и надышавшись чистым морозным воздухом, Рогнеда Павловна, взяв под руку Румянцова, направилась вслед за хозяином в ближайший особняк. Здесь все было готово к приезду гостей. Впрочем, для Арсения Алексеевича в его владениях *всегда* и *все*, до последней мелочи, было предусмотрительно подготовлено...

В прекрасном расположении духа, все трое очутились в большом холле, откуда гостей проводили в их апартаменты. Когда Рогнеда Павловна, поправив прическу и припудрив нос, появилась в каминном зале, мужчины уже были там. И босс, и его доверенный референт сидели в уютных креслах, обтянутых зеленой драпировкой, попивая маленькими глотками коньяк. Элитный напиток был налит в широкие хрустальные бокалы с вделанными в донца крупными бриллиантами, – в духе Архимандритова. И хрусталь, и бриллиантовые искры, и тонкий коньячный дух, и веселый огонь в камине за изящно кованой

решеткой, – все настраивало на умиротворенность и душевный комфорт.

Рогнеда Павловна приблизилась к огню, и камни в ее перстнях и сережках также заиграли переливчатыми бликами. Пожилая женщина выглядела вполне счастливой.

Арсений Алексеевич любезно предложил гостье выпить с ними за компанию глоток прекрасного коньяка от «Луи XIV». И Рогнеда Павловна, неизвестно чему рассмеявшись столь искренне, что даже Архимандритова заставила широко улыбнуться, прошла к столику с напитками и взяла в руки приготовленный для нее фужер. На дне этого, как и во всех остальных хрустальных фужерах и бокалах Арсения Алексеевича, покоился драгоценный камень, придававший напитку волшебные качества, а человеку потреблявшему – энергию и силу.

Они пробыли в каминном зале не более часа, говоря *ни о чем*; Архимандритов больше молчал, наслаждаясь покоем и обществом, тогда как актриса подшучивала над молодым офицером. Ей льстила мысль, что, несмотря на годы, она может нравиться молодым и может быть желанна. Женщина не рождается искусительницей, она превращается в искусительницу желанием мужчины. Раз возжелав женщину, попользовав ее, вкусив божественной прелести и чистоты, а после того сделав ее *орудием* своих коварных замыслов, мужчина превращает женщину из создания божьего в *вавилонскую блудницу*, в *сатанинскую тварь*...

Ровно в 15.00 троица перешла в гостиную, где уже был накрыт стол; приготовленные блюда изумляли не только вкус, но и взор; сервировка была отменной. Роскошная гостиная с картинами в золоченых рамах напоминала о веке XIX, о великой русской эпохе, ушедшей безвозвратно.

– Ты думаешь о недавней эпохе, которой уже нет, – неожиданно для Румянцова заговорил Архимандритов, запросто прочитав его мысли. – Не сожалей. Эпохи, которые канули десятки тысяч лет назад, были не менее уникальны. Но их давным-давно некому оплакивать. В лабораториях твоего заместителя Станислава Исаевича Генерозова проводятся исследования, связанные с генетическим развитием человека, и ты об этом хорошо знаешь. Для тебя не будет секретом и то, что в глубочайшей древности люди владели генной инженерией на

очень и очень высоком уровне. Но что давало им такие таланты, как ты думаешь?

Румянцов не успел ответить и даже подумать, как босс констатировал:

– Они могли использовать энергию параллельных миров. Да, каперанг, изучая материалы и готовясь к экспедиции под кодовым названием «Снежный юг», не впервой слышал о существовании неких загадочных параллельных миров. Но его мозг пока не воспринимал то, что, казалось, было известно и понятно даже Рогнеде Павловне Чаковской, которая согласно кивала головой, слушая Арсения Алексеевича.

– Скажу тебе больше, – насытившись и отставив тарелку, продолжил Архимандритов, – генной инженерии мы коснулись не благодаря древним историческим знаниям, обнаруживаемым и получаемым при некоторых раскопках в разных местах планеты. А благодаря тому, что нам удалось найти входы и выходы в иные миры. Это открытие принадлежит русским, попавшим в Антарктиду. Но осваивать загадочную энергию и получать новые технологии они стали вместе с немцами, еще в начале XX века. Тебе уже известно, откуда взялись уникальные проекты в 30–40-е годы, и как был сделан учеными технический прорыв. Мир, хотя и знает о существовании всяких там НЛЮ, летающих тарелок, квакающих огромных кругов в океане, но не знает, что же это на самом деле, есть ли они в действительности, и кому принадлежат. Возможно, когда-нибудь тайны будут раскрыты. А пока только слухи на уровне вымыслов. Рогнеда Павловна потянулась за минеральной водой, и пока она наливала воду в бокал, в гостиной установилась таинственная тишина. Казалось, в этой таинственности даже огонь свечей в тяжелых золотых подсвечниках, стоявших на обеденном столе, истончаясь, вытянулся ввысь, к пропадавшим в тени сводчатым потолкам. Бросив взгляд на босса, актриса предложила наполнить бокал Румянцову, но Иван отказался мотнув головой. Сосредоточив взгляд на горящем язычке свечи, Архимандритов молчал, пока пламя не задергалось, не затрепетало.

– Русские и немцы были солидарны в освоении Арктики. Товарищ Сталин не зря допустил Гитлера и его ученых к этим работам. Вольф Гитлер стал самым большим фанатом этих проектов. Когда ты

получишь документы о мистической составляющей политики фюрера, об обществе Туле и Анненэрбе, о червячных переходах и полой Земле, о Копье Судьбы и о Граале, наконец, ты поймешь, почему фюрер был фанатично предан кажущимся безумными проектам. И в Аргентине, и на Пылающей Земле, и на шестом континенте были созданы подземные базы, огромные подземные комплексы, города для проживания и созидательной работы многих тысяч людей. Даже Вторая мировая не помешала реализации этих грандиозных планов. Когда американцы поняли, что происходит, они предприняли все, чтобы вывести Гитлера из игры. Это было увлекательнейшее время соревнования разведывательных элит. Ты знаешь, сколь много сделала наша Иродиада, – тепло посмотрев в сторону Рогнеды Павловны, улыбнулся Арсений Алексеевич. Та ответила взаимной улыбкой много знающего человека.

Румянцов, бросив взгляд на Чаковскую, уловил в ней словно бы бестиарские черты, будто увидел одновременно глубокую старуху и девственницу. Но образ мгновенно изменился, только чаще дышала женская грудь и вздымалась массивная золотая брошь, приколотая к темному дороговому платью.

– Ты хочешь знать, что стало с теми людьми, учеными, инженерами, разведчиками, с военными, которые участвовали в проекте, с теми лодками и кораблями, которые пропадали в тех местах. Почти все они остались *там*, на подземных базах, в своих райских городах. *Этот* мир им не нужен. Другие же, получив новые познания и умения, – Архимандритов вновь бросил взгляд на женщину, – возвращаются. И даже получают право наведываться в те места неоднократно.

Румянцов наконец понял, что его босс обладает таким *правом*, и что его познания черпаются из Вселенского разума, и что даже находясь с ними здесь и сейчас, он может пребывать *над* человечеством. Это было слишком таинственно и слишком невероятно, чтобы поверить; но каперанг знал, сколь невероятно то, что происходит в секретных институтах и лабораториях Архимандритова, и оттого не удивился. Его гибкое мышление приняло очевидность невероятного; он лишь приподнял руки и, опираясь локтями в стол, опустил подбородок на сложенные словно в молитвенном жесте ладони. Сейчас, весь во внимании, он был очень красив и вдохновенен

в свете горящих свечей и дворцового интерьера. Рогнеда Павловна не смогла избежать искушения, чтоб не остановить длительный взгляд на молодом офицере.

– Когда адмирал Дениц высказался насчет отысканного рая для фюрера и новых людей, которые будут процветать в этом раю, американцы ухватились за идею. Их задача заключалась в том, чтобы убрать выполнившего свою миссию Гитлера. Но как устранить с дороги Личность и чем можно купить Того, кто владеет внеземными технологиями? Плата в этом деле может быть только одна – жизнь. Ценнее жизни на Земле нет ничего. Американцы всерьез намеревались подменить людей, живущих и работавших в подземных базах, – и немцев, и русских, – на *своих*, чтобы и в самом деле через десятилетия выросли *новые люди*, которые в случае катастрофы планетарного масштаба населят Землю. Реальное воплощение замысла американцев приобрели после завершения Второй мировой.

Рогнеда Павловна явно намеревалась что-то добавить, но вместо этого сделав вид, что у нее пересохло во рту, опять налила полный бокал минеральной. Но Арсений Алексеевич подождав, пока женщина поднимет голову и заметит его разрешающий жест, кивнул головой, подкрепив кивок взмахом кисти.

Актриса, едва пригубив ледящей воды, воодушевленно добавила:

– Хотя мысль о том, что Земля полая, встречается в древних преданиях разных народов, все же особое развитие она получила в Америке. В 1818 году автор идеи Полой Земли, бывший капитан пехоты Клайв Саймоне пообещал доказать ученым умам, что Земля полая и населена внутри. Его сын и страстный последователь Америк Веспущис выказал предположение, что *«когда времена изменятся, десять исчезнувших колен Израилевых будут обнаружены живущими внутри внешней сферы Земли»*. Американцы действовали в соответствии с этим заветом, не правда ли, Арсений Алексеевич? Разве не то же утверждает и Библия? Архимандритов, не сказав ни «да», ни «нет», отчего-то нахмурился, однако не рассердился, а перешел к фактам.

– В начале 1944 года Вольфа Гитлера вывезли в Патагонию, в апреле 1945-го Гимmlера – на Пиренейский полуостров, а более 30 000 деятелей Третьего рейха, – экспертов и ученых – *мы* поселили в

Южной Америке. Естественно, *мы* и *наши* коллеги из США сделали в прессу утечку, что эта цифра исчисляется не более чем сотней человек. А спецслужбы США, выполняя приказ администрации президента, самым «тщательным» образом «разыскивали» якобы спасшегося фюрера и членов его высшего руководства. Но разве тот, кто спрятал предмет у себя дома, станет искать его вообще?! Арсений Алексеевич откинулся на спинку стула. Гости расценили это как желание прекратить разговор. Рогнеда Павловна тихонечко кашлянула, и Арсений Алексеевич поднялся из-за стола.

– Отдыхайте, – бросил он соратникам. – Встретимся за ужином.

Глава 28

– Пойдем, я тебе что-то покажу, – предложила Рогнеда Павловна каперангу, когда Архимандритов оставил их наедине в каминном зале, куда они перешли из гостиной, чтоб выпить по чашечке чая. Исполненная в зеленых тонах эта зала приобретала интимный вид от обилия затемненных уголков и ниш, куда не было доступа свету от горевшего в камине огня. Но Румянцов нисколько не сомневался, что в этом уютном месте, как и в других покоях особняка, имеются миниатюрные камеры и подслушивающие устройства, и даже хорошо сокрытые от стороннего взгляда входы-выходы для хозяина.

Они синхронно поднялись с мягкого дивана цвета морских водорослей и прошествовали к лифту, минуя несколько коридоров. Совсем неожиданный для этого старинного сооружения лифт плавно спустил их в подземный мир. «Магриб подземного царства», – совершенно отчетливо услышал Румянцов, словно слова были произнесены в его голове, и произнесены *не* его внутренним голосом. Он скосил глаза на спутницу, она улыбалась.

Выйдя из лифта, они и в самом деле очутились в сказке; вокруг был искусственно созданный волшебный мир: среди диковинных полян экзотической растительности и цветущих роз оказались озерца и даже журчащие водопады. Их прогулка по подземным галереям больше напоминала сон, чем реальность.

Да, Папа Сеня знал магическое волшебство *подземного мира*; Папа Сатана получал некоторое удовлетворение, создавая чудеса в недрах, заменяя тьму подземелья на искусительную, сверхпритягательную роскошь. Подобной красоты Румянцов не видел, даже бывая в самых красивых местах планеты, в Юго-Восточной Азии и на девственных пляжах океанических островов...

– Рогнеда Павловна, – начал Румянцов, – помнится, вы рассказывали мне о любви Евы и фюрера.

– Тебя все еще интересует эта тема? – только из кокетства переспросила актриса и, идущая до этого чуть впереди собеседника, приостановилась и взяла его под руку. И вдруг Иван понял, что произошло то же, что уже было, что возникало между ними. словно

они вернулись в окрестности вокруг дачи в день рождения великой актрисы Чаковской, когда они гуляли, оставив гостей: и Гейер-Генерозова, и его иностранную подругу Кати в огромной квартире Рогнеды Павловны. «Странно, – отчего-то подумал в это мгновение каперанг, – что босс не пригласил на Селигер Эвелину Абрамовну». Но тут же мысль показалась нелепой и пустой. Потому что как только Чаковская прикоснулась к нему, между ними произошел *контакт*.

Он внимательно посмотрел на женщину, пытаясь уловить свечение, исходящее от нее самой и более интенсивно, – как ему показалось тогда, в поздний ноябрьский вечер, – от ее лица, головы. Он и в самом деле уловил едва видимый свет. Исходящая от женщины энергетика, как и в первый раз, объединила их, став каналом, по которому каперанг получал информацию прямо с чужого мозга и... передавал свою.

Он понял, что ему вовсе не надо говорить, чтобы она поняла его. А поняв, стал контактером идущей рядом с ним пожилой женщины, кажущейся в эти минуты более молодой и красивой.

– Я знаю, что ты хочешь знать, – *рассказывала* Рогнеда Павловна, – тебя интересует тайна: что случилось после ночи любви, проведенной Евой в объятиях Сталина, когда она со своим возлюбленным тайно посетила Крым.

– Да, – *подтвердил* Иван. – Помнится, вы сказали, что это происходило в Магараче, и что она забеременела от нашего вождя...

– Так оно и было, – *сказала* актриса, не размыкая губ. Словно повторила сказанное раньше: – Они встретились: Ева и товарищ Сталин, и провели бурную ночь. И она забеременела от нашего вождя, забеременела в первый и последний раз. Ее возлюбленный, оставаясь без нее на целую ночь, знал, с кем она... как знал после, чьего ребенка она носит под сердцем. – Она родила? – *допытывался* Румянцов.

– Конечно, Гитлер привез в Германию свою возлюбленную беременной, хотя они оба еще не знали об этом. Ева выносила ребенка и в срок родила девочку. Но она не стала матерью.

– Я правильно вас понял, она не...

– Совершенно верно. У нее отняли ребенка.

– Девочку забрал отец?

– Всю эту историю лучше знает твой босс.

– Вы намеренно ушли от ответа.

– Считай, что ее увезли к отцу. И это было роковое решение... для него. – ?!

– После того, как у Евы отобрали ребенка и стерли память о рождении дочери... а ты знаешь, как это умеют делать в наших лабораториях, и делают уже давно, практически с 20-х годов... эта несчастная женщина, лишенная памяти, но не лишенная инстинкта, стала отчаянно просить своего возлюбленного фюрера подарить ей собачку, маленького щенка. – Какая трогательная история, достойная романа.

– Советский агитпроп никогда не позволит себе подобный сюжет. Там, где бред принимают за правду, *правда* не нужна. – Рогнеда Павловна, вы же... так не думаете?

– Сейчас мы с тобой думаем иными категориями, дорогой друг. И потом, мы же *не* разговариваем, так что нас никто не услышит. – Вы правы, но я хочу знать судьбу этого ребенка.

– Не в моих полномочиях открыть тебе всю тайну. С этим вопросом тебе нужно обратиться к боссу.

– ...если вопрос окажется из разряда *несвоевременных*, или *лишних*, и босс посчитает, что я проявляю недозволенное любопытство, то я окажусь в подвале. А этого мне ну никак не хочется.

– Знаю, потому и я смолчу... конечно, нас никто не слышит... но те возможности, которыми обладает Сатана, поражают воображение любого. Когда ты познаешь судьбу Адольфа Гитлера, ты познаешь степень его трагедии. Я же хочу, чтобы ты хотя бы отчасти понял степень трагедии его любимой женщины.

Рогнеда Павловна довела его до замаскированной в нише грота скамье, и когда оба сели, их взору предстала удивительная картина низвергающегося на несколько этажей вниз водопада, впадавшего в подземную реку. Была ли река искусственной, или...

«...это и есть сам *Стикс*», – пронеслось в голове у Румянцова, – точно он не знал.

Разительный контраст между закованным в лед Селигером и заснеженными просторами, в глубине которых разместились диковинные плодоносящие сады, благоухающие розарии и радужные водопады! – быть здесь осознавалось собеседниками как сопричастность к тайнам, не доступным ни одному человеку на Земле, лишь самым-самым избранным. Тем, кто на службе у Арсения

Алексеевича Архимандритова, кто работает на Папу Сеню, на Сатану. «Не было бы проверки с *Хорнами*, не было бы для меня подземных садов, – подумал капитан 1-го ранга, – ...не было бы рассказа о женщине, которой не суждено было стать матерью. Что же мне откроют в следующий раз?»

Они сидели какое-то время молча, почти соприкасаясь локтями; Рогнеда Павловна, прикрыв глаза, дышала полной грудью удивительно благоуханным озоном. Каперанг делал то же, слушая пение водных струй, обрывающихся на лету в пропасть. За их спиной тоненько журчал ручеек, и – даже показалось Ивану, чивикала какая-то сладкоголосая пичуга. Он прислушался, но наваждение не исчезло. Неожиданно для обоих пребывающих в состоянии блаженной релаксации, с растущего рядом цветущего куста вспорхнул невидимый птах и затрепетал в воздухе крыльями прямо над головами.

«Чур меня, чур!» – буквально вскрикнула женщина, и Румянцов услышал ее мысль.

Он оборотил к ней лицо и раскрыв глаза, с удивлением обнаружил подле себя красивую молодницу, виденную им на фотографиях 30-х годов и еще единожды – в позднюю прогулку по дачному участку. Рогнеда Павловна вновь была барышней, но и тогда уже опытной интриганкой; диверсанткой; разведчицей; шлюхой; юной вавилонской блудницей; соратницей по воплощению международных планов *партии Сатаны*...

– Молчи! Молчи и слушай, – вслух сурово произнесла она, словно учуяв негатив в его удивленном внимательном взгляде. – Твое удивление мне приятно, я и сама чувствую, как из лягушки, сбросив мерзкую старческую кожу, превращаюсь в царевну. Но этот процесс имеет обратное свойство. Ты мне симпатичен, и потому я еще раз попрошу тебя: будь осторожен. Через пару месяцев, не позже, тебе предстоит длительный и сложный поход к Антарктиде. Скажу так: если что-то с тобой будет происходить непонятное, ирреальное, фантастическое, сразу не воспринимаемое мозгом, – не паникуй, не отчаивайся, не думай, что сошел с ума. Тебе поможет тот опыт, который ты уже имеешь, не так ли?

– Рогнеда Павловна, не хотите ли вы сказать, что чудовищные испытания, на которые отправляет начальство, наделяют меня защитной функцией?

– Именно это я и хочу сказать, именно это, – певуче прошептала юная актриса. – Смотри на меня, не отводи взгляд, я хочу тебе нравиться, хочу, чтобы ты вспоминал меня именно такой. Рогнеда Павловна вздохнула, но тут же кокетливо улыбнулась.

– Пора! – сказала она, порываясь встать. – Или ты хочешь еще погулять тут?

– Побудем немного, – предложил каперанг и погладил мягкую ладошку Рогнеды Павловны.

Глава 29

Пока они шли то по мощеным тропинкам, то по выложенным плиткой узорчатым дорожкам, постепенно приближаясь к шахте лифта, Рогнеда Павловна из юной девы превращалась в ухоженную пожилую леди. Но каперанг не мог видеть этого процесса, так как актриса пожелала идти впереди него на два-три шага; он лишь через какое-то время понял, что ее поступь стала чуть грузнее и плечи сникли, связнув от прожитых лет.

И уже на последнем повороте перед тем, как перед ними покажутся двери лифта, она остановилась и произнесла:

– Я как-то говорила тебе, что, возможно, в будущем я появлюсь перед тобой в ином облике. Когда ты преодолеешь расстояние и попадешь *туда*, в иные миры. Но, возможно, наша встреча и не состоится. Помни: когда имеешь дело с иными мирами, не все зависит от нас самих!

Прогулка завершилась; пара вошла в просторную кабину с диванчиком, и лифт бесшумно поплыл, вынося их в мир более реальный, чем тот, который они посетили.

Они прошли в зеленую каминную залу, посмотреть, нет ли там хозяина. Там никого не было, как и в пустой гостиной. Походив по залам и коридорам, гости поднялись в свои апартаменты. Рогнеда Павловна предпочла отдохнуть в преддверии ужина, а Иван Михайлович надеялся в одиночестве осмыслить полученную информацию. Перед его взором долго стояли увиденные живописные картинки, и он, сидя в большом и уютном кресле, похожем на то, что стояло дома в его гостиной, все проваливался и проваливался в бездонный колодезь желанного сна.

Краткий сон принес его мозгу отдых, и когда каперанг Румянцов спустился к ужину, он был свеж и полон сил. Наряженная в чудесное вечернее платье, у дверей в гостиную его уже ждала актриса. Тут же, незаметно с какой стороны, появился Арсений Алексеевич. Был ли он все это время в особняке, отдыхал, работал или отсутствовал, – никто не мог знать наверняка.

Группа церемонно, как подобает гостям, приглашенным на званый ужин, прошла в залу, исполненную дворцового лоска. На столе уже стояли яства, в основном дичь, отменно приготовленная кулинарным гением. В большой золотой вазе, украшенной драгоценными камнями, лежали спелые фрукты со всех концов света.

Это был чудесный день, редчайший из всех, проведенных подле босса, – столько в этом дне было красоты, изысканности, волшебных прелестей и реально ощутимого отсутствия смертельной опасности.

Они трапезничали не более получаса, пока босс не нарушил молчание. Ему явно не терпелось продолжить дневной разговор, досказать что-то важное.

– Знаю, знаю, как тебе нравится у меня. Заслужишь, будет и у тебя такое. Архимандритов усмехнулся и поморщил усики-щечочки, похожие на те, что носил когда-то фюрер. Отчего Румянцов почувствовал: *такого* у него не будет никогда.

– Та командировка, в которую я планирую тебя отправить, может изменить наши отношения. Не в лучшую или худшую сторону, а изменить вообще. Ты можешь... перестать быть тем, кто ты есть. Впрочем, думаю, тебе эта экспедиция пойдет на пользу. Да и я узнаю наверняка, как далеко тебя допустят.

«Допустят? Допустит *кто* или *что*?» – взорвался Румянцов мыслью, предвзято невысказанное и неведомое, скрываемое от него его всемогущим, всезнающим боссом.

– А ведь эта мысль не так уж плоха: *все гениальное – в простом*. И те знания и умения, которыми владели люди в очень-очень далекой древности, – а уж это мы с тобой должны понимать, – напрямую связаны с нами, с нашей современностью. Это для дилетантов история представляет собой короткие временные отрезки. Мир развивается последовательно в виде определенной спирали. И древняя, и новая история, известная человечеству, всего лишь виток, начатый из прерванной десятки тысяч лет назад Истории уникальных человеческих возможностей. Наука зашла в тупик, ученые загнали себя в тупиковую позицию, когда тело любого живого организма стали считать просто физическим телом, исключив его составляющие: геном *материальности*, геном *водный*, геном *эфирный* и геном *временного пространства*. Этот вывод сделает всякий, кто побывает в параллельном мире. И именно к такому выводу пришли и русские, и

немцы, нашедшие входы и выходы в мир внеземных цивилизаций. К такому же выводу пришли и американцы, подменившие там своими людьми немцев... Это знание о четырех телах является знанием о матрице жизни на планете.

Босс кивнул референту, приглашая того к разговору, к мирной беседе после сытного, но легкого для желудка ужина; Румянцов, переполняемый сдерживаемыми эмоциями, спросил:

– Насколько я понимаю, люди, жившие в самые далекие, скажем так, доисторические времена, знали об этом, и в своей деятельности и науке постоянно руководствовались этими уникальными знаниями?

– Безусловно. Ты сам, курируя работу талантливого ученого, генерал-майора Станислава Гейер-Генерозова, отчасти знаешь, что происходит в генной науке. В наших институтах и лабораториях происходит уникальный прорыв, скачок в необозримое будущее, если сравнивать с общепринятой наукой. Современная генетика приняла в расчет только геном материальности, заключенный в ДНК. И тут же ученые-генетики заявляют, что он несет не более 10 % всей генной информации. Нельзя не согласиться с их выводами. Ибо остальные 90 % следовало бы распределить на три оставшихся генома из матрицы человека. Тебе нужно побывать в древних храмах Египта, в пагодах Индокитая, чтобы ты смог сделать определенные выводы, к примеру, что именно в храмах и пагодах обнаруживается самый настоящий, созданный людьми генно-инженерный институт познания мира.

– Да, Арсений Алексеевич, думаю, знаю, о чем вы говорите. О странных изображениях-откровениях, которые встречаются там.

Рогнеда Павловна, до этого молча внимавшая разговору, кивнула головой и, поправив выбивающийся из прически локон, добавила:

– Во многих древних свитках и письменах можно обнаружить удивительные рисунки. К примеру, в кувшинах или на блюдах лежат головы, другие части человеческих и даже звериных тел. И рядом – движутся живые человеки, собранные из разных частей. Или вот, такой: огромный гигант вводит микрошприц в яйцеклетку. Разве это не загадки для материалистов?

– Давно ли ты отошла от материализма, Рогнеда? – пожурил Архимандритов, но его глаза остались холодны.

Рогнеда Павловна, деликатно отставив мизинец, погладила переносицу. Ее вмешательство в разговор пока не требовалось; дозволения *не* было...

– Впрочем, все это имеет место, – все же поддержал замечания гостя Папа Сеня, – еще можно обнаружить свидетельства истории *дославянского периода*. После того, как канули в вечность дославянские ученые и последние, кому еще открылись вселенские знания, древние египтяне, – мир пошел по пути дегенерации и самоуничтожения. Не думай, что это скорый процесс. Именно там, в Антарктиде, когда туда пришли русские, а после и немецкие ученые, им удалось открыть эти и другие истины, вступив в отношения с параллельным миром.

– Хотите ли вы сказать, Арсений Алексеевич, что человек – лишь объект для экспериментов неведомых сил?

– Рогнеда любит приводить примеры. Ну что ж, возьмите гигантов, которые жили на Земле не так и давно, – каких-то 15–17 тысяч лет назад. Ты, – Архимандритов обратился к своему референту, наставив на него короткий тонкий палец, – был на Тибете, знаешь, что там они тоже жили, огромные, давно исчезнувшие люди. Бок о бок с обычными людьми, надо полагать, наших с вами размеров. Судя по древним свидетельствам, выражаемым в рисунках, гиганты относились к маленьким людям как к объектам своих экспериментов. Можно сказать, они перешивали их заново.

– Гигантские портные с медицинскими инструментами в лапах! – бросила реплику Рогнеда Павловна.

– Они стремились создать из предоставленного им генетического материала в виде человек и животных более совершенные существа. Комбинирование тел людей и животных – обычное дело для этих умельцев. Разве человек с птичьей или львиной головой – редкое изображение на древних пирамидах и храмах?

– Арсений Алексеевич, я не смею, конечно, подвергнуть сомнению ваши слова, но последнее вызывает улыбку. Ведь сейчас не встретишь людей с головами животных. Хотя, возможно, они есть в нашем институте у генерала Генерозова.

– Хорошо, что я тебя поставил не прямым начальником, а координатором Генерозова. Ты не должен интересоваться, *каким*

способом он выдает нам нужное, а должен лишь пользоваться готовой *продукцией*, которую он предоставляет.

Это не намек, это – предупреждение; и Румянцов невольно польстил, разряжая обстановку:

– Если древние гиганты стремились создать более совершенных существ, то тогда можно судить, что они исполняли благородную миссию.

Архимандритов на какое-то время замолчал, видимо, не удовлетворенный своим рассказом или тем, что ему приходится говорить на эту тему с человеком, который не был в параллельных мирах, и не владеет *особыми* знаниями. Ну что ж, через некоторое время ему придется во многом удостовериться. Для этого он и пригласил Румянцова сюда, чтобы подготовить, помочь.

Иван, поняв, что мысли босса направлены к его личности, попытался чуть изменить направление разговора:

– Вы полагаете, те, кто возводил пирамиды для захоронения царей в Древнем Египте, не только знали все это, но и использовали свой мозг на 100 %, в отличие от современных людей?

Архимандритову хотелось высказаться, что вот, мол, вернешься из тайной экспедиции, и тогда у тебя не будет возникать наивных вопросов. Но он начал с того, что сказал:

– Ты провел детство в Бельбеке, под Севастополем. И ты, благодаря своей работе здесь, уже знаешь о существовании там подземных пирамид. Но ты не проникал в них. А мы еще в 30-е годы самым тщательным образом их исследовали. Правда, в Российской империи пирамиды изучали и в XIX веке, и в самом начале века XX. Во время исследования пустот в Бельбекской долине нами было обнаружено вещество в виде сплава металлов, который как мы убедились, невозможно получить при тех температурах, которых можно достичь на нашей Земле. Что это, пришельцы из космоса? Или этим умением владели жившие в доисторические времена здесь люди?

Архимандритов сделал короткую паузу, и легонько побарабанил кончиками пальцев по белоснежной скатерти.

– Нам удалось установить происхождение этого уникального сплава.

– Да, Арсений Алексеевич, я встречал в лаборатории запись о существовании сплава, имеющего отношение к Бельбеку. И что, тайна

раскрыта у нас? И устройство, благодаря которому можно осуществить такой сплав, у нас уже существует?

– Видишь ли, точно такой же сплав удалось создать в условиях Антарктиды, проще говоря, в параллельном мире. Но именно *там* мы узнали, что этой тайной овладели земляне еще несколько десятков тысяч лет назад. Что касается устройства для производства сплава, то оно, а точнее, чертеж-модель устройства мы получили благодаря связям с параллельным миром. Изготовили даже более крупную установку, но запустить ее в действие в нашем мире не удалось. А в параллельном мире было подсказано, что для того, чтобы это осуществить, необходимо произнести кодовые заклинания...

Румянцов с трудом сдержал улыбку, вспомнив мультфильм, где карикатурный герой приказывал: «*Сим-сим, откройся!*». Архимандритов, прочитав насмешливую мысль, тут же отреагировал:

– Зря скрываешь улыбку, вспоминая сказку. Дело в том, что твой мозг функционирует на 20 % от его энергетических возможностей, в то время как у большинства он работает и того меньше, – от 4 % до 10 %. Так что ты – редкостная бестия во плоти. Но работай твой мозг еще на 80 %, ты бы хорошо понимал и воспринимал то, о чем я говорю. Знай мы эти заклинания, или молитвы, или коды, – как тебе угодно, – построенное нами устройство могло бы включиться и создать чудовищные температурные режимы, и мы бы имели не менее чудовищные сплавы. Скажем, те, благодаря которым мы, как и наши заокеанские друзья...

И тут Арсений Алексеевич неожиданно для сидящих за столом звучно хмыкнул.

– ...хотя я и не смеюсь, но мне смешно! Это русские и немцы на своих базах в Антарктиде еще к январю 1941 года из специальных технологических устройств создали машины, впоследствии получившие название «система Стелс», что означает *невидимка*; построили экранолеты, или звездолеты, или планетолеты, – название не имеет значения... Но увы, параллельный мир нам не открыл тайну заклинаний, а лишь предоставил технологии.

Архимандритов умолк, и Иван Румянцов почувствовал, что босс ждет очередного вопроса; но огромным усилием воли сдерживал себя, ощущая буквально, что Архимандритов управляет его мозгом, направляет формирование его мысли, вытягивает эту вложенную в его

мозг мысль, заставляя озвучить... и о, черт! – референт не заметил, как с его языка сорвалось:

– Арсений Алексеевич, это какой-то идиотизм, либо я превращаюсь в кретина, либо что-то в этом мире не так.

Архимандритов, искривив в улыбке тонкие губы, поддерживая его, перебил:

– Ну-ну, продолжай, продолжай.

– Но как иначе понять, что Сталин и Гитлер разводят на весь мир скандал за какую-то румынскую нефть, и Гитлер 22 июня начинает войну по освобождению России от евреев, комиссаров и коммунистов. Оба владеют таким гигантским оружием, ракетами, экранолетами, а война превращается в обычную мясорубку. Немцы в шоке, что им сдаются миллионы солдат Красной армии, а Красная армия не желает вести боевые действия с недавними союзниками и защищать навязанную в 1917 году советскую власть.

– Ты только не озвучивай свои мысли где-то еще, помимо моих кабинетов; не забывай, что служишь Советскому государству... Скажи, как ты видишь развитие событий, если бы из той далекой Антарктиды Гитлер обрушил на Сталина свои экранолеты, а тот – свои. Никак не видишь... Те, кто создавал такие машины и кто управлял ими, состояли в особом, неземном союзе. Работавшие в недрах Антарктиды сотрудничали с параллельным миром, – там, где их мозг функционировал по нашей земной шкале на все

100 %, и... более. То есть, максимум максимума! Им и в сознание не могла придти подобная абсурдная мысль воевать друг против друга! Условно говоря, работавшие там перестали быть людьми-землянами с присущими землянам мыслями и страстями.

Архимандритов сделал глубокий вздох, словно устал и разочарован, что приходится элементарные истины истолковывать людям, еще до конца не понимающим его усилий.

– Когда в 1947 году до Южного полюса добрался адмирал Ричард Бэрд, перед ним вдруг появился голубоглазый незнакомец, и вежливо приказал: «Адмирал, я советую вам покинуть нашу базу. В противном случае мы вынуждены вас атаковать». Знаешь, кем выглядел тогда американский адмирал, приведший в Антарктиду армаду боевых кораблей США в глазах этого незнакомца? – бессильным муравьем. А кто был тем незнакомцем, как думаешь? Недавний генерал-полковник

люфтваффе Эрнст Удет, якобы застрелившийся в 1941 году. Благодаря стопроцентному функционированию мозга, немец, не владевший кроме своего никаким иным языком, мог свободно включаться в программу мышления человека любой национальности и *говорить* его родным языком. Я не присутствовал при дальнейшем развитии событий, но знаю, что Бэрд был поражен и тем обстоятельством, что представший перед ним человек не был одет в меховые одежды, а вышел в голубом, облегающем его тело костюме, без головного убора и без рукавиц. Тогда как температура вокруг была минус 75°. Говорю еще раз: люди, познавшие благодаря параллельному миру стопроцентное функционирование своего мозга, начинают жить другими измерениями...

– Арсений Алексеевич, вы говорили о каком-то устройстве, для работы на котором требовалось знать некие заклинания. Значит ли это, что если бы нам удалось познать тайну заклинания, то мы бы обрели мощь энергетики, которой владели древние люди. Ведь так, они действительно работали на подобном устройстве? И благодаря этому могли сооружать свои гигантские пирамиды, или без особых проблем проникать в толщу почвы Долины царей?

– У нас нет точных свидетельств, работал ли мозг египетских фараонов на все 100 %, но потенциал их мозга был действительно очень огромен. Однако этого умения не было у вассалов и слуг. Да, наверняка древние египтяне использовали уникальное устройство с инопланетными технологиями для строительства пирамид и городов, а также проникновения в толщу земли. Когда я говорю «устройство», ты должен понимать, что обычным человеческим языком совершенно невозможно описать ни его функции, ни его самое... Босс потянулся за хрустальным бокалом с соком; в момент, когда он отпил первый глоток, свеча, находившаяся ближе всего к нему, резко замигала и словно сдутая порывом невидимого ветра, погасла. Арсений Алексеевич непонятно чему усмехнулся, тогда как губы Рогнеды Павловны прошептали: «Свят, свят!». Не наученная креститься, она только тревожно повела вокруг головой. Могла ли женщина, знавшая многое о параллельных мирах, и даже бывавшая там, бояться чего-либо? – подумал Румянцов. «...могло ли вообще это бесовское отродье чего-либо бояться на этом свете?» – прочел у себя в голове

навязанную извне чужую мысль Иван, и, чертыхнувшись про себя, также потянулся за стаканом с охлажденным ананасовым соком.

– Аналогичное устройство, – продолжил Архимандритов, когда слушатели вновь сконцентрировали внимание на рассказчике, – еще задолго до 1941 года предстояло увидеть нашим людям в Антарктиде. Но их тогда это не заинтересовало, хотя сведения о нем они все же оставили потомкам. Это устройство, или даже устройства работали на энергии пяти элементов: на энергии четырех тел человека, о которых мы уже говорили, и его самого, как управляющего этим устройством. В определенной мере это устройство – аналог тех экранолетов и других чудес техники, которые были созданы во второй половине 30-х годов благодаря контакту человека со вторым измерением, или параллельным миром, или внеземными цивилизациями, – называй, как хочешь. Человек, мозг которого работает на 100 %, способен взлететь в воздух и летать, перемещаясь в пространстве с огромной скоростью, что известно издревле как *левитация*. И, значит, мозг управляет человеком, состоящим из четырех тел, или геномов. Обладая таким мозгом, человек мог направлять работу универсальных инструментов, сооружать огромные устройства в виде пирамид, памятников, дворцов, мостов и прочее и прочее, но и проникать в глубины земли, тем самым пробивая путь ко входам и выходам в параллельные миры. Вращаясь с чудовищной скоростью, Человек способен был передвигаться под водой и под землей, и возвращаться обратно. Словом то, что я тебе говорю, – втолковывал Арсений Алексеевич своему референту, – было открыто в Антарктиде. И тайна этой связи с параллельным миром стала достоянием русских и немцев. Но XX век тем и характерен, что *причастные* сумели утаить от человечества свою тайну.

– Но, Арсений Алексеевич, – не выдержал Иван Румянцов, – если то, что вы говорите, имеет место, то... все представленные обществу события с начала XX века являются не чем иным, как дичайшим фактом фальсификации Истории. А не придется ли нам, уважаемый Арсений Алексеевич, ответить перед теми, *кто* в параллельном мире предоставил нам эти познания Вселенной за то, что мы... часть людей – сокрыли от земной цивилизации, прикрыв болтовней о трагедии минувшей войны?

– Твой вопрос риторический. Опустись с высот на землю. Наш хороший друг Дэвид Бросман считает себя одним из патриархов

человечества, так вот, он утверждает, что для того, чтобы в Америке человек чувствовал себя стопроцентным американцем, ему надо быть *масоном*. А для того, чтобы наш человек чувствовал себя достойным гражданином советского государства, он должен быть *членом партии*. Ведь ты же сам неоднократно говорил мне, что на заводах и в колхозах люди прямо так и утверждают: хочешь иметь больше заработную плату – вступи в партию. У нас населения 220 миллионов советских людей, а в рядах партии чуть больше 17 миллионов, – авангард власти. А сколько среди этого авангарда элиты? – райком, горком, обком, крайком, реском, и наконец, ЦК партии. Вот ты, мой ведущий референт, капитан 1-го ранга – номенклатура Политбюро ЦК партии, твой статус таков, что перед тобой даже секретари обкомов партии вынуждены будут преклоняться. Ты лично им *до одного места*. Но они почитают недостижимую номенклатуру, в которую безумно стремятся попасть. Лезут и будут лезть, словно свиньи к заветной кормушке. Скажи, им нужно знать об этом невероятном устройстве? Нужно ли им знать о какой-то там Антарктиде, о входах и выходах в параллельный мир? О том, что какой-то генерал-полковник люфтваффе ушел из простого мира высоких чиновников авиации целой страны, чтобы остаться в неизвестном мире на шестом континенте? Нужно, а?!

Румянцов покачал головой в знак отрицания. Безусловно, дегенератам, рвущимся к кормушке, подобные уникальные знания не нужны... но остается вопрос: *кто* сделал людей дегенератами.

Архимандритов выдержал недолгую паузу.

– А представь себе, что Гитлер жив и сейчас. Вот вышел бы он, и мы бы представили его народу, и он заговорил о технологиях и параллельных мирах. Кто бы ему поверил? – Да его бы в психушку посадили.

– Вот видишь, как все просто. Словом, ты все хорошо понимаешь, и если ты, человек много узнавший и многое еще узнающий, скажешь где-либо об этом, ты окажешься... – Архимандритов улыбнулся знаменитой улыбкой Люцифера. – ...я окажусь в палате, где у нас находятся *Гитлеры*.

– И это правда. Ты знаешь, в моем ведомстве никогда не бывает предателей. Они не могут появиться у меня.

Однако последнее утверждение не совсем соответствовало истине; и даже в самом сверхсекретном ведомстве, коим было

ведомство Арсения Алексеевича Архимандритова, имелись и подкупленные, и предатели. С чем каперанг Румянцов столкнется лично.

...В послеобеденное время следующего дня Папа Сеня вместе с гостями покинул особняк на Селигере, чтобы вылететь в столицу. Краткий отдых закончился. Стоявший на ближайшем военном аэродроме в ожидании хозяина вертолет Ми-8, приняв ценных пассажиров, взлетел в пасмурное небо.

Глава 30

Глубокой ночью в Москве, в корпункте одной из ведущих газет США за рабочим столом сидела *Шерри Клайн*, аккредитованная в советской столице еще полтора года назад. Если бы в этот кабинет заглянул Иван Румянцов, он бы без труда узнал в американской журналистке милую *Кати*, приятельницу его заместителя генерал-майора медицинской службы Станислава Исаевича Гейер-Генерозова, увиденную им на дне рождения Рогнеды Павловны Чаковской.

Еще после полудня Шерри взяла интервью у видного советского деятеля, давшего комментарий в связи с предстоящей встречей на высшем уровне в Женеве. Предпочитавшая работать в ночные часы, когда редакция пустовала, журналистка готовила материал, пытаясь не выдавать бумаге язвительные мысли по поводу советской политики.

Вдруг творческую тишину нарушил резкий телефонный звонок. Шерри вздрогнула; в столь позднее время в корпункт практически никогда не звонили. Подняв трубку, она вскоре поняла, что звонят из Штатов, где в это время было около восьми вечера.

– Шерри, это ты?

Слегка искажаемый мембраной и расстоянием голос показался Шерри смутно знакомым.

– Да, а кто говорит?

– Боже мой, Шерри, не могу поверить, что ты в такое время еще на работе, у вас же там ночь.

– Вильма, ты? – попыталась выяснить озадаченная журналистка, памятуя, что ее университетская приятельница Вильма еще ни разу не звонила ей в Москву.

–

Ну да, я, а кто же еще? Мне дали твой телефон, и я позвонила, хотя не надеялась тебя застать. Сколько же прошло лет... – Как твои дела, Вильма?

– Слушай, Шерри, – переходя к делу, загадочно сообщила собеседница, – я даже не знаю с чего начать. Это все очень сложно и даже страшно... – Что стряслось? – не выдержала журналистка.

– Понимаешь, это касается... ну, я думаю, ты поймешь кого я имею в виду... Это касается одного твоего близкого московского приятеля.

– Слушай, ты о ком? – все более недоумевая и раздражаясь, спросила Шерри Клайн.

У нее не было американских приятелей в Москве, тогда как «близким московским приятелем» мог быть только один – Станислав Гейер-Генерозов. Но откуда об этом человеке смогла узнать ее сокурсница по университету, с которой они давно не виделись? Пока понятно только одно: ее служебный телефон Вильма могла выяснить через коллег, ведь она сама работала в каком-то женском журнале, кажется, кто-то говорил Шерри, – в порножурнале.

Из Нью-Йорка тем временем неслись слова, ставившие ее в тупик.

– Послушай, Шерри, это долгая история, – когда и где мы познакомились с твоим другом, и зачем он мне. Ну, словом... я не могу связаться с ним сейчас, а он мне очень нужен. Я бы хотела, чтобы он позвонил мне, и чтобы ты коечто передала ему с моих слов... ну, от меня...

– Постой, Вильма, постой, мне кажется...

Ей хотелось предупредить, даже закричать в телефонную трубку: «Мне кажется, тебе не стоит говорить об этом по телефону и называть имя нашего приятеля...» Шерри бешено соображала, не зная, что предпринять: выслушать или остановить приятельницу. Ведь сотрудников корпункта уже не раз предупреждали, что *русские кроты* внедряются не только в связь посольств, но и пресс-служб, и корпунктов. Как дать об этом знать, не выдав себя и не подставив генерал-майора, не навредив ему? А тем временем Вильма продолжала:

– Можешь передать... можешь записать...

– Ну хорошо, пишу...

На другом конце провода Вильма тоже замолкла в растерянности, поймав себя на мысли, насколько откровенной она может быть по телефону.

– Записывай: я напала на след...

– ...на след...

– Как бы это не сказать лишнего и чтобы тебе было понятней... – нелепо откровенничала Вильма, – тот телефонный номер с визитной

карточки, которую мне дал твой московский друг, принадлежит нью-йоркской организации, которая активно осуждает действия СССР в Европе и на других континентах. Он должен это знать, Шерри. Передай ему, что я действительно боюсь за него, за его карьеру... Какая чушь! Это было похоже на явную провокацию... какая карточка, какой телефон, и что за организация, о которой не знает Станислав, но просит связаться с этими людьми мало знакомую ему Вильму? Да, он недавно был в США, впрочем, он не в первый раз посещает Американский континент. Кто же хочет его подставить? И при чем тут она, Шерри Клайн?!

– Вильма, прошу тебя, обдумывай и взвешивай каждое свое слово, – шепотом, как заговорщица, произнесла Шерри.

– Слушай, Шерри, – также шепотом проговорили ей в ответ, – передай ему, что тут, в Нью-Йорке он общался с нехорошими парнями. Понимаешь? Я провела свое расследование, я даже проверяла их счета, и оказалось, что эта организация... ну так сказать, крыша американской разведки. Пусть он обязательно узнает об этом!

«Господи! – подумала Вильма. – Достаточно ли ясно я говорю, поймет ли она всю опасность ситуации для него?»

«Господи!», – ужаснулась Шерри, чувствуя, как по ее коже поползли мурашки.

– Вильма, хватит, я кладу трубку. Если он позвонит, я все ему передам. Нам больше говорить невозможно. *Сорри*.

Положив трубку, она долго и опустошенно смотрела в одну точку, ощущая, как бешено колотится сердце, как сковывает руки и ноги тягостный и непонятный страх. Журналистка с трудом поднялась, прислушиваясь к тихим звукам в помещении и коридорах опустевшего на ночь корпункта...

* * *

Блестевший черным лаком ЗИЛ-118 руководителя госбезопасности страны, Маршала Советского Союза *Георгия Иосифовича Лазовского* въехал в основные ворота здания, когда-то принадлежавшего Русскому страховому обществу, а ныне – силовому ведомству. Ворота открыли два солдата, одетые в серые мундиры с

синими погонами. Прапорщик, взглянув на лобовое стекло и удостоверившись, кто сидит в автомобиле, отдал честь.

В это предрассветное время всеильный глава ведомства, получив информацию непосредственно от своего давнего друга и сослуживца генерал-майора Владимира Ефимовича Левинсона, немедленно направился на службу. Он поднялся не в свой кабинет на третьем этаже, а направился в специальное служебное помещение, находящееся в самом дальнем крыле корпуса.

Эксперты, получив чуть более часа назад запись телефонного разговора из Нью-Йорка с американским корпунктом в Москве, разгадали *кто* кроется под «близким другом» Шерри Клайн, и установили, что недавно этот «друг» возвратился из командировки, за время которой он посетил ряд стран Латинской Америки, побывал во Флориде, Нью-Йорке, где встречался со многими деловыми людьми.

Среди которых, естественно, оказались и надежные агенты органов безопасности советской страны, отслеживавшие каждый момент его пребывания за океаном. А тут этот прелюбопытный телефонный разговор!

Руководитель госбезопасности особо интересовался «другом», работавшим в аппарате секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова. Совсем недавно возвратившись с закрытого заседания Политбюро ЦК партии, он провел оперативное совещание с особо доверенными своими работниками, и напомнил им о тщательном отслеживании движения Станислава Исаевича Гейер-Генерозова. Возможно, этот человек был тем ключиком, с помощью которого руководитель госбезопасности сможет подобраться к могущественному Архимандритову. Если действовать очень, очень и очень осторожно... чтобы не поплатиться не только карьерой, но и... своей жизнью! Кто ж не боится Сатаны?!

Докопавшись до сути беседы двух женщин, эксперты решили немедленно известить генерал-майора Левинсона, а тот – руководителя ведомства. Еще и потому, что только недавно эксперты завершили анализ цели пребывания и встреч «объекта» в США, и готовили докладную записку. Лазовский, в свою очередь, счел необходимым лично встретиться с одним из них, с высококлассным и доверенным экспертом *Василием Алимяном*.

У входа в секретное помещение Георгия Иосифовича встретил верный друг, начальник оперативного направления Владимир Ефимович Левинсон; вместе они вошли в комнату, где ожидал эксперт. За круглым столиком пустовали три стула, на четвертом сидел Алимян. Он встал лишь завидев Маршала Советского Союза, и, взглянув устало, ничего не сказал, а молча встал, вытянувшись и плотно приложив руки *по швам* для приветствия.

Удобно усевшись, руководитель госбезопасности приказал:

– Докладывайте, товарищ Алимян.

Бросив пристальный взгляд на генерал-майора и секунду размыслив, тот сообщил:

– Мы со своей экспертной группой провели анализ, сгруппировали все факты и сведения по интересующему вас объекту. Результаты оказались просто потрясающими. И все, на мой взгляд, оказывается намного сложнее и ужаснее.

Алимян сделал паузу, а заинтригованный, но *не подавший виду* Георгий Иосифович на одном дыхании вымолвил:

– Продолжайте.

– Мы сделали детальный анализ всех записанных разговоров, и, думается, расшифровали смысл нахождения в Западном полушарии интересующего вас человека. Его пребывание там и встречи с некоторыми людьми помогли нам понять, что *на юге Латинской Америки точно находится мощнейший засекреченный объект*. К сожалению, не могу утверждать, какое он имеет назначение: военное, космическое или научно-исследовательское. Но о его назначении наверняка знает наш «подопечный». Могу сказать, что это высокопрофессиональный работник, хорошо знающий, что находится под колпаком и контролируется спецслужбами. Это было понятно по его поведению в США. – Так, хорошо.

– Ну еще вот что, товарищ маршал. Во время одной из встреч с высокопоставленным чиновником из Конгресса США «подопечный» передал бумаги, имеющие отношение к... нашему ведомству. Через своих людей мы получили фотокопии переданных документов, и установили, что это – документация из самого секретного подразделения нашего ведомства.

– Продолжайте, – голос маршала посуровел, а брови сдвинулись.

– Этой документацией занимаются только четверо: вы, товарищ маршал, генерал-майор Левинсон, я и шифровальщик. Кто из нас мог быть причастным к передаче ему документации, имеющей гриф *«Особой государственной важности. Только для конкретных исполнителей»*, не установлено.

– Что докладывает наша агентура на объекте «Хибины»?

– Никаких новых сообщений не поступает.

Видя, что маршал потер переносицу и вот-вот что-то скажет, Алимян опередил:

– Мы постоянно перепроверяем наших агентов на объекте «Хибины», как и на других наиболее важных объектах внутри страны и за рубежом на предмет перевербовки их противником.

– Это хорошо. Теперь надо подумать, кто из нас, четверых... я подчеркиваю, товарищ Алимян, кто из нас, не исключая и меня, мог быть причастным к передаче секретной документации? Итак: *кто из нас четверых, не исключая и меня, мог быть причастен к передаче секретной документации?* Маршал Советского Союза решительно поднялся с кресла, подытоживая разговор:

– Даю вам 30 минут на размышление, после чего жду обоих у себя в кабинете.

И маршал, пройдя к себе и устроившись на огромном кожаном диване, стал ждать. Время тянулось медленно. Тогда он нажал кнопку, вызвав адъютанта. Тому достаточно было взгляда, чтобы понять желание начальника. Адъютант тут же подошел к бару, налил в высокий стакан шотландский виски с содовой и подал на серебряном подносе.

Но Георгий Иосифович Лазовский не прикоснулся к виски, грустно размышляя, что всегда, в любом деле мог он положиться на своего преданного друга Левинсона. И даже сейчас может положиться только на него... потому что после того, что произойдет в течение ближайших 30 минут, никто и никогда не сможет сказать, что причастных к передаче секретов его ведомства было четверо, и один из них – он, маршал Лазовский.

Нет, Маршал Советского Союза Георгий Иосифович Лазовский не слышал, как в стенах кабинета начальника направления генерала Левинсона, крытыми плитами карельской березы, прозвучал приглушенный пистолетный выстрел.

Он просто знал, что *это* произойдет.

Маршал поморщился, взял в руки фужер, и тут опять вошел адъютант:

– Товарищ Маршал Советского Союза, начальник направления генерал-майор Левинсон, когда мы после вашего приказа поднялись в его кабинет и остались наедине, вытащил пистолет и выстрелил себе в рот.

– Хорошо, – то ли оправдывая, то ли осуждая, ответил маршал, – он всегда был специалист по оральному сексу...

* * *

За три месяца до этих событий состоялось совещание у главы государства, на котором присутствовали члены Политбюро, в том числе и руководитель госбезопасности Лазовский.

На совещании, как всегда, много говорили о *верности идеалам марксизма-ленинизма, о немеркнущих идеях коммунизма, о счастье советских людей*. Все это было глупо и примитивно. Потому многие из сидевших старцев – членов Политбюро – безразлично думали о чем-то своем, или бессмысленно разглядывали пространство, или просто дремали, склонив апоплексические головы к иссохшим плечам и пуская слюни... Подобная болтовня, приведшая их к власти, им самим давным-давно наскучила. И пока из уст главного идеолога непрерывным потоком лилась речь, нередко даже глава государства, сидевший в торце стола, закрывал набрякшие веки и издавал тихий храп.

Выйдя тогда после заседания, руководитель госбезопасности уже было направился к выходу, как увидел проходившего мимо секретаря ЦК Архимандритова.

– Вы, конечно, сейчас к себе? – полюбопытствовал Арсений Алексеевич. – Да, Арсений Алексеевич, – вздохнул его коллега, – отдохнуть бы, съездить в Минводы, молодость вспомнить, на родине побывать. Да все недосуг.

– Оно и верно, не помешает, – утвердительно кивнул лощеный Арсений Алексеевич, потрогав алмазную запонку. И без всякого перехода зловеще добавил: – А то вот из всего бюджета, что

отпускается вам, вы не меньше половины тратите на слежку за моими работниками. Не кажется ли вам, что пора на Политбюро поднять вопрос о целесообразности освоения финансов, направляемых на безопасность нашего государства?

– Что вы, что вы, Арсений Алексеевич, – неуверенно запротестовал маршал, – те суммы денег, которые вы имеете в виду, тратятся на то, чтобы... чтобы обезопасить каждого нашего с вами коллегу.

– Надеюсь, в вашей смете, – надменно пошутил Папа Сеня, – не предусмотрена моя личная безопасность?

– О нет-нет, что вы...

...Возвратившись к себе, маршал Лазовский отчего-то подумал, что Арсению Алексеевичу Архимандритову доподлинно известно о том, что когда недавно он тайно побывал на Кавказе, его посетил вначале доверенный посланник, а затем и сам Дэвид Бросман, с которым, как шептались в определенных кругах, Архимандритов имел личные дела.

А если Сатана знал об их тайной встрече, то наверняка знал, как Бросман хвалился, говоря, что у него есть *свои* люди, работающие в аппарате Архимандритова... А может, и нет?! Может, маршал зря перестраховывается и переживает?! Может, Арсений Алексеевич вовсе не знает об их встрече и секретной сделке?!

Тогда, услышав о *своих* людях, руководитель госбезопасности чуть не проявил наивную близорукость, едва сдерживаясь, чтоб не спросить у Бросмана: кто? А тот, словно прочитав его мысли, обнадеживающе и многозначительно сказал:

– Архимандритов иногда говорит, что нет такого человека, которого нельзя купить, а если это не удалось сделать, значит, пожадничали. У вас, главный жандарм Советского Союза, что, денег мало, или вы жадничаете?

Маршалу стало ясно, что тайный гость учит его, подсказывает что и как сделать; и, значит, если у руководителя госбезопасности появятся свои люди в аппарате Архимандритова, это сыграет на руку и Дэвиду Бросману, которого можно заполучить в союзники. А заполучив в союзники, получить и неограниченную власть в стране, сократив влияние Архимандритова. Опасная игра! Но, может, стоит

попробовать?! – Эти мысли мучили Маршала Советского Союза Георгия Иосифовича Лазовского долгие дни и ночи.

Прощаясь, Дэвид Бросман тогда сказал:

– Мы с вами давно знаем друг друга. Но даже при разных подходах в политике и разных суммах денег, участвующих в наших с вами политических делах, я вам дам подсказку. Невзирая на возраст, американский гость ловко вскочил с кресла и с высоты своего огромного роста, глядя сверху вниз, четко произнес:

– Займитесь стариком Генерозовым, может, у вас что и получится.

Но руководитель госбезопасности, приняв совет, тогда же решил, что эта игра чрезвычайно опасна, и Гейер-Генерозова-старшего трогать не стоит, потому как тот сразу же проинформирует босса. Дружат они давно, с конца 20-х годов, обоих, можно сказать, выпестовал товарищ Сталин. Да, старика Генерозова цеплять небезопасно, ибо он – тень Архимандритова, и сам стал исчадием ада.

И тогда маршал остановил свой выбор на сыне генерала армии, на генерал-майоре Станиславе Исаевиче. И сделал коварный ход.

На Черепашьих островах, где находится надежный банк западной системы, Георгий Иосифович Лазовский – через давно завербованных экспертов этого банка и вице-президента банка, своего личного агента, – открыл счет на имя Станислава Гейер-Генерозова.

А затем организовал «случайное» свидание со Станиславом Исаевичем. Правда, предварительно, как говорят, *следуя законам жанра*, его люди свели Стаса с очаровательной корреспонденткой из американского корпункта Шерри Клайн, представлявшейся для русских товарищей чаще Катя, или *Кати*, уложив их в постель и на высочайшем профессиональном уровне засняв всю сцену сексуального соития.

Шерри даже не догадывалась, кто выступал в роли сводницы; более того, ей казалось, что они познакомились совершенно случайно, и симпатия их – искренняя. Тогда как на самом деле журналистка попала, словно мышь в западню. Но пока не возникнет необходимость, ей не раскроют секретов, за которыми видна рука всемогущих органов безопасности, чтобы доказательно представить, что она давно... агент советской спецслужбы, и ей ничего не остается, как только работать на них. Но время, чтобы открыто включить ее в работу, еще не подошло.

Проведя некоторое время в раздумьях в своем кабинете, маршал посмотрел на массивные наручные часы; приближался заветный час. И в самом деле, его ожидание было вознаграждено, когда в кабинет вошел верный адъютант и доложил:

– Товарищ маршал, гость в приемной.

– Зови!

Георгий Иосифович встал из-за стола, хотя это не приличествовало его положению и статусу гостю, но глава ведомства знал правила дьявольской игры в политической системе.

Протянув сразу две руки навстречу идущему Станиславу Исаевичу Гейер-Генерозову, он радушно промолвил:

– Станислав Исаевич, рад тебя видеть, рад, и сразу скажу: нам нужна твоя помощь. Он положил руку на грудь и с глубоким чувством, пафосно, и даже не без влаги в глазах, продолжил:

– Я в твои годы был только комсомольским активистом, да не где-нибудь в столицах, а ты... молод, умен, с генеральскими погонами и уже сделал такие феноменальные открытия в космической сфере! Да нынешние космонавты должны преклоняться перед тобой, поверь мне на слово!

Выкормыш партии; преданный сын *железного Феликса*, маршал загорелся в предвкушении горячего поединка. Теперь перед ним сидел воспитанник не менее жестокого и праведного, чем он сам, коммуниста Гейер-Генерозова-старшего, с которым нужно было сыграть партию. Партию игры, в которой только три хода: «Деньги – баба – идеи марксизма-ленинизма».

Усадив гостя в роскошное кресло, Георгий Иосифович, ширя рот улыбкой, как заправский голливудский актер, предложил:

– Слава, коньяк, водки, виски, что желаешь? Тот попытался приподняться:

– Товарищ маршал...

– Никаких маршалов, тем более ты без формы, – предупредительно осадил его Лазовский, открывая сейф. Он достал из стального чрева обшитую шелком папку с золотым тиснением какой-то непонятной для гостя монограммы, вынул оттуда листы толстой бумаги.

– Слава, ты осуществляешь самые уникальные операции в мире. Они стоят очень, очень дорого, – словно поверяя тайну, продолжил

маршал. – Мы провели ряд интересных мероприятий... не буду посвящать тебя, где и каких, ты ведь и сам работаешь в интересном месте, и знаешь, что заработать деньги можно везде и всюду, в любой точке планеты. Но не всем это удастся... и это правильно. Так вот, мы провели ряд мероприятий, заработали хорошие деньги... а если что, я с Арсением Алексеевичем сам улажу, – протягивая бумаги, заверил маршал, – считай, что это знак потепления наших взаимоотношений. Мы решили оказать тебе, как ученому, посильную помощь. Ты можешь построить на эти деньги лаборатории, институты... все, что пожелаешь.

Генерал-майор Гейер-Генерозов взглянул на сумму, проставленную в банковских документах. Такой суммы с умопомрачительным количеством нулей на свое имя он еще не видел, а вот адрес престижного и надежного банка хорошо знал.

Он забрал бумаги, но ничего не сказал и не выразил эмоций. Это не понравилось руководителю госбезопасности.

– Слава, ты молодой человек и мне кажется, недостаточно воспитан, видимо, сказывается, что у тебя с Исаем Львовичем нет родной крови. За такую сумму надо бы поблагодарить, хотя б из вежливости. Тем более что когда ты будешь осуществлять свои операции... – Он сделал паузу и, подчеркивая каждое слово, продолжил: – Мы бы хотели рассчитывать на них. Скажем, у нас могут быть общие дела... Нет-нет, я не прошу тебя говорить то, что у вас сугубо конфиденциально для нужд Арсения Алексеевича... нет-нет. Словно гипнотизер, мягко произнося предложения и слова, маршал на глазах размякшего генерал-майора из какой-то очередной папки в сафьяновом переплете вынул аккуратную подшивку документов.

– Ознакомься. А я сделаю звоночек жене, что задержусь на работе.

Просматривая документы, Стас понял, что *влип*; что этот руководитель органов госбезопасности *заглотил* его, умного, претенциозного и наивного; и осознал, что на него с того самого момента, как переступил порог кабинета, воздействуют приборами электромагнитного излучения. Понял наверняка, потому что знал точно, что в кабинетах руководителей подобного ранга установлено *торсионное оружие*, затормаживающее мышление и сосредотачивающее внимание человека на той точке зрения, которая ему в данный момент навязывается. И там, где он сам работал, «в

интересном месте», – как выразился маршал, – давно и с успехом применяли это излучение.

Оружие сработало; с ним все именно так и происходило, а он не мог побороть воздействие, понимая, в конце концов, почему хозяин кабинета осмелел и даже отчитывает его за невоспитанность.

Против своей воли он произнес:

– Георгий Иосифович, в ближайшее время я должен быть в командировке в Западном полушарии. У меня будет много интересных встреч с очень полезными людьми. Полагаю, что могу быть вам полезен.

Осознавая, что с ним происходит, Станислав Исаевич понимал и другое: что все его слова, жесты, мимика скрытно фиксируются с многих точек, и что его присутствие в этом кабинете – и есть *согласие на сотрудничество*.

...Уже отбывая в своей «Волге» домой, в роскошный особняк в огромном элитном квартале Березового бора, Станислав Исаевич, постепенно приходил в себя. Но мысль о том, что, может, следовало бы доложить обо всем своему руководству и начать вести двойную игру, так и не пришла ему в голову. Отчего? Да оттого, что в мире давно есть научно-исследовательские центры, где изобретают особо варварские средства, способные воздействовать на мозг человека так изощренно, так чудовищно, что простому обывателю это и представить невозможно. Точно так под воздействие этих варварских средств попал доктор медицинских наук, доктор технических наук, эксперт в медицине и эксперт в космосе генерал-майор медицинской службы Станислав Исаевич Гейер-Генерозов.

Он стал волей сложившихся и не от него зависимых обстоятельств личным агентом советского руководителя госбезопасности. И это он, Станислав Исаевич, передал по назначению в Америке документы *«Особой государственной важности. Только для конкретных исполнителей»*, тайно врученные ему маршалом Лазовским.

...В ту ночь, когда в загородном доме руководителя госбезопасности раздался звонок от генерал-майора Левинсона, которого в свою очередь поставил в известность Василий Алимьян, позвонив из оперативной комнаты госбезопасности, произошли давно ожидаемые события.

Маршал, ждавший в ближайшие дни звонка, спокойно приехал в свое ведомство; на многое из доклада эксперта он мог бы ответить уверенно: «Я знаю».

От входной двери он направился к комнате экспертов, возле дверей которой его ожидал друг и помощник генерал-майор Левинсон, с ходу доложивший:

– Товарищ маршал, наша ловушка по резидентурам Архимандритова в Западном полушарии сработала! Георгий Иосифович, крепче обычного пожимая тому руку, твердо подытожил:

– Ну что ж, мы уже с тобой давно попрощались. Твое время, Володя, пришло.

И с этой минуты маршал Лазовский и генерал Левинсон словно отрешились друг от друга, а их уставшие лица посерели и осунулись.

Маршал отрешенно слушал доклад эксперта Василия Алимьяна, заведомо зная практически все, что тот скажет. И рядом, рука об руку, сидел один из его самых близких друзей и помощников, с которым они шли по жизни более 30 лет... шли, чтобы попрощаться здесь, у дверей этой засекреченной комнаты.

Алимьян подтвердил, что передача документов противнику состоялась; а фраза «*кто из нас четверых, не исключая и меня, мог быть причастен к передаче секретной документации?*» была кодовой информацией, которая поступила на специальное устройство в коре головного мозга, вмонтированное в голову Левинсона. Крохотное, микроскопическое устройство было введено в кровь с помощью инъекции шприцем и методом магнитного притяжения «перетянуто» в мозг и закреплено там. Обычная, почти обыденная операция, о которой многие из верховной власти даже не подозревали...

Как только маршал сказал ключевые слова, в сознании генерала окончательно созрела мысль о самоубийстве. Он вошел в свой кабинет вместе с Василием Алимьяном и, попросив того подождать, в его присутствии написал короткую записку, снимающую подозрение с остальных *причастных*: «Будьте вы прокляты, это я сдал вас американцам»; после чего хладнокровно выстрелил себе в рот.

Когда руководитель госбезопасности понял, что *время пошло*, и его друг Володя Левинсон застрелился, он запустил пустой стакан в пространство полутемного кабинета и осушил бутылку дорогого виски.

Глава 31

Конечно, пройдет время, и Станислав Исаевич Гейер-Генерозов расскажет Папе Сене, кто такая Кати-Шерри Клайн, и кто такая Вильма, и как он стал работать на *тех* и на *этих*... Но прежде, попав в выматывающую нервы и ломающую психику передрыгу, Станислав попытался втянуть в игру так отчего-то сильно ненавидимого им капитана 1-го ранга Ивана Румянцова. Самым идеальным способом втягивания в игру и одновременно мщения была *подстава* каперанга в глазах босса.

Совершенно неожиданно секретарю ЦК Арсению Алексеевичу Архимандритову пришла информация от высокопоставленного чиновника в советском представительстве ООН Юрия Родионовича Торнаева. Помимо исполнения своих обязанностей по линии МИДа, он никогда на протяжении почти 40 лет работая в системе, не забывал, что является личным агентом Архимандритова. Они сотрудничали по четко отработанной еще в 30-е годы системе.

Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в ООН Юрий Торнаев вылетел в Москву по вызову своего министерства, но в условленное время встретился с Арсением Алексеевичем. На тайно состоявшейся в одном из особняков Архимандритова встрече Торнаев сообщил, что из достоверного источника, каковым был руководитель военной разведки страны, в которой Юрий Родионович аккредитован, поступила подтверждаемая информация, что ведущий референт аппарата Архимандритова Иван Михайлович Румянцов является высокооплачиваемым агентом военной разведки США.

– К сожалению, Арсений Алексеевич, я не смог убедиться, что это тщательно организованная провокация против вашего сотрудника. По моим каналам это не подтверждается. Значит, это не провокация, а вполне умелая и высокопрофессиональная работа военной разведки.

Торнаев сделал паузу, надеясь услышать реакцию Архимандритова, но тот молчал, то ли ожидая еще чего-то невысказанного, то ли раздумывая.

– Продолжайте, – наконец глухо сказал он.

– Я сказал все, Арсений Алексеевич. Вот личная письменная информация от моего источника, и к ней приложена моя.

– Вы уверены в том, что то, что вы мне сейчас доложили, соответствует действительности? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Юрий Родионович, вас проведут в специальную комнату, где вы еще не бывали. Подумайте.

– Но... – ошарашенно пролепетал посланец. И на сей раз Архимандритов не дал ему говорить.

– Вашего министра я уведомяю лично. О вашем временном отсутствии нашим МИДом будет сообщено в ООН, чтобы о вас не беспокоились. Ну а если о вашем отсутствии забеспокоится военная разведка, то это уже ее проблема.

В следующее мгновение в кабинет вошел высокого роста и атлетически сложенный мужчина. Словно никого не замечая, кроме Торнаева, он взял его за локоть и предложил:

– Прошу!

Куда увели товарища посла, и как долго он отсутствовал, – особого значения для истории не имело. Был ли он в пыточных, или только побывал там на экскурсии? – всего лишь шутка Папы Сени ... что б не забывали, *кто* есть *кто* в этом мире.

Пройдя несколько раз взад-вперед по просторному кабинету, Архимандритов приказал вызвать непосредственного начальника каперанга Ивана Румянцова, руководителя Управления особых операций генерал-лейтенанта Заварзина. Одновременно *Павел Петрович Заварзин* являлся заместителем генерала армии Гейер-Генерозова; в аппарате которого умело распускалась сплетня, что это – самый вероятный кандидат на пост Гейер-Генерозова-старшего, и что к нему особо благоволит сам босс Архимандритов.

Павел Петрович Заварзин по-военному четко доложил о прибытии, и, прижав руки плотно к лампасам, стоял по стойке «смирно».

– Генерал Заварзин, – словно в насмешку, точно так, как того требовал от своих подчиненных генерал-лейтенант, спросил Архимандритов. – Вы достаточно хорошо знаете своих сотрудников?

– Так точно, товарищ секретарь!

Он щелкнул каблуками сапог и боднул пространство крутым подбородком. Большинство генералов в ведомстве Архимандритова

ходили в штатской одежде, а если и одевали военную форму, то всегда были в ботинках или туфлях, по уставу. А вот Заварзин всегда был обут в ярко начищенные хромовые сапоги с высокими голенищами. Сапоги не смотрелись карикатурно благодаря высокому росту генерала.

Архимандритов, никогда не носивший военной формы, и не очень-то жаловавший военных, сам еще в довоенные годы инициировал создание полувоенной организации. Точнее – скрытой военной организации в составе ЦК партии, и великий вождь его тогда понял. ЦК партии будет лишь ширмой, прикрытием; недолго поразмыслив, Сталин дал согласие. Так появилась партийная разведка, – самая скрытая, самая тайная и могущественная организация мира. Идея Архимандритова оправдывала себя вот уже не одно десятилетие.

Ну а такие, как Павел Заварзин, которого Архимандритов тащит за собой, начиная с 1938 года, тоже нужны; системой предусмотрены. Если ты босс и осуществил прокол, у тебя всегда найдется козел отпущения. Подобная роль была уготовлена еще некоторым чиновникам центрального аппарата.

– Вот что, генерал Заварзин, у меня к вам есть предложение. Вызовите к себе капитана 1-го ранга Румянцова. Поговорите с ним на предмет перемещения его заместителя генерал-майора медицинской службы Гейер-Генерозова на должность начальника управления научных исследований. Посмотрите реакцию. Имейте в виду, у меня нет оснований утверждать, что Румянцов хуже стал относиться к своим обязанностям. Но есть некоторые сведения, что он не справляется со своими обязанностями, поэтому вы после беседы с ним опишите сделанные вами выводы и доложите мне их.

– Есть, товарищ секретарь! – Генерал вновь щелкнул каблуками сапог и боднул пространство.

Тяжело развернувшись через левое плечо, Павел Петрович строевым шагом покинул кабинет босса. Маршируя, он очень старался бить подошвами сапог об пол, но толстый ковер свел на нет все его старания.

Итак, вновь проверка; бесконечный процесс на предмет верности и преданности. Да, в этом ведомстве проверки не кончаются *никогда...*

Вошедшему адъютанту Архимандритов поручил вызвать полковника *Андрея Викторовича Верецагина*. Явившись в кабинет, тот доложил о прибытии, но не столь усердно, как бывший здесь до него.

– Андрей Викторович, – мягко, по-отечески попросил Арсений Алексеевич, – надо осуществить одну проверку. Вы хорошо знаете направление деятельности капитана 1-го ранга Румянцова. Нужно сделать тщательную, но аккуратную проверку, чтобы не бросить тень сомнения на работу этого офицера. При проверке не переусердствуйте, имейте в виду, Румянцов блистательный специалист, честный работник, предан нашему делу, мы всегда возлагаем на него самые ответственные задания. Конечно, он молод и может устать, но... значит ли это, что он представляет опасность для нашего общего дела? Сделайте все аккуратно, Андрей Викторович. Проверьте еще раз и еще раз – досконально, но без предвзятости – его работу на Северном флоте, в Юго-Восточной Азии, в Африке и главное – его каналы связи в Америке. И... не спешите с выводами. Идите.

* * *

Капитан 1-го ранга Румянцов, поздно вернувшись домой, отдыхал после напряженного дня; но не прошло и 30 минут после его возвращения, как зазвонил телефон. Адъютант генерала Заварзина доложил:

– Иван Михайлович, вам надо срочно явиться к товарищу генерал-лейтенанту.

Позабыв про сон и отдых, минут через сорок Румянцов уже был в приемной генерала. Сидевший за столом адъютант ответил на приветствие и попросил подождать. Румянцов привык ко многим выпадам начальства, но отметил про себя, что его, срочно вызвав, попросили подождать. Что это? Здесь может быть только два объясняющих ответа: либо Заварзин находится у Архимандритова, либо между ними идет разговор по телефону. Так рассуждал каперанг, но его предположения оказались ошибочны. Павел Петрович Заварзин выдерживал время, маясь об безделья и допуская крамольную мысль: а, что, интересно, будет, если Румянцов посмеет об этой задержке в

приемной доложить боссу? Риск велик, – никто без веских причин не может куражиться над сотрудником, тем более над Румянцовым.

Через десять минут сам генерал Заварзин открыл двойные двери и изобразив вежливую улыбку, попросил:

– Товарищ капитан 1-го ранга, зайдите ко мне.

Румянцов решил хоть отчасти отомстить, когда ответил: «Есть!» – без обращения по воинскому званию, как того в обязательном порядке ото всех требовал, самодурствуя, генерал. За все время их последующей беседы Иван ни разу не обратился к тому по воинскому званию.

– Скажите, капитан 1-го ранга, за время службы в нашей организации что вами сделано?

Румянцов все понял; судя по всему, босс накрутил генерала, и тот *из кожи вон лез*, чтобы как-то быть полезным; он желал перестараться, чем недостараться.

– Павел Петрович, – от этого обращения Заварзина прямо перекошило, – за время моей службы в ведомстве, возглавляемом секретарем ЦК партии товарищем Архимандритовым, все, что мною выполнено, в жесткой технологической последовательности доведено до сведения нашего общего руководителя. Операции, которые осуществлялись с непосредственным вашим участием, вам известны. Для этого вам достаточно заглянуть в соответствующие сейфы.

– Хорошо, – не зная к чему прицепиться, но желая пострадать, выпытывал генерал, – скажите тогда, какие связи вы сейчас поддерживаете с полковником Фамом?

Такого поворота Румянцов не предполагал. Он сразу понял, о каком полковнике Фаме идет речь. Это тот профессиональный палач, возникший на его жизненном пути во время командировки под крышей торгпредства в ДРВ; другого Фама не существовало. Ведь не премьер-министра ДРВ, члена Политбюро ЦК компартии Вьетнама Фам Ван Донга имеет в виду генерал!

И ради этого его срочно вызвали сюда?! Что это за нелепая проверка! Румянцов буквально взрывался от трудно сдерживаемой ярости.

– Скажите, какого полковника Фама вы имеете в виду?

– Что прикидываетесь, капитан 1-го ранга? Будто не знаете, о ком я говорю.

И вновь перед глазами Румянцова возникли нежеланные сцены из тяжелых воспоминаний. Тогда, во время его ареста во Вьетнаме, после бесконечной серии допросов полковник Фам, как представитель «братской страны» обучавшийся в Союзе, довольно чисто выражаясь по-русски, пригрозил:

– Если вы мне не расскажете правду, то вам введут *трибадинуол*. Я надеюсь, вы не сомневаетесь в том, что у меня отличные врачи. И тогда, когда ваш мозг будет без контроля, мы запишем ваши показания. Причем, вы назовете всех и все, что мы захотим.

Применению этого химического препарата его, как и других слушателей Военно-дипломатической академии, обучали во время учебы. Чтобы в будущем, при применении препарата противником, исключить разглашение каких-либо сведений. При воздействии трибадинуола каждый выдумывал что угодно, молол чушь, но это редко помогало, – практически все выбалтывали сведения тем, кто их допрашивал.

Оказавшись уже не в учебной лаборатории, а в серьезных и смертельно опасных обстоятельствах во Вьетнаме, истерзанный пытками Румянцов начал усиленно решать проблему, как не выболтать то, что ему ведомо. В мгновение, когда из его вены щуплый узкоглазый врач вырвал шприц, он ощутил как разливается по венам жидкость, вызывая жгучее, нестерпимое чувство чудовищной боли...

«Фам меня будет спрашивать, – прежде чем отплыть от боли, сам с собой разговаривал Иван, – будет задавать вопросы, и ты ничего не сможешь сделать, ты будешь только отвечать... Значит, следует отвечать не торопясь, думая о чем-то приятном...» Этим приятным в его памяти были теплые дни на речке в далеком детстве; он сам себе приказал: «Не торопись, купайся в речке»; и вдруг ощутил в голове такую невероятную какофонию шума, звона и воплей, затем дикую, острую, долгую боль в висках; и мучительно-медленный провал, но не в прохладную воду крымской речки Бельбек, а в пылающую огненную реку боли.

Полковник Фам склонился над ним, увидел расширенные зрачки, крупные капли пота, стекавшие с затылка на шею и плечи, негромко проговорил:

– Ты будешь послушным, а я здесь для того, чтобы облегчить твои страдания. Ты мне друг-враг, ты понимаешь меня? Я в восторге от

твоих дел, но ничего не в состоянии сделать, потому что я профессионал... потому и не могу. И ты профессионал, и тоже ничего не можешь сделать, кроме как мне отвечать. Ты *уже* слышишь меня, ты *уже* отвечаешь мне.

– Да, – с трудом выговорил лежащий на полу Румянцов. Он ощущал огромное желание сказать все, что знает, все, о чем его просят, и он сказал: – Я слышу.

– Вот и отлично. Кто тебя сюда прислал? Как зовут того человека в вашей столице? С какого времени ты на него работаешь? Откуда ты, кто твои родители? Где они сейчас? Ты ведь хочешь мне рассказать, так ведь?

– Да, – послушно ответил истязаемый болью, – мой папа был красивым морским офицером, настолько красивым, что его любили все женщины, а больше всех – мама. Румянцов пытался сдержаться, в глубине сознания понимая, что даже то незначительное, что он сейчас говорит, он говорить не имеет права. «Не спеши, – приказал себе Иван, – ты ведь понимаешь, чего от тебя ждут. И что будет, если ты расскажешь. Все не так страшно, человек сильнее любых препаратов».

– Итак, я жду, – голос вьетнамца приплыл откуда-то сбоку и словно бы снизу.

– Мой отец и моя мама любили меня... Потому что после гибели моей старшей сестры я был для них единственный... Полковник Фам взглянул на врача, тот взял руку Румянцова, нащупывая пульс. После чего врач вновь открыл аптечку, вынул шприц и, наполнив его дозой темной жидкости, вколол в вену.

– Он будет говорить теперь быстрее. Только прошу вас, говорите с ним мягче, усиливая требовательность в конце предложений.

– Фамилия родителей? Отвечай, я жду. Фамилия человека, который тебя послал? Отвечай...

Румянцов уже ничего не чувствовал, но мозг услужливо выдал спасительную отвлекающую информацию. В возрасте четырех лет он зацепил стеклянную бутылку на краю стола, и та, падая, ударилась о прикрепленные к столу тиски; стекло лопнуло, один острый кусок впился ему в ногу, распоров икру; кровь брызнула фонтаном... И в момент, когда воспоминания вернули его в раннее детство, Иван Румянцов физически ощутил, как заболела у него икра на правой ноге.

Из его пересохшего горла раздался клекот и едва слышно он прошептал:

– Больно... Спать... Спать...

Он закрыл глаза, сквозь провалы сознания чувствуя невероятную усталость. А тем временем Фам встряхнул его голову, и сквозь ватный туман до его слуха донеслось:

– Говори, я жду... Говори, я жду... Вьетнамский полковник повернулся к врачу:

– Этот препарат на него не действует, у вас что, нет чего-нибудь другого?

– Это кома, товарищ полковник, – констатировал врач.

– Но вы же говорили, что этот препарат развязывает все языки.

И тут же перейдя с вьетнамского на русский, он повернулся к Ивану и тыча в него смуглым пальцем, прокричал:

– Ладно, не говори, мне ничего от тебя не надо. После чего приказал врачу: «Дай шприц!» В это время отворилась дверь, вошли несколько человек, довольно крупных для вьетнамцев; ловкими движениями они связали врача, а Фам всадил шприц врачу прямо в вену. Один из помощников тут же наполнил другой шприц, и подсоединив его к торчащей в вене игле, полковник всадил врачу вторую дозу. Тот только простонал «Я умираю»...

...Эти видения, приходившие Ивану Румянцову в горячечных снах или в самые тяжкие моменты жизни, чаще всего вызывали в нем неуправляемую ярость...

– Так кто такой полковник Фам? – почти выкрикнул генерал-лейтенант Заварзин.

– Скажите, Павел Петрович, если я отвечу вам, кто такой Фам, вы мне объясните, какое отношение называемый вами человек имеет к нашей ночной беседе? Если это допрос, то его должен санкционировать Архимандритов. Если же это ваше праздное любопытство, то в таком случае, увольте, я отвечать на ваши вопросы не буду.

– Капитан 1-го ранга, мы ведь можем применить специальные средства.

Подобной реакции от капитана 1-го ранга генерал-лейтенант никак не ожидал. Недалеко от стола, за которым он сидел, стоял небольшой столик с хрустальным графином, полным очищенной

питьевой воды и высоким хрустальным стаканом на красивом хрустальном подносе. Обычный кабинетный набор высокопоставленного начальника: ковры, мебель, столы, посуда...

Услышав о «специальных средствах» из уст генерала, Иван Румянцов не сдерживая горячего нрава, мгновенно сделал вираж, разворачиваясь вокруг оси и выбрасывая вперед правую руку. Выпрямленная рука пролетела над столиком, где стоял хрустальный графин с водой; указательным и средним пальцами он подцепил его за ручку, и графин, теряя тяжелую крышку и расплескивая воду, полетел в сторону генерал-лейтенанта. Прямо на столе перед генералом раздался звон разбитого хрусталя, и тут же разлитая вода хлынула на его брюки и китель, заливая все от пояса до колен.

Бросок был отработанный и точный. Но все произошло мгновенно, и можно было трактовать, как... случайную нелепицу: мол, случайно зацепил графин с водой.

– Что вы себе позволяете? – взвился генерал, покрываясь испариной. Вот тут-то каперанг, едва улыбнувшись, перешел на официальное обращение:

– Товарищ генерал, вы выглядите смешно. Представляете, ваши брюки в самом интересном месте мокрые. Неужели годы службы вызывают недержание? Может, позвать на помощь кого-нибудь?

Заварзин, захлебываясь от негодования и брызгая слюной, закричал едва сдерживаясь, чтобы не броситься на обидчика:

– Вон отсюда, вон!

– С удовольствием.

– Что значит *с удовольствием*?

Капитан 1-го ранга в мгновение ока обошел вокруг стола, своими сильными руками со стальными накачанными мышцами вырвал Заварзина из кресла, схватив за лацканы генеральского кителя, и прошептал в самое ухо:

– С-сука, сдохнешь, если где-нибудь раскроешь рот. Прямо в кабинете размажу...

И улыбнувшись, легко и небрежно швырнул обмякшее генеральское тело в кресло. Кресло стояло устойчиво и привычно приняло своего хозяина; но Румянцов ощутил отвратительный запах испражнений. Он покинул кабинет с брезгливой улыбкой, без всяких надежд на будущее, и даже на завтрашний день.

Глава 32

Но – странное дело, Арсений Алексеевич, без сомнения знавший, что произошло в кабинете генерал-лейтенанта Заварзина, вызвав к себе ведущего референта, капитана 1-го ранга Румянцова, ни словом не обмолвился об инциденте. Однако деловито спросил его о готовности участия в операции «Снежный юг».

– Арсений Алексеевич, для выполнения программы экспедиции предлагаю использовать спасательную подводную лодку (СПЛ) проекта 940, у которой на вооружении два спасательных подводных снаряда и комплекс водолазного оборудования. Эта СПЛ является принципиально новым типом корабля в системе поисково-аварийно-спасательного обеспечения, и позволяет проводить подводные работы в самом широком диапазоне. Другой лодкой, которую можно привлечь к экспедиции, по моему мнению, является подводная лодка проекта 902, в которой использованы технологии внеземных цивилизаций и опыт строительства которой имеет Германия. Подробные сведения были указаны в документах, что предназначались мне для прочтения и тщательного ознакомления.

Арсений Алексеевич лишь согласно кивнул головой.

– Конечно, сейчас в стране разрабатывается самый мощный в мире атомный подводный крейсер под условным названием «Тайфун». Но рассчитывать на него мы не можем, так как до ввода его в строй необходимы еще несколько лет. Это корабль будущего. Но мы можем использовать старшего помощника командира строящегося крейсера – капитана 3-го ранга Седова в качестве старшего помощника командира корабля, который уйдет в поход к Южному континенту. Сейчас Седов служит в части, где командиром капитан 1-го ранга Квитко на Тихоокеанском флоте.

– Ты так считаешь? Тогда подготовь список экспедиции и подбери состав экипажей. Привлекай тех, кто имеет опыт работы в 70-х широтах. Помни: буквально по каждому члену экипажа ты должен будешь мне отчитаться. В том числе и по центурионам, которых отберешь на объекте «Хибины». Что еще можешь сказать по подводным лодкам? Предложений больше нет? – Архимандритов

вопросительно посмотрел на референта. – Помнится, после учений «Океан» в 1970 году, в которых участвовало 40 подводных лодок, из них 13 атомных, – словно невзначай показал свои знания босс, – ты нахваливал эффективность «Рубис-Яшмы».

– Да, эта атомная подводная лодка (АПЛ) водоизмещением 2430 тонн, предназначенная для нанесения торпедного и ракетного удара по подлодкам, надводным кораблям противника, а также по береговым целям тогда хорошо себя проявила. Склонен думать, что из всех трех предложенных подводных лодок вы остановитесь именно на этом проекте.

– Может, ты уже готов назвать и тех, кто отправится с тобой в экспедицию?

– Отчасти. Пока только несколько имен. Одним из штурманов хоть сейчас предлагаю капитана 3-го ранга Александра Гринева, совершившего 12 кругосветных плаваний на барке «Седов». Думаю, боцманом можем назначить опытного моряка, эстонца Каупо-Артура Отта. Он проходил службу на АПЛ Северного флота. В поход можно определить и капитана 2-го ранга Игоря Прутко-Царевского, опытного штурмана Северного флота. За этих людей я могу ручаться, об их послужном списке могу доложить письменно.

– Хорошо, готовь список. Но на этот раз список личного состава нигде не визируй. На должности матросов необходимо оформить сверхсрочников, имеющих опыт плавания в основном на АПЛ. Постарайся исключить из списка семейных офицеров. Словом, поработай. Жду решения о формировании трех экипажей.

– Есть! – отчеканил референт.

После ухода Ивана Михайловича Румянцова спустя долгих два часа, после раздумий, секретарь ЦК пригласил генерала армии Исаю Львовича Гейер-Генерозова.

* * *

Несколько дней назад Арсений Алексеевич Архимандритов получил информацию, напрямую касающуюся генерал-майора Станислава Исаевича Гейер-Генерозова, приемного сына своего давнего друга и соратника.

Двумя пальцами левой руки не спеша он отодвинул от себя серую папку со страницами машинописного текста, какое-то время посидел в кресле, затем поднялся из-за стола, прошелся по кабинету, постоял возле окна, пристально глядя на укутанные снегом ветви, словно рассчитывая там увидеть какую-то фигуру или знак; и вновь заходил по кабинету. Перед глазами возникло видение: райские птицы в кущах алых роз, раскрывающиеся бутоны, усыпанные росой, и мотыльки, и дуновение ветра, и... вдали – огонь и темень *чистилища*.

Постояв в задумчивости перед рабочим столом, Архимандритов почувствовал, что сейчас отворится дверь и войдет начальник разведки его Центрального штаба генерал-полковник *Василий Осипович Терганов-Турантаев*.

В этот миг дверь действительно отворилась, он вернулся за стол и, кивнув на страницы, строго спросил:

– Как это понимать?

– Товарищ секретарь ЦК! Я обязан тщательно проверить и перепроверить эту информацию, ибо она носит чрезвычайный характер, поэтому ее надежность я должен подстраховать с самых немислимых сторон.

– Кто нам передал это сообщение? Насколько надежен источник?

– В отношении надежности он вполне заслуживает доверия. Но смысл любой игры в разведке – чтобы именно надежному человеку дать в руки дэзу.

– Благодарю. Наконец-то вы мне разъяснили суть разведывательной работы. Весьма тронут, генерал. – С нескрываемой иронией проговорил Архимандритов.

Арсений Алексеевич пододвинул к себе текст, вновь пробежал глазами. «В течение последних 5 суток на загородной резиденции Пентагона проходили секретные совещания высшего командования разведывательного управления министерства обороны (РУМО). По окончании этого заседания начальник спецотдела разведки встретился с одним из известных закрытых советских ученых в области медицины, профессором, генерал-майором медицинской службы Станиславом Гейер-Генерозовым. В процессе встречи было достигнуто соглашение, что по возвращении в СССР он продолжает свою работу по проблемам космической медицины. Гейер-Генерозов согласился передать все свои работы и исследования в этой области

американской военной разведке. Также было достигнуто соглашение, что РУМО будет контролировать работу Гейер-Генерозова и работу агентуры американской разведки с ним, часть которой внедрена в советские госучреждения в Мурманске, Ленинграде, Орле и Туле».

После того, как состоялась встреча, руководитель спецотдела доложил результаты договоренности с советским ученым своему непосредственному начальству. Оттуда – по секретным каналам информация попала на стол Архимандритова.

Арсений Алексеевич встал из-за стола и вновь заходил по кабинету, молча и сосредоточенно думая о своем. Потом остановился перед начальником разведки и глянул ему в глаза, словно объяв холодом смерти всю его фигуру.

– А теперь доложите, как мне после этого встречаться с моими американскими друзьями и обсуждать проблемы современного мира?! Почему молчите? Не знаете, что ответить? Или не рискуете?

– Скорее второе, товарищ секретарь ЦК.

Архимандритов сел за стол, положив руку на трубку телефона. Глубоко вдохнув, он почти спокойно спросил:

– В ответ мы можем начать кампанию в прессе в отношении Америки, показав негативные стороны, скажем, личной жизни некоторых политиков. Но вы убеждены, что поступившая нам информация не сфабрикована для того, чтобы мы заняли более жесткую позицию, и тем самым бы поставили здравомыслящих политиков, лояльно относящихся к нашей стране, в сложное положение?

– Товарищ секретарь ЦК, у меня было недостаточно времени, поэтому прошу санкционировать мне определенный срок для проверки.

– Каковы ваши возможности и есть ли они у вас сейчас? – Они есть.

– Давайте обдумаем вместе, как нам в этой ситуации поступить. Не пригласить ли нам наших артисток? Может, они нам чем помогут, а? Папку с текстом оставьте мне. И поручите своим людям получить более полную информацию по Генерозову в Америке. Впрочем, не мне вас учить вашей профессии. Поступайте, как знаете, хоть подключайте Чаковскую и ее американских девочек... но я должен знать *не просто все, а и намного больше*.

Когда начальник разведки ушел, Архимандритов нажал кнопку и, увидев засветившееся табло, деликатно попросил:

– Перенесите обед на два часа. И тут же добавил:

– Оставшееся до обеда время прошу меня не беспокоить.

То, что доложил начальник разведки, ему было в общем-то известно. Оправляя Гейер-Генерозова-младшего в командировку, он лично приказал, что кто бы ни интересовался, в том числе и отец, куда он едет, говорить, что едет по делам в Сирию и в Ливан, откуда недавно было тайно сообщено, что там найдены технологии доисторической эпохи, способные творить чудеса, выполнять немыслимое для сегодняшних ученых. Версия была бесприкрытой.

Архимандритов получил секретное сообщение о находках от четко отлаженной резидентуры в том регионе. Понятно, что его интересы распространялись по всему земному шару; если только там не «застолбил» пространство его друг и враг Дэвид Бросман. Но им не впервой было противостоять в разных местах, интригуя и сталкивая если не военную силу, то финансы. В не меньшей степени отвлекающим средством в том восточном регионе была Ливанская компартия и личный агент Архимандритова генсек партии Джордж Шауи.

Когда Станислав Исаевич покинул Москву, о его командировке практически никто не знал.

Прибыв в Соединенные Штаты, он, в соответствии с поручением босса, остановился на вилле *Владимира Альбертовича Нуделя*, бывшего мужа Ады, дочери члена Политбюро Андрея Игнатьевича Ютвакова. Это наследство в виде виллы и счета в банке досталось сидевшему на тот момент в 13-й зоне зэку совершенно неожиданно. Волей случая его первая возлюбленная Елена Бессмертная, дочь генерала Ефима Георгиевича Бессмертного, вышедшая замуж за американца, осталась вдовой с богатым имуществом, но, имея дурную наследственность, покончила жизнь самоубийством. Отписав прежде все финансы и дом тому единственному, кого когда-то по настоящему любила. Неблагодарная дочь оскорбила чувства вдового отца, но дала возможность Владимиру Альбертовичу получить свободу. Правда, только благодаря усилиям секретаря ЦК Арсения Алексеевича, опередившего в этом всех иных коллег, возжелавших заполучить

наследство *богатой дуры* в своих корыстных целях. Владимир Нудель – не имея выбора – стал сотрудником аппарата Папы Сени.

Прибыв в США, Гейер-Генерозов-младший через известных ему высокопоставленных чиновников Пентагона и партийной агентуры Архимандритова вышел на начальника РУМО.

Архимандритов принял такое решение только тогда, когда ему стало ясно, что американская военная разведка самым настойчивым образом стремится выйти на объект «Хибины». Причем интерес к объекту они начали проявлять еще находясь в Испании. Поводов для пребывания разведчиков Пентагона в том регионе всегда было достаточно, там были крупные военные базы США, а несколько лет назад стратегический бомбардировщик Б-52 в аварийной ситуации потерял 4 авиабомбы с ядерной начинкой, три из них упали недалеко от деревушки, сразу ставшей известной на весь мир, а четвертая – в океан. С тех пор военная разведка и контрразведка США сосредоточили там немалые силы. Но Арсений Алексеевич Архимандритов вскоре убедился, что именно потеря атомных бомб и усиление там подразделений РУМО – не более чем *блеф*, чтобы отвлечь разведки других стран, и в первую очередь, советскую и стран социалистического содружества от этого региона. И тем самым – убрать силы разведки СССР и его союзников от важных направлений, и начать крупномасштабную операцию против Советского Союза.

После инцидента в Испании, спустя несколько месяцев, Архимандритов встретился с Дэвидом Бросманом. Тогда Арсений Алексеевич ощутил, что Бросман в силу своего преклонного возраста теряет то ли политическое чутье, то ли чутье бизнесмена, и, значит, уже не может влиять – в своем элитарном *Клубе Избранных Мировых Политиков* – на политический курс Америки.

Архимандритов знал, что в ближайшие месяцы запланирована встреча между руководителем СССР и руководителем США. На которой должны обсуждаться отношения двух сверхдержав в области международного положения, в вопросах напряженности в некоторых регионах планеты.

Никто в высшем советском руководстве тогда не предполагал, как будет развиваться встреча, и что точно может произойти. Большинство аналитиков склонились к тому, что США займут позицию почти

непримиримого противника Советского Союза и стран Варшавского договора.

Так было не раз... Но что-то после встречи с Бросманом насторожило Архимандритова. Он сразу же отбросил старческий маразм и возрастной недуг друга, совершенно отчетливо понимая, что Бросман в своем возрасте способен проявлять как маразм, так и мощь ума. И не считаться с ним – заложить под себя мину замедленного действия на будущее. Эти два гиганта никогда, до последних своих дней не смогут игнорировать друг друга...

Не сразу, а спустя много недель Архимандритов пришел к мысли, что нужно использовать Гейер-Генерозова-младшего, который либо предложит свои услуги, либо поддастся нажиму со стороны американских спецслужб и согласится с ними сотрудничать.

Одно дело, когда высокопоставленный чиновник, ученый или военачальник сам инициирует сотрудничество со спецслужбами другого государства, и *другое* – когда с учетом складывающейся обстановки ему предлагают сотрудничество спецслужбы другой страны. Что является одним из компонентов не просто сотрудничества, а *управления* или *влияния* на управление процессами в такой спецслужбе. А РУМО – хоть и военное ведомство, но все же это орган добывания информации и анализа, который ложится на стол президента; и нередко такая информация влияет на планы руководства страны.

Отправляя Гейер-Генерозова на столь небезопасное дело, Арсений Алексеевич отдавал отчет, что если задуманная операция увенчается успехом, то это будет еще одним мощным козырем влияния на американского президента! – и когда будет необходимо, он выложит свой аргумент Бросману и членам Клуба, в котором они оба состоят. «Да, мы *избранные мира сего*, но каждый из нас держит в кармане руку с приготовленной для другого гранатой», – подумал про себя Архимандритов и стряхнул мелкую пылинку с лацкана своего эксклюзивного пиджака.

То, что руководитель госбезопасности Георгий Иосифович Лазовский завербовал Станислава Исаевича, Архимандритову было хорошо известно; сей факт не мог укрыться от его вездесущего разума. Но Папа Сеня не придал произошедшему большого значения, ибо и это вписывалось в его личные планы. Он умел любую ситуацию

использовать во благо своих личных политических и финансовых интересов.

Да и вообще, комплексная операция с генералом Гейер-Генерозовым-младшим для Архимандритова была операцией *средней руки*, вовсе не являясь особенной.

Подумаешь, – доктор, профессор, только что ставший генералом; у Архимандритова реально осуществлены уникальные операции, которым может позавидовать почти каждый член их элитарного Клуба. Чего стоит, к примеру, что на Арсения Алексеевича долгие годы работал премьер-министр крупной европейской страны, или еще – четыре начальника спецслужб, два из которых возглавляли спецслужбы самых крупных государств мира! Вот это размах, вот это удача...

Но самой крупной своей удачей Арсений Алексеевич Архимандритов считал создание на финансы Клуба неофициального государства в Латинской Америке из бывших политических, военных и государственных деятелей Третьего рейха. Его причастность к формированию *новой* Патагонии была бесспорной. Он мог влиять на послевоенное устройство мира; *даже когда их с товарищем Сталиным обыгрывали американцы, которым удалось у русских и у их коллег-немцев из Третьего рейха отобрать многие проекты и базы в Антарктиде*. И все же сегодня Архимандритов остается тем человеком, без которого не может быть принято ни одно решение по Антарктиде, Пылающей Земле и Патагонии!

«Но, черт побери, – сидя в кабинете, рассуждал Архимандритов, прежде чем вызвать своего заместителя Исаю Львовича Гейер-Генерозова, – ни на каком направлении нельзя играть честно и открыто; когда вокруг тебя никакой честности и открытости нет. Тот же друг Дэвид за моей спиной прибывает в нашу страну, тайно встречается с руководителем госбезопасности, и поддерживает его стремление попасть на новый уровень Власти. Хо-ро-о-ш. Но и у меня есть свои козыри».

...Генерозов-младший выполнил приказ босса; дальнейшая работа пошла в нужном русле.

А, выслушав своего начальника разведки Василия Осиповича Терганова-Турантаева, которому предстоит начать перепроверку *всех и вся*, Архимандритов презрительнозло, *по-сатанински*, подумал: «Если

Стас Генерозов не сумеет вывернуться из ситуации, то *черт ему судья*. А если сумеет вывернуться и доказать несостоятельность множества перепроверок и фактов начальника разведки, то он, Архимандритов, подумает о... состоятельности самого начальника разведки». Так кто кого обыграет в этой чудовищной стычке?!

...Но проходили недели и месяцы, а начальнику разведки не удавалось полностью доказать сообщение агентуры, работавшей в Пентагоне. Василий Осипович иногда приходил в смятение, отчего Архимандритов не вызывает его к себе. Ведь если агентурные сведения начальника разведки, полученные от высокопоставленных чиновников Пентагона, на самом деле – тщательно продуманная дэза РУМО, то тогда ему осталось идти *в ад*, в подвал, в комнату Ж-666. Но это решение может принять только один человек в мире, а он – все тянет время и не вызывает к себе...

Глава 33

Вошедший в кабинет босса Исай Львович Гейер-Генерозов выглядел уставшим, сказывались и возраст, и многолетняя напряженная работа, не оставлявшая времени для личной жизни в обычном человеческом понимании.

Последние полтора-два десятилетия они стали чаще встречаться; вызывая его, Архимандритов большую часть времени молчал, так же молчанием реагировал на присутствие Арсения Алексеевича и его старинный друг и соратник *по борьбе*. Но борьбы во имя чего и против кого? – этот вопрос стал все более удручать Исаю Львовича, потому что ответа на него он больше не находил.

Гейер-Генерозов знал, что во время затянувшегося молчания Архимандритов блестяще может снимать информацию с его усталого мозга. Но это уже не пугало его и несколько не удручало; жизнь почти прожита. Вот сейчас, – как понял Исай Львович, – друг Арсений затеял игру с его сыном. Конечно же, никто Исаю этого не говорил, но он давным-давно изучил почерк своего патрона.

Переживал ли? Скорее нет, чем да. Ведь с его приемным сыном он поступает так, как поступали с ними самими в их далекой молодости: раздували пожар, а потом бросали в самое пекло. Что его сын? Таких у Архимандритова тысячи... и все они разбросаны по всему земному шару, в разных странах мира; Гейер-Генерозов прекрасно понимает, и даже кое-что знает, знает, что идет интеллектуальная война внутри самого масонского Клуба, *Главного Политического Клуба на Планете*, в котором состоят Архимандритов и его старый друг и соперник в этой войне – Дэвид Бросман. Эти великие люди, имеющие для всех трогательно описанные, приведенные в разных официальных источниках биографии, на самом деле не имеющие ничего общего с истиной; потому что они – *тайна за сто семью печатями* для каждого существа на Планете; потому что они – ставленники Дьявола на Земле, дьявольские дети...

Эти соратники-соперники ведут бескомпромиссную войну друг с другом, нередко встречаясь и любезничая за ланчем или ужином в самых дорогих ресторанах мира; или размышляя над прошлым,

будущим и настоящим миллиардов людей. Гейер-Генерозов, прошедший жизнь бок о бок с таким уникамом, как Архимандритов, понимает, что его патрон, даже состоя в клубе сверхсильных людей Планеты, свою партию проиграл, когда... изменил товарищу Сталину в далекое дождливое осеннее время 1952 года. *Когда дозволил дочери Иосифа и Евы умертвить отца...*

О, генерал армии Гейер-Генерозов знает все; но кому он передаст свои знания? – могиле, забвению, вечности. Они с Арсением Аароновичем, взявшим себе после революции отчество Алексеевич... нет, – с тщедушным Сенькой, каким он выглядел тогда, в начале XX века, – всплыли на чудовищной волне бесконечных смертей, всколыхнутой внуком Сруля Мойшевича Бланка – Владимиром Ульяновым и его многочисленными соратниками, разрывавшими огромную страну на части, утверждая свое право на беспредельное господство в *земле обетованной*, – в бывшей великой Российской империи... С тех пор его друг стал всеми уважаемым Арсением Алексеевичем Архимандритовым, обладающим огромной властью и неограниченными возможностями. А он, Исай Львович – его преданный пес; его черный *тать*; тень его зловещей тени...

Генерал армии знает многие тайны советской эпохи, знает тайны XX века. Ему известно, что *в январе 1944 года, когда Гитлер покинул Германию и обосновался в Патагонии*, Арсений Алексеевич Архимандритов провел многие часы с Бросманом и его близким соратником Ач-Ронинсоном, который достиг немалых высот после Второй мировой войны, а в 60-е годы XX века возглавил Госдеп США.

У Гитлера хватило ума понять непреложную истину сильных мира сего: он выполнил историческую миссию, и теперь – либо жизнь, либо смерть. В одном из портов Португалии прошла тайная встреча, где собрались участники финансирования и создания Третьего рейха, среди них, конечно же, был и Дэвид Бросман. К концу переговоров был приглашен Арсений Алексеевич Архимандритов; он не участвовал в беседе, но его присутствие стало для фюрера знаком, что Генсек Сталин в курсе и этого события, и отречения Гитлера. *Своим присутствием Архимандритов как бы дал понять, что товарищ Сталин санкционирует уход Гитлера с политической сцены.*

После тайной встречи состоялись тайное отречение Гитлера и его замена двойником, тщательно до этого скрываемым от

общественности и ближайшего окружения в глубоких недрах Антарктиды. Вместе с Гитлером была заменена двойником и Ева Браун, венчанная жена фюрера; тайное венчание этой пары состоялось в 1943 году.

Скорее всего, главным фактором ухода Гитлера с политической сцены стало «благословение» на то товарища Сталина. Но Вольф поставил условие: отныне он станет жить под фамилией одного из своих дальних родственников, а его жена Ева станет Аве-Мария, и также будет носить фамилию его древних предков. Условие было соблюдено. Место будущего пребывания фюрер выбрал заранее; оно было очень похоже на его альпийскую резиденцию Берхтесгаден, и во многом близко к его состоянию души. Ева, или фрау Аве-Мария также была в восторге от выбранного места их последнего пристанища на Земле.

Дэвид Бросман и его единомышленники из *Клуба Мировых Политиков* заранее, еще в 1943 году, обсудили завершение Второй мировой войны, от которой все они только выигрывали: на карте мира в 1947-м появилось *государство Израиль*, да и вся Европа была перекроена с максимальной выгодой для них, сложился иной мир, в котором сей Клуб приобрел доминирующее положение, и был готов к созданию Всемирного Правительства, прототипом которого должна была стать будущая Организация Объединенных Наций – ООН. Естественно, при таком раскладе обязательно надо было считаться с советским вождем. Хотя с каждым месяцем приближения окончания войны он все более раздражал членов Клуба. В свете борьбы за мировое переустройство после войны становится ясным негативное отношение к Иосифу Виссарионовичу Сталину со стороны лидеров союзных государств.

Вторая мировая завершалась, и нужно было создать общественное мнение, непреложную, не подвергаемую никаким сомнениям истину: *кто виноват?*

Все это было известно Исаю Львовичу Гейер-Генерозову из действий Архимандритова, из личных бесед с ним.

Так почему же у него должно было вызвать удивление, что и его сын Станислав Исаевич включен в эту смертельно опасную игру? И что, к примеру, будет значить гибель человека, названного его сыном, в сравнении с гибелью миллионов людей, когда – в соответствии с

установками Клуба – разыгрывался один из лучших спектаклей за все Время существования человечества за последние 8–10 тысяч лет?! *Спектакль* по переустройству мира и сокрытию истины; где есть *сцена*, когда с 1944 года лучшие спецслужбы США – УСС, ЦРУ, ФБР, ЮСИА (информационное агентство США), РУМО, иные всевозможные тайные организации разведывательного сообщества подключились к поиску «исчезнувшего» или «покончившего жизнь самоубийством» Гитлера – *«главного преступника XX столетия»*.

Генерал армии Гейер-Генерозов не одну ночь провел в тяжелых и мучительных раздумьях; цепкая, цепляющаяся за разум истина, таинственное знание делали его заложником мыслей и бессонных ночей. Часом, даже не замечая, что говорит вслух, – прямо на тоненькую *память* микропленки, как основной составляющей его жилища, – Исай Львович произносил вслух, иронично поджав губы:

– Надо же, главного преступника искали, а мы вокруг – все святоши...

Генерал армии знал все о зловещем мифе под названием «Вторая мировая война»; более того, в подчинении генерала имелись целые службы, способные раздуть не меньший миф, да еще и провести большую работу, чем ту, которую сделали американские спецслужбы в период с 1943 по середину 50-х годов XX века, искажая истину о Третьем рейхе.

Но Гейер-Генерозов не считал нужным раздуть миф, и в этом его поддерживал патрон; достаточно было той уничижительной пропаганды в отношении Гитлера и фашистской Германии, которую вел советский Агитпроп.

Спецслужбы США восторженно играли в игру «Найди чудовище»; захлебываясь в поисках Гитлера, они то кричали: «Сенсация! Гитлер найден!», то, паникуя, утверждали, что фюрер сгорел в бушующем пекле Берлина, растерзанного десятками тысяч орудий, сотнями тысяч снарядов, бомб и мин, изрыгаемых военными армадами союзников и Жуковских красных орд. А то и вовсе за океаном *эксклюзивничали*: «точно установлено, что целая эскадра немецких подводных лодок скрылась в шхерах Латиноамериканского континента, унося тайны Третьего рейха, золото, награбленное у несчастных людей, и в первую очередь, у евреев...»; раздражая Советы и мир, желтые газетки утверждали, что бежали некоторые главные

бонзы Третьего рейха, к примеру, Гиммлер и Мюллер, а еще – Борманн, с легкой руки Шелленберга и Канариса, ставшего советским агентом... Уверяли, что Геринг, который на Нюрнбергском процессе «мог заговорить», покончил жизнь самоубийством перед вынесением приговора, заявив, что рейхсмаршалы Германии не могут быть повешенными. А нести ответственность за злодеяния немцев и их вождей «против всего мира» должны были оставшиеся в разоренной стране немцы.

Так это или нет, – знать советским людям было не положено! За знания советскому человеку полагалась смерть без следствия и суда!

Но зачем было товарищу Сталину, чтобы его народ вышел за рамки дозволенного пропагандой?! Подобная дозволенность может привести к вседозволенности, а вседозволенность – к новой революции и гражданской войне... Генсек установил жестокий диктат не только в стране; опираясь на своих доверенных и приближенных, Сталин, великолепно ведя интриги, хозяйничал не только в Кремле. Иногда даже его власть в *Клубе Избранных* казалась неограниченной. Да, если б товарищ Сталин пожелал сказать, он бы сказал то, от чего бы весь мир содрогнулся.

Но Иосиф Виссарионович был одним из тех, кто чутко прислушивается ко времени своей эпохи, а бой Часов Эпохи звучит из Клуба, где долгие десятилетия, начиная с первой половины XX века, заправлял и заводил эти часы Бросман. Но с тех пор как не стало советского вождя, влиять на ход времени больше не мог никто; Гейер-Генерозов даже себе не рисковал признаться, что его патрон Архимандритов поспособствовал тому, что Дэвид Бросман стал основным часовщиком Эпохи.

Как только Бросман понял это, он во многом стал игнорировать своего уже стареющего советского друга. Когда-то он считал своим большим другом советского вождя, а со смертью того – Архимандритова. Но такие, как Бросман, такие, как Архимандритов, друзей не имеют, а имеют лишь выгодную или проигрышную партию.

...Сидя в долгом молчании в кабинете босса, генерал армии вдруг по-настоящему испугался. Но не того, что босс читает его мысли, не того, что он скажет что-либо пренеприятное о его Стасике, а того, что принудит... убрать из сердца его последнюю в жизни зазнобу.

Овдовев, Исай Львович не зарился на женщин, они не вызывали в нем интереса. Но вот недавно отдыхая на вилле Центрального штаба на Черном море, Исай Львович чуть не потерял разум, влюбившись в молодую Марию. Женщина была моложе его на 35 лет; да и список грехов на любовном фронте ее был продолжителен, но старого Гейер-Генерозова это не волновало. Влюбившись, он почувствовал острую потребность именно в этой женщине, а, сойдясь с ней, физически ощущал, как его, почти 70-летнего мужчину, захватывает новая, доселе неведомая сторона земного бытия.

В жизни Исая с молодых лет было немало женщин; потом он женился на одной из них – Софье Моисеевне Новодворской, прожил обыденную и даже долгую жизнь вместе, результатом этой интересной жизни было усыновление младенца, лишившегося родителей на одном из сломов эпохи. Но особых отеческих чувств к ребенку Исай не питал, да и жена скорее воспринимала присутствие мальчика как данность.

Он никогда не боялся за них. Его сердце не тронуло, даже когда в 1942 году бериевские опричники прямо на улице задержали его жену. Когда ему сообщили об этом, он лишь отрешенно сказал:

– Мне не до этого, слишком много работы.

Его Софья была видной, холеной женщиной, и, оказавшись в камере, она поняла, что муж ее не спасет, хотя в то время он уже был правой рукой Архимандритова, а тот – одним из самых приближенных людей к товарищу Сталину. Уразумев, что обречена, она использовала единственное свое оружие – красоту и предложила нескольким сотрудникам *групповой интим*. Такой поворот дела несколько их смутил; эти самцы привыкли брать силой, привыкли видеть женщину в роли безвольного, трясущегося существа. Тогда жена Гейер-Генерозова спасла себе жизнь и благополучно вернулась домой. Исай Львович даже не удивился, увидев ее снова дома. Она, судя по всему, тоже не удивилась, что он ничего не предпринял для ее защиты.

Оба знали, что у него была только одна любовь и страсть – работа, ставшая смыслом его чудовищного бытия.

В иные моменты на склоне лет этот человек, словно киноленту, пытался прокрутить все, что он сделал и что сотворил; но кроме омерзительного восприятия своего прошлого ничего не мог почувствовать. Его долгие почти семь десятилетий существования в

стане богоборцев были никому не нужной борьбой против человеческой жизни, против божественной искры в человеке, как создании Божьем; всего только, – как он сам рассудил, – жалкая попытка своего собственного самоутверждения на этой земле...

Он подчас ужасался той мысли, что, преследуя какихто мифических, придуманных *врагов* он, одурманенный пропагандой и словно пораженный дьявольским вирусом, вместе со своими коллегами создавал чудовищные средства уничтожения людей, – настолько изощренные, что, видя их старания, содрогался сам Дьявол.

Когда он так рассуждал, мучаясь и презирая самого себя, более всего он боялся, чтобы его новая возлюбленная не потребовала признаний. Иначе, узнав, отречется, бросит, или сломается, сойдет с ума.

А пока, подпав под чары Женщины, Гейер-Генерозов исходил крамольными мыслями; что значат его общественное положение, ученость, звания лауреатов и героев труда; мнимые и заслуженные льготы, предусмотренные системой этой страны, – в соответствии со статусом, который ему создал его патрон Архимандритов?! Даже вождеденное некогда огромное состояние вкупе со всем остальным вдруг стало меркнуть, казаться ничтожным; и сделка с Арсением Аароновичем ему представилась сделкой с Сатаной. Вдруг все окружение: ближнее и дальнее, – все эти архимандритовы, бросманы, президенты и главы государств и те, кто финансирует чудовищные проекты новых войн, и те, кто трубят в прессе, *«что мы уже десятилетия живем без войны»* представились Исаю Львовичу откровенными лицемерами. Потому что и Исай Львович, и все перечисленные прекрасно понимали, что *время между войнами и есть подготовка к новой войне*, к массовым убийствам только с единственной целью обогащения... обогащения... обогащения...

Исай Львович – соратник и друг Арсения Алексеевича, конечно же, отдавал себе отчет, что может поплатиться за подобные мысли. Так оно и случится. Но пока... пока он был влюблен, любим и счастлив.

И даже допускал в мыслях, что счастливым может быть и босс, долгие годы находившийся в интимной связи с талантливой и красивейшей актрисой Советского Союза Эвелиной Абрамовной Сарнавской.

Женщина, захватившая все помыслы старого любовника, вызвала в нем чувство страха смерти; но смерти не для себя, а для нее – случайной или в глубоких подвалах Сатаны.

Наконец, решившись, Исай Львович нарушил тишайшее времяпровождение в стенах кабинета босса, услужливо попросив:

– Арсений Алексеевич, мне нужен отпуск.

Тот, словно ожидал именно такой просьбы, дал соизволение, коротко предупредив:

– Отдыхай, но не забывай, за тебя никто работать не будет.

«*Покой нам только снится*» – пропел окрыленный Исай Львович, приказав адъютанту вызвать автомобиль; а вскоре его черная лаковая «Чайка» мчалась на аэродром. Отставая на пять минут следом шла «Волга»; обе машины приехали в один конечный пункт. Из «Волги», помахав рукой, в меховой шапочке и короткой шубке вышла Мария. Пассажиры, крепко взявшись за руки, поднялись по трапу, и личный самолет заместителя секретаря ЦК Архимандритова, генерала армии Исая Львовича Гейер-Генерозова взмыл, пронзая воздушное пространство яркого погожего дня.

Влюбленные приземлились в Италии, чтобы провести короткий, но волшебный отпуск на Средиземноморье, не останавливаясь, впрочем, только в одной стране. Объезжая свет, они посещали музеи, театры, картинные галереи, любовались «Сикстинской мадонной», «Джокондой», «Венерой Милосской», – и лучшие музеи и картинные галереи заново открывались для Гейер-Генерозова. Он словно увидел мир с другой стороны, и не уходил из этого мира...

Проснувшись на рассвете и прислушавшись к дыханию лежащей рядом Марии, он отчего-то представил себе, что она – библейская Мария, спасительница падших и заблудших, его *судия*. И еще подумал, что она – чаша, его священный Грааль, наполняемый его любовью и неизведанной нежностью. Его Мария-Магдалена, которую неправедные сделали падшей, тогда как она – святая; и что пройдет какое-то мгновение, и он умрет, опустив голову ей на грудь.

Он хотел подняться и уже сделал движение, приподнимая свое грузное тело, как почувствовал, что рука Марии ухватила его за предплечье, останавливая.

– Доброе утро. Не мучай себя, мир спасет только любовь между мужчиной и женщиной. Если она существует. А уж поверь мне, она

существует вне всяких аксиом и доказательств. Ее слова были так чудесны, что Исай Львович физически ощутил, как его тело отрывается от земли, даже вздрогнул и схватил ее за руку; мысль-то какая нехорошая посетила, что он умирает. Но он не умирал, он впервые стал... жить.

– И если есть Господь, – горячо, словно впервые уверовав и молясь, попросил Исай, – то пусть он простит мне мои тяжкие грехи. И я хочу простить всем, всем... мы не в праве судить кого-либо. Все мы созданы не без участия Создателя, а значит, Ему и решать, кто мы есть на Земле.

Глава 34

Зима 197... года заканчивалась; а с приходом весны капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов должен был отправиться в экспедицию.

В преддверие этого события каперанг обращался к самым закрытым источникам информации о походах дизельных и атомных подводных лодок; изучил закрытые боевые походы советских ПЛ. Все походы с легкой руки кого-то из командиров АПЛ получили гриф «ВОКША», что означало веселое: «вокруг шарика». Сотрудники спецслужб приняли шутливое предложение офицера как серьезное кодированное название.

Изучив материалы, Румянцов спланировал поход группы АПЛ в количестве трех боевых единиц, не без основания полагая, что его босс выберет наиболее приемлемый вариант корабля и его маршрут. Капитан 1-го ранга также подготовил и утвердил у босса список всех трех экипажей подводных лодок. Он лично посетил секретный объект «Хибины», чтобы подобрать центурионов, настроенных на беспрекословное выполнение его личных приказов.

Румянцов знал, что все три командира экипажа впервые направляются к Антарктиде. Это был первый в их истории трансокеанский поход, и, конечно же, они понимали, что у советских ВМФ имеется в этом горький опыт. В начале 60-х годов АПЛ под командованием капитана 2-го ранга Алексея Токарева во время боевого похода в районе экватора столкнулась с непредвиденными обстоятельствами. Произошел сбой автоматики в реакторном отсеке, возникла угроза облучения экипажа, потребовавшая немедленно направить к ним быстроходный корабль со вторым экипажем для замены на ней личного состава в случае их переоблучения. Но, к счастью, все закончилось благополучно, и экипаж АПЛ самостоятельно возвратился в базу. Тогда было принято решение обеспечивать дальние походы АПЛ первого поколения надводным кораблем или судном, находящимся на определенном расстоянии от подлодки со вторым экипажем, готовым в случае серьезной аварии перейти на эту лодку и оказать помощь.

Такой вариант при рассмотрении его у Архимандритова был отброшен сразу, но командиры кораблей не были уведомлены об этом.

Было также принято решение, что в плавании будут участвовать только первые экипажи АПЛ. Вторым, дублирующим, экипажам давался отбой и о выполнении задания, поставленного перед их коллегами, они ничего не знали.

Буквально в последние дни Арсений Алексеевич Архимандритов вызвал к себе ведущего референта и посоветовал навестить участника давних исторических событий, «прелюбопытную личность», бывшего некогда бесценным помощником товарища Сталина, его лучшего аса – Александра Евгеньевича Салованова.

На следующее утро Иван приехал на загородную подмосковную виллу; поставив свою «Волгу» сразу за воротами, он решил пройти к дому пешком, а заодно и прогуляться по территории. Воздух уже приобрел особый свежее-пьянящий аромат весны, предчувствия скорых перемен; на ближайшей ветке громко чирикал воробей, наслаждаясь таянием сосулек в теплых солнечных лучах. Огромная вилла была практически пуста, члены семьи находились в отлучке по делам; это Румянцов понял, как только поднялся на веранду, а затем прошел в комнаты. В просторном зале в ожидании гостя в удобном кресле за круглым столом восседал поседевший красавец-богатырь; он кивком головы поприветствовал каперанга, который четко доложил о своем присутствии.

Им удалось найти доверительный *общий язык*; и за эту, и последующие встречи с Саловановым Румянцов всегда был благодарен боссу, давшему ему познать и смертельный риск, и непререкаемые свидетельства, и бесценные знания, и уникальные знакомства.

Конечно, из полученных секретных документов Иван Михайлович уже знал, что в начале 1942 года ТБ-7 (он же Пе-8) – тяжелый четырехмоторный с пятым двигателем, находящимся в фюзеляже без лопастей, советский бомбардировщик, пилотируемый Саловановым и членами его экипажа, взял курс на юг планеты, стартовав от аэродрома вблизи Хабаровска. Он сделал одну из промежуточных посадок на острове, словно замыкающем Юго-Восточную Азию; далее курс самолета пролегал в оазис в Антарктиде, коих тут было несколько.

Все, что было дальше, ему довелось услышать от самого участника тех давних событий...

Самолет благополучно совершил посадку в Антарктиде на тщательно оборудованном аэродроме; въехал на бетонированную площадку, остановился, замедляя поочередно ход, замерли лопасти моторов, и огромная плита, на которой полностью вмещался огромный бомбардировщик, стала медленно опускаться.

Через несколько мгновений самолет вместе с плитой через образовавшийся проем ушел на глубину, а из подо льда вышли двухстворчатые плиты, и когда они сомкнулись, их внешняя сторона образовала рельеф местности шестого материка.

Экипаж и пассажиры, оставив боевую машину, спустились на лифтах, которых в те годы практически не существовало в высотных зданиях Нью-Йорка, Парижа и Москвы. Лифты представляли собой великолепно оборудованные салоны, где помимо уютных сидений были ниши, за которые, как гласила табличка на русском и немецком языках, *заходить не рекомендовалось*.

Как признал Салованов, вместе с ним тогда в Арктику прилетел и Арсений Алексеевич Архимандритов. Выйдя из лифта, они направились по аллее с экзотической растительностью в сторону вытянувшегося вдоль горного хребта озера с фиолетовой водой. И в тот, и в иные свои прилеты, бывая здесь, оба спутника с удивлением воспринимали неземную гамму освещения, словно бы выходящую из-за несуществующего горизонта, – как выходит утреннее *ярило*, освещая землю. Иногда слышались звуки, которые нельзя сравнить с теми, что слышимы на земле; но сами звуки не раздражали, а скорее, располагали к умиротворению и покою. Аллея, по которой они двигались всего несколько минут, воспринималась на уровне подсознания, как и открываемые им виды; нельзя сказать, было ли, существовало ли то на самом деле. Но звуки успокаивали и будто предлагали принять все таковым, каковым им видится, представляется и воспринимается сознанием.

Аллея оборвалась внезапно, спутники увидели огромное плато, напоминающее эстакаду, на которой то появлялись, то исчезали какие-то дивные квадратные сооружения. И когда эти сооружения проявлялись, то создавалось впечатление, будто во внутрь них влетает нечто подобное смерчу, но смерч был каждый раз совершенно не похожий на предыдущие. Странное и непонятное явление; но понимания не требовалось; человеческий мозг не пытался

анализировать происходящее. В момент, когда в странное сооружение влетал смерч, в том месте эстакада вдруг расширилась до невероятных размеров, а на месте сооружения появлялась огромная, светящаяся фиолетовым цветом окружность. Превращавшаяся в огромное круглое и конусообразное сооружение. А смерч или его подобие также проходил метаморфозы: он превращался в невидимую, но отчетливо ощутимую, огромного диаметра шахту-трубу; и все вместе: и сооружение, и все образовавшееся над ним, в нем и за ним – словно исчезало, сжимаясь в точку, превращаясь в невидимку.

В тот миг Салованов, словно забыв, кто он и откуда, повернувшись лицом к Арсению Алексеевичу, вымолвил:

– Да что такое наш лучший бомбардировщик по сравнению с *этим*? Так, дребезжащая каракатица.

Они отчего-то оказались отрезанными от остальной группы, и вдвоем вошли в огромный циклопический цилиндр, светящийся снаружи неведомыми им расцветками внеземной радужной палитры; *кто-то* передал в их мозг информацию, что ни один художник в мире не сможет человеческим сознанием воспринять количество оттенков, излучаемых тут.

Эти два человека, попавших в неведомый мир, обладали по своему чрезвычайно уникальным мозгом, но мощи их мозга хватало только на то, чтобы не поддаться соблазну показаться себе сумасшедшими, либо выказывать неразумное восхищение и щенячий восторг от видений.

Они расположились на практически невидимых, но все же удобных и уютных креслах; и какую бы позу они ни приняли, оба ощущали, как кресло синхронно меняется, подстраиваясь *под* сидящего. И Архимандритов, и Салованов пытались резко наклоняться, перегибаться, переваливаться за пределы непонятного предмета, но кресло всякий раз изменяя форму, умудрялось проводить сеанс приятной релаксации в сочетании с массажем.

Прошло еще несколько мгновений, и вдруг словно проявившись или образовавшись из газообразного состояния, вокруг появилось сразу множество людей, будто разделенных на две группы. Рабочим языком этих больших групп людей, состоящих из немцев и русских, был не звуковой язык, произносимый голосовыми связками, а язык снятия информации с одного мозга и передаваемого на второй. Но так

этот процесс выглядел бы в замедленном темпе. На самом деле, объем обмена информацией производился огромными массивами между сотнями, а то и тысячами людей двух национальностей одновременно.

Люди, присутствующие в огромном пространстве светящегося сооружения, в том числе Архимандритов и Салованов, стали участниками некоего внепланетного, или внеземного совещания. Мозг вновь прибывших функционировал точно также, как и всех остальных, то есть, на пределе предела, на 100 % мощности. И пока шел одновременный обмен информацией, сооружение заполнялось то ярко-белым свечением, то становилось фиолетовым.

В конгломерате запредельно-высшего мышления за короткое время заседания, в доли секунды формировалось единственно мудрое и верное решение. Оно аккумулировалось в миг, когда мозг сотен людей – нейроны мозга всех и каждого – с космической скоростью в 300 тысяч километров в секунду пронзала неведомая энергия мысли. И это было столь увлекательно, – познавать огромные массивы информации за считанные секунды. Тогда как, по словам Александра Евгеньевича Салованова, на земле эти процессы познания потребовали бы нескольких лет обычной жизни.

В этом мире все шло по иным измерениям.

Потому что *это был иной, параллельный и сверхскоростной мир*, в который попали эти два человека: два гениальных представителя советской системы. Но здесь даже не посещало их привычное состояние избранности и величия, присущее там, на Земле. Здесь не нужны и не важны были статус и положение в обществе, заслуги перед Родиной и другие земные *ценности*. Здесь никому и никогда не могла придти в голову мысль, что на прародительнице-матери-Земле существуют какие-то *режимы*: сталинской диктатуры и диктатуры Гитлера.

Здесь абсолютно отсутствовал страх, в том числе и страх смерти. При том скоростном режиме мышления мозга смерть не была *смертью*, а была переходом в иное состояние, когда плазма, из которой сформирован физический остов человека, *хомо сапиенса*, расщеплялся на те частицы, которые на земле принято называть духом, душой, геномами, молекулами и т. д.

Люди, функционировавшие в параллельном мире, тоже созидали и любили, но почти невозможно было представить, что кто-то из них

додумается *до мысли* вернуться в тот мир, где есть у них близкие, родные, могилы предков... Непознанный мир вытеснил их прошлое существование. Их мозг получил способность заглядывать не только в далекое прошлое, но и в ближайшее будущее, и даже еще дальше, – на десятки, сотни и тысячи лет. Подобное дается только Высшим Вселенским Разумом. И тысячи немцев и русских, оставшихся в параллельном мире, не желали знать ни о каких политических фетишах, навязываемым им маломыслящими, примитивными человеками на земле...

После этого *заседания* Архимандритов и Салованов встретились там с многими из тех, кто был известен в СССР и в гитлеровском рейхе. Но известны как обычные люди: служащие, политики, ученые, военные, – тогда как здесь они приобрели новые качества, описать которые практически невозможно земным языком. Среди тех, с кем *разговаривали* прибывшие, был «исчезнувший» в ноябре 1941 года немец Рейнхардт Раунштедт, один из самых талантливых землян, который в условиях параллельного мира познавал особенности взлетающих и возвращающихся сооружений, напоминающих человеку огромные кольцеобразные и конусообразные летательные аппараты. Он словно учился их моделировать, производить их, и управлять ими...

Этот новый мир, присутствие в котором было дозволено Высшим Вселенским Разумом, многим здесь представлялся фазой личного познания мира, будто *со временем* они смогут приложить энергию своего мозга и свой исключительно высочайший интеллект на пользу всего многомиллиардного населения планеты Земля, выводя землян на новую ступень совершенствования. А пока, общаясь с прибывающими, – с избранными, которым также было позволено заглянуть *в святая святых*, – они передавали полученные знания, умение и чертежи.

Многие из находящихся там не однажды, а множество раз, выражаясь земным языком, преодолевали огромные расстояния, исчисляемые световыми годами, и возвращались обратно... путешествую во Времени и Пространстве...

Александр Евгеньевич, помолчав и отпив несколько глотков уже давно остывшего чая, с какой-то неподдельной грустью сказал:

– Мне кажется то, о чем я тебе рассказываю, и то, что ты знаешь, ты когда-нибудь выплеснешь, словно вулкан, и погребешь этим свою личную Помпею. Но истина озвучивается словами, и сказанное тобой оставит свой след.

Глава 35

Общее руководство плаванием к Южному матерiku должен был осуществлять заместитель начальника Центрального штаба по морской части вице-адмирал Александр Кириллович Белых. Но в день отхода кораблей Архимандритов уведомил Румянцова, что этот поход возглавит он, капитан 1-го ранга. Благополучное выполнение задания сулило повышение не только в должности, но и в воинском звании. Но до этого, как говорят, нужно было еще дожить...

Координирование «Снежного юга» Архимандритов поручил своему заместителю генералу армии Исаю Львовичу Гейер-Генерозову; который до последнего времени считал, что и эту экспедицию, и всю операцию будет осуществлять его сын. Но босс *переиграл* такой вариант, наделив полномочиями своего доверенного референта. Ну что ж, Исай Львович спрашивать не посмел, хорошо зная, что бывает в их ведомстве с излишне любопытствующими; ну а в *подвал* старый генерал вовсе не спешил.

Вначале Арсений Алексеевич Архимандритов считал, что на той подлодке, где будет находиться капитан 1-го ранга Румянцов, не должны знать, что с ними следуют еще две лодки. Но в день отхода кораблей от пирса Румянцов также лично получил от босса сообщение, что все три АПЛ будут следовать разработанными им маршрутами.

В начале марта 197... года три АПЛ погрузились у пирса военно-морской базы для атомных и дизельных подводных лодок на Северном флоте. В прежние времена ведомством Арсения Алексеевича Архимандритова в здешних местах был выбран фьорд, где и построили секретную ВМБ «Касатка».

Началась операция «Снежный юг».

И вскоре три подлодки пересекли границу территориальных вод СССР.

Через какое-то время в заданной точке, – как и планировалось, – состоялась встреча трех атомных подводных лодок. Всплыв, капитан 1-го ранга Румянцов уточнил по УКВ-связи с борта «своей» АПЛ организацию совместного плавания, взаимное обеспечение

навигационными данными и поступающей в их адрес информации, после чего лодки вновь погрузились и продолжили долгое плавание.

Они двигались день за днем, на исходе уже был второй месяц плавания, так что у каперанга Румянцова доставало времени на то, чтобы переосмысливать и сопоставлять полученную в Москве из секретных архивов информацию.

В его голове не раз проносились мысли: *что же из того, что происходило с другими, может произойти с ним самим?!*

* * *

В 1938 году командующий подводным флотом Третьего рейха адмирал Карл Дениц сказал: «Мои подводники обнаружили в Антарктиде настоящий рай!»

С 1938 и в последующие годы между Германией и Антарктидой начались регулярные рейсы судна «Швабия», с началом Второй мировой замененного на дивизион подводных лодок из 35 субмарин, получивших название «Конвой фюрера». Но и «Швабия», и «Конвой фюрера» были отвлекающими операциями, чтобы скрыть истинные работы, проводимые в Антарктиде.

В 1943 году командующий кригсмарине Третьего рейха гросс-адмирал Карл Дениц произнес: «Германский подводный флот несказанно гордится тем, что на другом конце света он создал для фюрера неприступную крепость – настоящую Шангри-Лу наших дней!»

Когда в 1944 году немецкие субмарины вывезли Гитлера и Еву в Антарктиду, где они прожили некоторое время на таинственной базе, которую немцы называли «Новой Швабией», «Базой-211», «Оазисом», а еще – *Шангри-Лу*, у американцев проснулся неподдельный, прямо-таки магнетический интерес к этой ледовой территории.

В феврале 1947 года американское руководство отрядило на поиски базы и ее «постояльцев» целый флот во главе с адмиралом *Ричардом Э. Бэрдом*. О ее целях и задачах было известно лишь ВМС США.

Полярный исследователь Р. Бэрд в 1926 и 1929 годах достиг по воздуху Северного и Южного полюса соответственно. Еще до Второй

мировой он совершил три экспедиции к шестому континенту. В 1947 году Бэрд отправился совершать «High Jump», – «Высокий прыжок», символизирующий завершение существования фашистской цивилизации вкупе с таинственными базами, летающими тарелками, сверхзвуковыми дисколетами, плавающими сигарами, огромными подводными светящимися кругами и *черт знает чем еще*.

К началу похода американский адмирал имел максимум информации от экипажей захваченных немецких подводных лодок U-977 и U-530.

В составе эскадры было 4700 человек и 13 боевых кораблей, в числе которых находились тяжелый авианосец противолодочной обороны (ПЛО) CVS47 «Филиппин Си» (тип «Эссекс»); подводная лодка SS408 «Сеннет» (тип «Балао») и ледокол WAGB282 «Нортуинд» (тип «Уинд»). Адмирал Ричард Э. Бэрд держал свой флаг на флагманском штабном корабле десантных сил AGCB8 «Маунт Олимпус».

Все корабли эскадры были вооружены 127-мм универсальными орудиями, имели на борту вертолеты и самолеты, в том числе 15 большегрузных самолетов, самолеты-разведчики дальнего действия и так называемые летающие лодки.

Прежде чем обнаружить Базу-211, адмирал Бэрд направил свои корабли к острову Скотта, но пройти туда не удалось. Корабли начинали терять ход, стрелки компасов выходили из строя. Позже, по прибытии домой, адмирал Бэрд в своих донесениях укажет, что уже при подходе к шестому материка он видел зловещие светящиеся огромные *круги в океане*. При этом обнаружилось, что замедляется ход кораблей, а часть членов экспедиции – офицеров и моряков просто беспричинно занедужили.

Тогда поступил приказ о направлении эскадры и авианосцев на старую зимнюю базу – «Малую Америку». В течение двух недель самолеты совершили 29 вылетов, в том числе 15 февраля в район Южного полюса.

В глубине материка в районе Принцессы Астрид между берегом Нокса и Землей Королевы Мэри экспедиция обнаружила оазис площадью около 1000 квадратных километров, где была выявлена линия пород полезных ископаемых, а также несколько крупных незамерзающих пресноводных и мелких озер.

В то время, когда корабли адмирала Бэрда бросили якоря в море Уэдделла у берегов Земли Королевы Мод, там уже находилась советская эскадра под командованием контр-адмирала Потанина из 5-го Антарктического флота ВМС СССР, которым командовал адмирал Герасим Николаевич Васнецов.

Американская экспедиция, рассчитанная почти на годичное пребывание в суровых условиях низких широт, вдруг... спешно ретировалась. На заседании срочно утвержденной Президентской комиссии адмирал Ричард Бэрд пояснил, что «прекращение экспедиции было вызвано действиями вражеской авиации», причем неизвестными силами были «летающие тарелки, которые выныривали из-под воды, и, двигаясь с огромной скоростью, нанесли экспедиции значительный урон».

– США необходимо как можно быстрее принять защитные акции против истребителей противника, совершающих вылеты из полярных районов. В случае новой войны Америка может подвергнуться атаке врага, обладающего способностью летать с одного полюса на другой с невероятной скоростью! – во всеуслышание, но только для *избранных* из президентской комиссии, признался прославленный американский адмирал.

Работу экспедиции сразу же закрыли такой завесой секретности, какой до этого не была окружена ни одна научная экспедиция.

Но журналисты выяснили, что эскадра Р. Бэрда вернулась не в полном составе. Был утерян один корабль, сбито 13 самолетов, а потери личного состава составили более 40 человек.

В апреле 1947 года саваннская газета «Эдвенчур» опубликовала скандальный материал «Война с русскими в Антарктиде», где автор сообщал, что русские напали на «нашу мирную научную полярную экспедицию в Антарктиде и разгромили ее». Также было сообщено, что адмирал Бэрд, который командовал экспедицией, побывал в плену у русских, но чудом спасся. Автор провел параллели и припомнил недавние времена, когда вся американская общественность – от широких народных масс до правительственных кругов – жила с началом в 1939 году Второй мировой в неподдельном паническом страхе, что им придется воевать с Германией и их крепким союзником и единомышленником Советским Союзом. Тогда, в конце 30–начале 40-х весь мир и представить не мог, что союзники столкнутся лбами.

Сразу по выходе газеты и ее попадания в киоски, она была изъята правительственными агентами. Которые прошли по всем квартирам близстоящих от киосков зданий, жители которых теоретически могли в это раннее утро успеть купить свежий экземпляр газеты.

Изъят был и чикагский журнал «Форвард», в одном из номеров которого за тот же 1947 год появилась статья о катастрофе экспедиции адмирала Ричарда Бэрда, основанная на удивительном рассказе одного из моряков с приложением нескольких фотографий. Интервьюируемый повествовал о потоплении *летающими тарелками* американского эсминца «Мэрдок»; с кораблем тогда погибли его капитан Сайрус Лофарг и около 40 человек личного состава. Он признавался, что видел, как неведомые объекты вылетали из воды, проскакивая с невероятной скоростью между корабельных мачт, пронзая все неведомыми лучами, выпускаемыми ими из носовых частей. Тогда же для боя с противником с палубы находившегося неподалеку авианосца «Касабланка» поднялись в воздух два истребителя F-4U «Корсар», но тут же упали в воду возле корабля, сбитые пронзающими лучами. Знаменитые «корсары» на фоне военных аппаратов неизвестного противника выглядели заводными детскими игрушками. И хотя в авиагруппе авианосца «Касабланка» насчитывалось 6 вертолетов S-46 и 25 самолетов, среди которых – 5 истребителей F-4U «Корсар», 5 штурмовиков A-21 «Вампир», 9 бомбардировщиков «Хэллдайвер», 5 уникальных, новейших на то время XF-5U «Скиммер» и еще командирский «Тайгеркэт», – сражаться с фантастическими объектами у них не было никакой возможности. К тому же часть самолетов была незадолго перед этим перебазирована на береговой аэродром.

Очевидцам 15-минутного боя летающие объекты показались черными ласточками с красными клювами, плевавшими лазерным огнем; описать их привычными терминами человеческого языка не представлялось возможным. Однако, закончив расправу с эсминцем (таким вот образом *предупредив* американцев?!), летающие тарелки стремительно исчезли в пучине вод, не обстреляв спешащие в район боя спасательные катера и шлюпки, а также другие корабли и летящие сюда же самолеты, в том числе прозванные «блинчиками» новейшие XF-5U «Скиммер».

Разве мог подобный материал не взорвать общественное мнение? И разве не дало бы это повода поразмыслить над тем, чем занимались

русские и немцы в Антарктиде задолго до начала 40-х годов?!

Понятное дело, весь тираж журнала самым таинственным образом исчез, не успев дойти до подписчиков; хотя имелись свидетельства тех, кто все же успел купить его в киоске. Но, как и в случае с предыдущим изданием, злополучный номер был в спешном порядке заменен на другой.

На следующий день после боя адмирал Ричард Бэрд на своем «Тайгеркэте» отправился в ледовую разведку; но пропал вместе с пилотом и штурманом. Самолет, на котором летел адмирал, вынудили приземлиться летающие тарелки. И когда адмирал Бэрд выбрался из машины, к нему подошел генерал-полковник люфтваффе Удет и, произнося с легким акцентом английские слова, приказал опешившему адмиралу передать сообщение американскому правительству. Немецкий генерал потребовал от Америки *«...прекратить атомные испытания и попытки проникновения в Антарктиду. В противном случае мы атакуем атомными бомбами территорию США и уничтожим их!»*

После чего пригласил Бэрда в тайную арктическую колонию; но увидел ли он *то*, о чем рассказывал Румянцову Александр Евгеньевич Салованов, – каперанг не знал, он думал, что так оно и было, и что американец почувствовал взеземное проникновение в его разум, и ощутил работу своего мозга на все невероятные, запредельные 100 %.

Сразу после того как заместитель командующего экспедицией Ричарда Бэрда адмирал Старк передал в Вашингтон сообщение об исчезновении адмирала Бэрда, ему поступил приказ немедленно свернуть экспедицию и, соблюдая полное радиомолчание, следовать обратно в США. Но *похитители* вернули американца его «великой стране».

И адмирал Бэрд, представший перед Президентской комиссией, и ряд сопровождавших его в экспедиции экспертов и ученых, продолжали утверждать, что неизвестные летательные аппараты были произведены на глубоко замаскированных под толщей антарктического льда, в земле, авиастроительных и ракетных заводах, конструкторы которых овладели взеземной энергией, применявшейся в двигателях аппаратов. Подземные заводы в Арктике напоминали заводы по производству ракет ФАУ-2 в Пенемюнде.

После той встречи адмирала Бэрда с генерал-полковником люфтваффе Удетом между сотрудниками немецкой Базы-211 и американским правительством было подписано соглашение об обмене немецких технологий на американское сырье, в котором колония земель в Антарктиде не нуждалась, но у которых была потребность распространять уникальные знания на пользу человечества.

Люди знающие не посчитали адмирала Бэрда и его коллег сумасшедшими (Бэрд попал на короткое время в психушку, но был выпущен и восстановлен в звании и должности); потому что эти *люди знающие* по окончании Второй мировой, ворвавшись в Германию, оказались, как они сами говорили, перед пещерой Аладдина, где таились несметные технологические сокровища. Пришедшие, словно варвары, разграбили сокровищницу, чтобы впоследствии сделать *свой* прорыв в науке и технике, основанный на чужих достижениях.

США, напуганные присутствием в Антарктиде не так немцев (чья нация потерпела сокрушительный удар в *земных* реалиях), как русских (советских), в спешном порядке начали неофициальные переговоры с правительствами Аргентины, Чили, Австралии, Новой Зеландии, затем Великобритании, Франции и Норвегии.

Одновременно в США началась сначала осторожная, а затем настойчивая кампания в прессе против СССР. В журнале «Форин афферс» бывший советник-посланник США в СССР Джордж Кеннан после экстренных консультаций с правительством опубликовал статью, в которой прямо высказал идею о «необходимости скорейшей организации отпора непомерно выросшим амбициям Советов, которые после успешного окончания войны с Германией и Японией торопятся воспользоваться своими военными и политическими победами для насаждения опасных идей коммунизма не только в Восточной Европе и Китае, но и в... далекой Антарктиде».

В ответ на это заявление глава Советского государства товарищ Сталин обнародовал свой Меморандум о политическом режиме Антарктиды, в резкой форме отозвавшись о намерениях правящей верхушки Америки «...лишить Союз Советских Социалистических Республик своего законного права, основанного на открытиях в этой части света русскими мореплавателями, сделанных еще в начале XIX века...»

Сразу после публикации этого Меморандума американцы пошли на попятную: государственный секретарь Госдепа США Дж. Бьернс неожиданно для всех был отправлен президентом Труманом в отставку.

После отставки госсекретаря скандал с Антарктидой почти мгновенно затих; да и позицию Советского Союза официально поддержали Аргентина и Франция.

Президенту США оставалось выразить согласие на участие представителей советской стороны в международной конференции по Антарктиде, которую намечалось провести в Вашингтоне. Заранее было оговорено, что стороны подпишут договор, где будет пункт о демилитаризации Антарктиды, о запрещении на ее территории любой военной деятельности, – от разработки сырья, необходимого для создания каких-нибудь вооружений вплоть до хранения на подземных базах всех видов оружия, в том числе и атомного.

В архивных сведениях, скрытых в недрах аппарата секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова отыскались и документы, проливающие свет на некоторые моменты советских антарктических экспедиций послевоенного периода. Из которых капитану 1-го ранга Румянцову стало известно, что в 1947 году адмирала Бэрда ждали в Антарктиде агрессивно настроенные советские полярники, среди которых был и контр-адмирал Дмитрий Иванович Потанин. А между тем, прославленного американского адмирала Ричарда Э. Бэрда его соотечественники нередко называли «американским Потаниным».

В начале 1951 года Потанин и его коллеги возвратились в столицу и закрытым указом были награждены орденами Ленина и другими правительственными наградами. А Дмитрий Иванович был назначен руководителем отдела Морских научно-исследовательских работ Академии наук. Что означало для немногих сведущих, что занимаемая им до 1946 года должность начальника морских путей Севера – *цветочки*, тогда как отныне профессор Потанин возглавил морскую разведку страны. И в его лице морская разведка получила колоссальный опыт в освоении неведомых доселе технологий и методов разведывательной работы. И морская разведка каких самых сильных держав мира могла бы похвалиться такими активами?!

Глава 36

С того момента, как три АПЛ, на одной из которых находился руководитель похода капитан 1-го ранга Иван Румянцов, всплыв и уточнив по УКВ-связи взаимное обеспечение навигационными данными, вновь погрузились, продолжив плавание, больше никто не смог бы наблюдать их на поверхности вод.

В июне отряд подводных кораблей пересек экватор, а спустя 38 суток подошел к проливу Дрейка.

Но между этими двумя событиями произошли неожиданные столкновения, в общем-то ведомые некоторым морякам с самых давних времен. Столкновения, от которых волосы встают дыбом и противные мурашки страха вгрызаются в кожный покров...

После пересечения экватора отряд АПЛ взял курс на юго-восток в район мыса Доброй Надежды. Но на траверзе мыса руководитель похода капитан 1-го ранга Румянцов и командир АПЛ капитан 1-го ранга *Олег Андреевич Островский* решили в предрассветный час подвсплыть на перископную глубину. То, что они увидели, было просто невероятно.

Перед взором Ивана в морской тиши утреннего, предрассветно-молочного часа вдруг возникли светящиеся очертания плывущего двухмачтового корабля, с реями надутых тусклым светом парусов. «Ну и дела, – подумал Румянцов, – это же корабль-призрак, Летучий Голландец!»

С этим легендарным и жутким призраком океана связана трагическая судьба португальского моряка Бартоломео Диаша. Во время первого своего плавания вокруг Африки он открыл мыс Бурь, позднее названный мысом Доброй Надежды. Преодолеть тогда же бушующее пространство мыса Бурь Диаш не смог, и, испытывая горькое и немощное разочарование, поклялся, что вопреки воле всех богов преодолеет злосчастный мыс, даже если ему придется за это отдать душу морскому дьяволу.

Во время одного из последующих плаваний в Индию отважный португалец вновь дошел до заветной цели, но в наказание за свое кощунство погиб вместе с судном и экипажем, застигнутый жестоким

штормом. Стихия, отобравшая жизнь смельчака, не смогла утянуть ни его душу, ни душу его корабля. Призрачный Летучий Голландец попрежнему бороздил волны моря, но волны *иного* времени и *иного* пространства. И в те минуты, когда для него открывалась дверь в реальный мир, он проявлялся в чудовищной яви перед теми, кому хотел подать тайный знак... то ли вещающий о смерти, то ли о чудесном избавлении...

Но моряки всего мира уверены, что того, кто увидит этого призрачного скитальца, ожидает беда; будто бы ветхий корабль со скелетами на борту увлекает за собой на рифы намеченную жертву.

То, что увидели капитаны 1-го ранга Румянцов и Островский, поражало воображение; но эта встреча с существами *из преисподней* была не последней.

Буквально через сутки при подвсплытии на перископную глубину они вновь увидели призрак.

На сей раз им явился призрак немецкого капитана фон Фанкельберга, когда-то плававшего в Северном море. Моряки поговаривали, что капитан – как большинство покорителей морей в те давние времена, – не боялся *ни бога, ни черта*. И охотно играл в кости с дьяволом, ставя на кон свою душу. Фон Фанкельбергу везло не долго, и однажды он проиграл. С тех пор его душа превратилась в реюший над волнами призрак, который и увидели Румянцов и Островский.

Но и на этом испытания потусторонним не закончились!

Призрак Летучего Голландца вновь появился спустя трое суток после того, как офицеры видели его в первый раз.

У человека неподготовленного от подобного преследования могла пойти кругом голова; но каперанг Румянцов, работающий в сверхсекретном ведомстве, был свидетелем самых уникальных экспериментов, и знал о разных невообразимых чудесах.

К примеру, он знал, что часть сознания человека может пережить смерть и способна телепатически проецировать образы, в том числе и образы материальные живым людям, – что и воспринимается ими как *призраки*.

Следующая *телепатическая проекция* проявилась, когда АПЛ, минуя акваторию Фолклендских (Мальвинских) островов, приближалась к мысу Горн в район пролива Дрейка. И вновь каперанги Румянцов и Островский наблюдали в перископ летящий к

берегу, а затем исчезающий в густом тумане фантом. То был таинственный корабль-призрак с высокими мачтами, на котором когда-то плавал знаменитый английский мореплаватель Фрэнсис Дрейк.

В 1588 году испанский король Филипп II послал «Непобедимую армаду» для завоевания Англии: 130 кораблей с 30.000 десантом на борту. Но когда испанцы встретились с флотом его королевского величества под командованием адмирала Дрейка, то потерпели чудовищное поражение. И рассеялись по океанским просторам. «Непобедимая армада» была отброшена на север, обошла Шотландию и Ирландию и во второй раз за время военной экспедиции попала в шторм. Когда, наконец, испанцы добрались до родных берегов, их было наполовину меньше. Так что не удивительно, что среди испанцев возникла молва, а затем и вера, что адмирал Дрейк обладает волшебным зеркалом, позволяющим ему видеть корабли в самых разных частях океана. И зеркало, и верную удачу адмирал сэра Фрэнсис Дрейк получил от дьявола в обмен на свою душу.

Вернувшиеся в Испанию чудом уцелевшие моряки утверждали, что Дрейк навлек жесточайшие штормы на «Непобедимую армаду», призвав на помощь девонских ведьм. И уже много позже появилась легенда, что будто призраки тех ведьм обитают на мысе Дьявола, сторожа проход к Девонпорту.

Адмирал Дрейк, получив от дьявола свои таланты, делал разные чудеса. И, глядя в перископ на прозрачный силуэт адмирала, сидящего на призрачном утесе, Румянцов и Островский заворожено наблюдали, как тот строгаёт какой-то призрачный предмет, надо полагать, кусок дерева. И, словно в соответствии с легендой, из-под его огромных белесых рук вылетали стружки, превращаясь при попадании на воду в едва светящиеся парусники с полным вооружением, которые, развернувшись в боевой ордер, взяли курс на норд.

Не имея ни сил, ни желания оторваться от призрачного зрелища, буквально очарованные мистическим магнетизмом происходящего, Румянцов и его коллега осознали, что адмирал уже не сидит на утесе, а готовится сокрушить... свадебную процессию.

Когда-то мореплаватель влюбился в Элизабет Сайденхем, девушку-аристократку. Но родители запретили ей выходить за простого моряка. Дрейк ушел в поход, а его возлюбленная, устав ждать, согласилась стать женой другого. Но во время свадебной

церемонии к ногам невесты упало пушечное ядро, прилетевшее с другого конца света, пущенное с корабля сэра Фрэнсиса. Элизабет, поняв намек, в страхе отказалась от жениха, а в 1585 году она вышла замуж за адмирала Дрейка. Это «пушечное ядро», как реликвия, хранится в музее Дрейка. Но тогда в перископ Румянцов ясно видел летящее словно бы в сторону их подводной лодки светящееся, словно солнце, ядро. Ядро пронеслось мимо и упало в воду в полутора-двух кабельтовых от них, туда, где словно сформированная из небесных облаков, стояла свадебная группа. Полежав на поверхности волн, ядро медленно погрузилось в воду, не оставляя никакого шипящего следа.

Выйдя замуж за легендарного адмирала, Элизабет Сайденхем, ставшая мисс Дрэйк, превратилась в хозяйку пролива имени ее мужа, и, проплывая в этих водах, моряки благоговейно шепчут благодарности и тайно несут ей всевозможные дары.

Последним призраком, увиденным на АПЛ капитана Островского, была германская субмарина UB-65. И это было самым большим потрясением для психики Олега Андреевича, после которого он долго не мог прийти в себя.

Уже во время строительства и испытаний подводной лодки UB-65 погибли четверо моряков; и к тому же позже чуть не задохнулся от газов весь экипаж. Проклятие повисло над лодкой. Осенью 1917 года во время погрузки торпед одна из них неожиданно взорвалась. Взрывом убило вахтенного офицера и четверых моряков. С этого момента на ПЛ стали происходить сверхъестественные события, приводящие моряков в ужас. Буквально через несколько дней после случившейся трагедии два матроса внезапно увидели на палубе призрак погибшего вахтенного офицера, который стоял в носовой части лодки, скрестив руки на груди.

Когда в каюту капитана 1-го ранга Олега Островского постучал и вошел Румянцов, явно потрясенный капитан признался, что только что в своей каюте он видел призрак вахтенного офицера с подлодки UB-65, который стоял, скрестив на груди руки. Кто перед ним, – Островскому *подсказало* сознание.

В свою очередь, каперанг Румянцов сообщил, что его в каюте также посетил офицер с немецкой лодки, стоявший в той же незамысловатой, но зловещей позе.

...Ужас моряков той заклятой UB-65 перед призраком был настолько силен, что они стали дезертировать, несмотря на военное время (время Первой мировой) и не боясь наказания военно-полевого суда. Страх столкнуться с мертвецами в закрытом пространстве стального корпуса был многократно ужасней наказания. Вскоре ушедшая в боевой поход субмарина под командованием опытного капитан-лейтенанта Вальтера Шелле чуть не погибла. Чудом спасшийся экипаж молил всех морских богов даровать им спокойствие; но во время второго похода по кораблю вновь стали разгуливать призраки. А когда несчастная лодка вернулась на базу, погиб молодой офицер экипажа, попав под колеса автомобиля. Смерть преследовала проклятых неведомой силой моряков. Во время следующего выхода в море матрос-торпедист, закричав, что видит зовущий его к себе призрак, кинулся в море. Также через короткое время погиб и еще один моряк. В самой лодке погиб другой член экипажа, ударившись о переборку между отсеками.

Ни о каком продолжении участия UB-65 в боевых действиях не могло быть речи; ПЛ вернулась на базу. И даже пастор, проводивший долгий ритуал по изгнанию нечистой силы, не смог преодолеть наложенного заклятия. При выходе в очередной поход – с новым экипажем – субмарина навсегда исчезла в морской пучине. Тайна ее гибели так и не была раскрыта.

Уже после того, как капитан 1-го ранга Островский видел в своей каюте призрак и поделился виденным с руководителем экспедиции, произошло следующее. Неожиданно после того, как командир АПЛ раздевшись, зашел в душ, он увидел рядом с собой под струями стекающей воды *человека* в морской форме немецкого офицера, который смотря сквозь него, как смотрят сквозь стекло, внятно *сказал*:

– На вашем противолодочном крейсере «Москва» Черноморского флота произошел сильный пожар, во время которого погибли люди. Эти погибшие станут по ночам встречаться живым в кормовом коридоре под вертолетным ангаром. И живые будут слышать их стоны.

После сказанного призрак офицера с UB-65 исчез.

Потрясенный Олег Андреевич мучительно переживал видения, тщательно скрывая свою болезненную реакцию от Румянцова. Но, обсуждая виденное, он все же высказал сомнения в целесообразности дальнейшего похода в Антарктиду.

Понимая, что капитан АПЛ удручен и подавлен, капитан 1-го ранга Румянцов предложил:

– Олег Андреевич, может, вам следует отдохнуть? Два ваших старпома имеют доступ к управлению кораблем, и один из них может вступить во временное командование лодкой.

– Нет-нет, Иван Михайлович, мне нужно полчаса, я соберусь... не переживайте... возьму себя в руки и все будет нормально. Но прошу вас не отстранять меня даже на время от командования лодкой.

О мифических видениях было известно на всех трех, следовавших одним курсом, АПЛ. Но с головной лодки офицерам передавалось, что все виденное ими должно восприниматься обыденно, и что никакие чудеса не должны влиять на выполнение поставленных задач.

Глава 37

Когда отряд боевых кораблей пересекал пролив Дрейка, на поверхности океана разразился жесточайший шторм, и все три субмарины ушли на глубину, необходимую для связи с командованием. Каждая из них поддерживала связь с командным пунктом в СССР по звукоподводной связи; им отвечали сотрудники командного пункта Центрального штаба аппарата Архимандритова. Между собой подводники общались также по звукоподводной связи.

За почти 79 суток плавания до кромки льдов на шестом материке лодки прошли 21 765 миль. Было принято решение последовательно подвсплыть на перископную глубину с целью изучения надводной обстановки.

На малом ходу в проливе Дрейка все три подводных корабля на глубине более 200 метров начали двигаться галсами. При подвсплытии одной из лодок изучавший через перископ поверхность океана вахтенный офицер доложил, что погода резко ухудшилась, небо затянуло облачностью и над зыбью волн стелется густой туман. Видимость составила полтора-два кабельтовых, забортная температура воды была +5 градусов, воздуха – +6 градусов. После чего лодка вновь ушла на глубину, где было произведено взаимное ориентирование по запросу. Все АПЛ были вооружены всеширотным навигационным комплексом второго поколения «Сигма».

Траверз мыса Горн отряд АПЛ прошел в 15 часов 30 минут, а спустя 2 часа 10 минут корабли взяли курс непосредственно на море Уэдделла, в сторону Земли Королевы Мод.

Спустя какое-то время с командного пункта Центрального штаба поступил приказ флагманской субмарине, где находился командир отряда боевых кораблей капитан 1-го ранга Румянцов, – прежде чем подойти к подводным воротам входа в Антарктический материк, «его» АПЛ должна пройти еще раз вдоль всего курса до мыса Горн и обратно. Две другие лодки, отделившись, последовали спланированным ранее курсом...

Именно тогда Иван Румянцов припомнил слова босса, что *не* все в этой экспедиции зависит от него, Арсения Алексеевича, и что он сам

хотел бы знать, как далеко *пустят* его ведущего референта, капитана 1-го ранга...

Подвсплывая на перископную глубину и поочередно глядя в перископ, командир атомной подводной лодки капитан 1-го ранга Олег Андреевич Островский и каперанг Румянцов убеждались, что океан совершенно пуст. Подобная ситуация позволяла при всплытии АПЛ в позиционное положение в предвечерние и в предутренние сумерки спокойно *«качать звезды»*. Но именно эта пустынная обманчивая тишь вызывала у моряков беспокойство.

Ночами в этой части света можно было наблюдать восхитительное зрелище: небо, сплошь усыпанное мириадами звезд, среди которых доминирует созвездие Южный Крест, – вместо Большой Медведицы, так привычной морякам, плавающим в Северном полушарии.

На подходе к траверзу мыса Горн командир АПЛ, посоветовавшись с Румянцовым, предложил *«походить»* вдоль мыса 2–3 часа; именно здесь, по засекреченным сообщениям, поступавшим ранее с советских ПЛ, лодки подвергались *«прослушиванию»* некими неопознанными объектами, получившими среди моряков наименование *квакеры*. Еще более века назад командиры шлюпов *«Восток»* и *«Мирный»* Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузен и Михаилом Петровичем Лазаревым записали в шканечных (вахтенных) журналах, что они видели светящиеся круги и слышали странное квакание океана.

Неуловимые светящиеся *«подводные призраки»*, двигавшиеся быстро и бесшумно, издавали глубоководные сигналы, напоминавшие кваканье лягушек. Встречаясь с подводными лодками, они зачастую какое-то время сопровождали их, заставляя моряков просить защиты у своего небесного всемилостливейшего покровителя Николая Чудотворца.

И... в тот момент, когда АПЛ развернулась для нового галса, все члены экипажа вдруг отчетливо услышали характерное квакание. Офицеры и моряки внутренне сгруппировались, возможно, у некоторых по коже дрожали волнами прокатились мурашки. Но экипаж, подобранный каперангом Румянцовым, был морально готов к непредвиденным испытаниям. В составе экипажа в его непосредственном подчинении имелась оперативная группа специалистов, и когда подлодка столкнулась с непонятным явлением, Иван Михайлович пригласил к себе двоих из группы – Сергея

Волошина и Виктора Варенцова. Между ними завязался подобающий моменту разговор.

– Я думаю, – сказал капитан 1-го ранга, – вам следует прямо сейчас активизировать работу своего оборудования и попытаться выйти на связь с этими квакающими спутниками. Возможно, они отреагируют... как вы думаете, Волошин?

– Думаю, товарищ капитан 1-го ранга, спешить не нужно. Пока что наши спутники, как мне кажется, не настаивают на близком сотрудничестве.

– Вам это кажется, Сергей Иванович, или вы в этом убеждены? Насколько я понял из ваших отчетов, вы ранее уже встречались с такими спутниками. Как же вы вели себя раньше?

– Видите ли, Иван Михайлович, мы и тогда не спешили. Мы как бы ждали развития событий, ничего не иницируя с нашей стороны.

– Очевидно, в этом была ваша ошибка. Но должен заметить... Капитан 1-го ранга вдруг отчетливо вспомнил призраков, с которыми они неоднократно встречались в последнее время; и это воспоминание заставило его подумать, что призраки своим появлением пытались о чем-то предупредить, может даже о том, что сопровождающие АПЛ квакающие спутники могут «заговорить», выйти на связь...

– ...Виктор Николаевич, какие у нас возможности связи, помимо тех, что имеет командир? Способны ли они выполнить поставленную задачу?

– При разработке новейших средств связи, наибольший практический интерес для нас представляли электромагнитные волны в диапазонах крайне низких и сверхнизких частот. Нас заинтересовало лазерное излучение в сине-зеленом участке спектра, гидроакустические и сейсмические поля и элементарные частицы нейтрино. Эти физические носители сигналов свободно проникают в морскую воду на глубины более 100 метров. На лодке установлен сверхмощный центр передачи сигналов на сверхнизких частотах с антенной системой в виде двух линий электропередачи длиной несколько десятков километров каждая. Что обеспечивает прием сигналов в этом диапазоне на больших глубинах. Мы можем осуществлять связь с каждой из лодок отряда и с нашим Центральным штабом. Но получится ли связаться с объектами – не знаю.

– Спасибо. Понятно, что элементарные частицы морской воды вообще-то не являются преградой, ибо волны проникают на любую глубину практически без затухания. Виктор Иванович, я знакомился с материалами некоторых исследований в этой области, и установил, что ни один из этих физических носителей сигналов не может быть единственным универсальным каналом, обеспечивающим решение всех требований связи.

Капитан 1-го ранга некоторое время постоял в раздумье и наконец спросил:

– А если мы окажемся в непредсказуемой ситуации, каковы практические возможности нашей связи, кто мне скажет?

– Мы можем в самой сложной ситуации на большой глубине передавать сигналы и сообщения с использованием так называемого окна прозрачности морской воды в сине-зеленом спектре видимой области электромагнитного излучения, – ответил Варенцов, – Мы создали лазерный канал с использованием космических и подводных аппаратов, в основу которых заложили разработки наших и немецких ученых еще начала 40-х годов. Эти лазерные каналы космической и подводной связи обладают сверхуникальными качествами. Но...

В этот момент все трое, находившихся в каюте капитана 1-го ранга, ощутили, словно что-то или кто-то давит им на мозг; впоследствии оказалось, что подобное происходило и в центральном посту, где находился командир АПЛ капитан 1-го ранга Островский. Командир тогда попытался приказать доложить об обстановке в отсеках и связаться с руководителем экспедиции, находящимся в своей каюте, – но этого ему сделать не удалось.

А тем временем в каюте Румянцова происходило невероятное.

Неожиданно от борта в сторону переборки с дверью протянулись две фиолетовые параллельные ленты шириной не более 10 сантиметров каждая, затем между ними появилась серебристая нить.

Как замороженные, застыли в онемении Волошин и Варенцов; от отчетливого фантастического видения переняло дыхание у каперанга.

Раздалось квакание, характерный заглубинный булькающий звук словно проглотил и выплюнул лодку; в ту минуту сердца офицеров и матросов словно замерли и остановились, а затем пошли, как механические часы после завода.

Из полосы с серебряной мерцающей нитью раздался четкий голос, по тембру отличный от человеческого, скорее это был искусственный голос, – подумал позже Румянцов. У него вдруг возникло непреодолимое желание дотянуться рукой до этого фиолетового свечения...

А голос *разговаривал* с ними:

– Вас интересуют сверхнизкие частоты связи? Вы *не* готовы к этой частоте. И если вы подключитесь к этой связи, вы можете погибнуть. Ваш мозг не может воспринять сверхнизкую частоту в присутствии наших объектов, сопровождающих вас. Вспомните, – две ленты с пульсирующей нитью словно развернулись в сторону Румянцова и приблизились, едва не касаясь его правой щеки, – ... вспомните, во что превращаются те, кто не слышит предупреждения, вспомните призраков, которые вы наблюдали в перископ. Мы вас предупредили... Мы... вас... предупредили...

В сознании Румянцова на какой-то миг стали проноситься видения, которые он вместе с каперангом Островским наблюдал в перископ: и Летучий Голландец, и адмирал Дрейк, и другие проявляющиеся фантомы...

И сейчас же в его сознание пришло понимание, что две фиолетовые полосы с пульсирующей серебряной нитью, вступившие с ними в прямой словесный контакт, – и есть вездомные силы, неведомый Разум, от которого они, заключенные в атомную подводную лодку, находились в полной зависимости.

И что в этой ситуации малейшее отступление от правил могло привести к непоправимым последствиям...

Но есть ли правила как вести себя в этой ситуации?

И кто знаком с подобными правилами поведения?!

Внезапно – это Румянцов почувствовал всем своим сознанием и всем своим человеческим естеством – что-то неведомое, огромное, могучее снизу, из запредельного *глубока* несется прямо на лодку. И от этой неведомой силы их лодка как бы замирает, вздыбливается, а затем проваливается вниз. Винты АПЛ продолжают работать на средней мощности, но она все уходит и уходит назад, словно захватываемая, заглываемая мощными приспособлениями...

В какой-то момент их проваливание прекратилось, появилось ощущение, что лодка попала в огромную круглую трубу-воронку,

которая вращается сама по себе с чудовищной скоростью, создавая немислимую гравитацию... и влечет за собой кажущееся медленным, угасающим, уходящим в небытие человеческое сознание.

Последнее, что видел капитан 1-го ранга Румянцов, было то, как... раскрывается правый борт лодки, но вместо взрывов и потоков сбивающих с ног воды, вместо бушующего пламени, дыма и загазованности им была видена какая-то невероятная, не воспринимаемая и ужимаемая сознанием в эллипс панорама цвета, звука и света... И, завлакивая сознание, в тот миг пришло утешительное воспоминание из детства: когда он крепко зажмурил глаза и надолго сосредотачивался в одной точке, ему вдруг начинало казаться, как что-то выходит из него, вырываясь из оболочки тела и летит, летит, летит в феерические пространства радужных шаров...

Но воспоминание посетило его мозг и исчезло. А вместе с воспоминанием исчезли и Румянцов, и лодка, и все члены экипажа, проваливаясь в *Дыру, в воронку Времени и Пространства*, или в *червячный переход*, соединяющий воедино все точки Планеты Земля с межпланетным пространством Галактики.

Глава 38

В очередной сеанс связи командиры двух АПЛ – капитаны 1-го ранга Юрий Александрович Бугров и Владимир Николаевич Бас-Басов не смогли установить связь с флагманской АПЛ капитана 1-го ранга Островского.

В такой ситуации предусматривалось следовать курсом к южной оконечности Латиноамериканского континента, к Пылающей Земле. Автоматически в командование отрядом боевых кораблей вступал каперанг Бугров.

* * *

Когда, наконец, в Центральный штаб Архимандритова пришло сообщение, что после того как три АПЛ расстались в проливе Дрейка, две из них взяли курс на северный форпост зоны проведения операции «Снежный юг», где и отшвартуются, – получивший сообщение вице-адмирал Белых, не поторопился доложить его своему непосредственному начальнику Исаю Львовичу Гейер-Генерозову. Он даже не мог объяснить, что его обеспокоило в этой информации.

Но время возможной задержки сообщения уже подошло к концу, и нужно было что-то предпринимать. Тогда Александр Кириллович вызвал своего офицера по особым поручениям и приказал:

– Евгений, давай срочно к шефу, скажи, что я нездоров, и доложи ему эту шифровку, которую ты мне принес час назад.

Гейер-Генерозов, получив шифровку, тоже не стал спешить с ее докладом Архимандритову; он давно знал все уловки своего заместителя по военно-морской части вице-адмирала Белых. Конечно же, Исай Львович мог вызвать сказавшегося больным адмирала, но что-то и его заставляло не торопиться. Никто не желал приходить к боссу с плохими известиями.

Но было и другое, делавшее Исаю Львовича неуверенным, отчасти даже беспомощным: его возлюбленная и жена Мария по непонятным

причинам долгое время провела вне дома. Спросить ее об этом он так и не успел, или не захотел, оттягивая неприятный момент...

* * *

Мария попала в столицу милой юной девушкой, провинциалкой, бежавшей от мучительной нищеты и перспективы работать в колхозе. Ей повезло, оказавшись в Москве, она вышла замуж за подполковника госбезопасности, без ума влюбившегося в юное создание. Перипетии службы офицера были столь стремительны, что он стал адъютантом руководителя госбезопасности страны маршала Георгия Иосифовича Лазовского.

С годами в Марии с новой силой проявились ее два несомненно ценных качества: красота и ум. Спустя пять лет после замужества молодая женщина стала любовницей начальника контрразведки госбезопасности страны, одного из самых влиятельных генералов. Он и способствовал становлению Марии в качестве секретного помощника органов. Профессию входить в доверие к людям она освоила столь четко, что в обычной светской беседе могла исподволь выведать секреты и душевные тайны высокопоставленных чиновников-мужчин.

Когда Мария осталась вдовой, то не почувствовала ни угрызений совести, ни страданий. Насколько ей был интересен мир мужчин, настолько же и противен. Отдаваясь любовникам-генералам, она затем стирала негативные ощущения с тела, как привычно стирала макияж с нарумяненных щек и подведенных глаз.

Но когда ей – не без помощи самого руководителя госбезопасности страны Лазовского – встретился на Черноморском побережье генерал армии Исай Львович Гейер-Генерозов, в ее душе случилось то, что она долгое время не могла воспринять и во что не могла поверить. Она, еще довольно молодая женщина, полюбила. Благодаря их знакомству, Мария поняла, как обходительны и прекрасны в своих искренних порывах бывают мужчины, даже в столь преклонном возрасте. Пройдет всего ничего, каких-то пару месяцев со дня их первой встречи, и Мария станет женой генерала армии.

Последнее событие стало ценнейшей находкой для самого руководителя госбезопасности. Тогда же Георгий Иосифович Лазовский начал вести новую партию в игре.

Когда уверенность, что Мария, бесценный и тайный помощник полностью зависима от него самого, окрепла, Лазовский вновь втайне от Архимандритова встретился с Дэвидом Бросманом. На встрече речь о Марии не шла. Но, прощаясь, Бросман обронил:

– Хорошо, если бы ваша пассия...

– Я понял вас, Дэвид, – предупредительно не дал ему договорить Лазовский.

Цеплять какие-либо технические средства или внедрять их в организм Марии шеф безопасности не стал. Слишком велик риск. Гейер-Генерозова, как его помощников и сотрудников на такой ерунде не проведешь. Оставалось рассчитывать только на саму Марию.

...В одну из ночей Мария проснулась от того, что ее муж тяжело хрипел, держась за левую сторону груди. Она взяла его руку в свою и, ласково касаясь его пальцев, осторожно стала их перебирать. Проснувшись от прикосновений, Гейер-Генерозов встал, опустил ноги на ковер и тяжело задышал.

– Муся, – обратился он к жене, – мне приснился страшный сон. Меня, раскрыв пасть, словно акула, жрала подводная лодка. Потом она выплюнула меня, и я как торпеда вылетел из ее пасти.

– Но это только сон, – участливо успокоила она. Приходя в себя, Исай стал перечить:

– Ты не понимаешь. Это неспроста. Наши лодки ушли на опасное задание. Старик замолчал. А чарующий голос жены советовал:

– Ну и расскажи про это опасное задание, сними тяжесть с души, сними ответственность за них. Может, они и не погибнут. А тебе будет легче, если расскажешь. Если бы ты был православным и верующим, я бы попросила тебя пойти к священнику в церковь. Но ты даже не иудей, ты коммунист и атеист.

– Да, мне нужен духовник, – среагировал Исай Львович и, словно сбросив годы, упал на колени, оббежал кровать, ступая по ковру острыми коленками, схватил жену за оголенные бедра и стал целовать их, целовать, поднимаясь к лону и животу.

– Ты мой духовник, ты моя единственная страсть, ты мой священник и ты мое божество. Ты – святая Мария.

Как на духу Гейер-Генерозов выложил все, что знал об операции «Снежный юг». Происходящее почти не зависело от самой Марии: ее мозг словно программное устройство, фиксировал уникальную информацию.

Непонятное, необъяснимое неистовство воцарилось в ее душе, и, находясь в плену этого состояния, она знала наперед, что доведет поверяемое ей до того, кому важна именно такая информация. Наверняка так бы попытался поступить каждый, кому близкий человек в приступе откровения поведал, что завтра он предпримет ядерный удар по противнику... поставить противника в известность и тем самым предотвратить чудовищные события – это не предательство, а благородство...

Рассуждая так, Мария на следующий день направилась по известному ей московскому адресу; дверь открыли по условному сигналу и, пригласившая в квартиру женщина попросила гостью подождать.

Хозяйкой квартиры была сотрудница американского посольства, на самом деле эта женщина, работавшая *под крышей* атташе по культуре, была агентом Бросмана.

Спустя час Марию доставили в аэропорт, откуда на американском Боинге она вылетала в Вашингтон. Документы и вещи путешественницы, переданные ей сотрудницей посольства, были в полном порядке. После длительного перелета самолет совершил посадку на военно-воздушной базе Эндрюс, близ столицы США. А еще через два часа Мария изложила томившее ее Дэвиду Бросману, – слово в слово следуя озвученному Исаем Львовичем. Пройдет еще 14 часов, и жена Гейер-Генерозова возвратится в Москву.

После той ночи откровений Исай Львович напряженно работая в кабинете, поздним вечером позвонил жене домой. Но трубку никто не поднял. Тогда он надиктовал на диктофон телефона, что сегодня не вернется ночевать, потому что накопилось слишком много дел. Генерал армии не впервые работал в буквальном смысле сутками. У Папы Сени поблажек не было никому.

На следующий день утром он вновь позвонил и, расценив молчание как то, что его жена еще крепко спит, направился из кабинета в специальную комнату. Где размещалась уникальная аппаратура слежения за всеми сотрудниками аппарата

Архимандритова. Гейер-Генерозов нажал кнопку на табло и на экране высветились все комнаты его роскошной виллы. Жены не было. «Странно, – подумал он, – могла бы и сама позвонить. Впрочем, если бы что-то с Марией произошло, его адъютанты уже бы давно сообщили». Отогнав легкое волнение, Исай Львович решил, что обо всем расспросит жену после.

* * *

После того, как командиры двух АПЛ – капитаны 1-го ранга Юрий Александрович Бугров и Владимир Николаевич Бас-Басов не смогли установить связь с флагманской АПЛ капитана 1-го ранга Островского, их лодки последовали курсом к южной оконечности Латиноамериканского континента, к Пылающей Земле.

Готовясь к этому плаванью, оба офицера прошли тщательную подготовку в секретных учреждениях Архимандритова. Им было известно, что еще в 30-е годы планировалось строительство специальной базы для походов в Антарктику на Северном флоте в Йоканьге. А после окончания Второй мировой был создан 5 Антарктический флот, и экипажи подводных лодок флота базировались на Тихом океане в заливе Владимира. Позже, в середине 60-х годов было принято решение ускоренными темпами построить ряд военно-морских баз (ВМБ) для атомных и дизельных подлодок на Северном флоте. Вот тогда ведомством Архимандритова был выбран фьорд и построена ВМБ «Касатка»; откуда в дальний поход к шестому континенту в первые дни марта 197... года вышла группа из трех АПЛ под общим руководством капитана 1-го ранга Румянцова. Тогда же, в 60-е годы, завершилось строительство и дальнейшая модернизация военно-морских баз на Латиноамериканском континенте, заложенных еще в начале 30-х годов XX века немецкими и советскими специалистами. К одной из таких секретных баз взяли курс атомные лодки из экспедиции «Снежный юг».

При выходе на траверз мыса Благодный лодки ушли на заданную глубину и через некоторое время вошли в подводные ворота ВМБ. Обе АПЛ отшвартовались у пирса, у которого десятки лет назад

швартовался американский экипаж, следуя на захваченной немецкой подлодке в Антарктиду.

* * *

Когда стрелки часов перевалили за полночь, Арсений Алексеевич Архимандритов, редко чувствовавший себя уставшим, подумал, что ему необходимо пойти лечь отдохнуть. Но из глубины подсознания шли в мозг импульсы, говорившие, что именно сейчас, еще может быть, минуты через полторы-две ему кто-то позвонит. Ошибки не было; гениальный мозг, как всегда, вовремя подал *знак*.

На другой стороне земного шара в это время занимался новый день; звонивший Дэвид Бросман, коротко поприветствовав своего *друга*, с ходу высказал претензии:

– Я полагал, ты меня познакомишь с одним из своих важных проектов, – со «Снежным югом», но так и не дождался. Ты пытаешься восстановить контакты с внеземными цивилизациями в Антарктиде за моей спиной. Не нравится мне, что ты это делаешь без меня. Наши спутники и станции космического, наземного и подводного слежения зафиксировали исчезновение твоей АПЛ проекта «Рубис-Яшма».

И он назвал координаты потери связи с экипажем и подводной лодкой капитана 1-го ранга Островского.

– Спасибо, Дэвид, что ты подсказал, что произошло. Быстро же ты узнал... Впрочем, благодаря тому, что вы вытеснили нас и немцев из Антарктиды и захватили все технологии наших друзей из космоса, сделать это было не сложно. У вас уже кроме наших летающих невидимых аппаратов, которые вы хорошо выдаете за НЛО, развита и спасательная индустрия. Нехорошо, что ты не позаботился о том, чтобы сделать хотя бы попытку спасти моих людей. Ладно, Дэвид... я устал и мне надо отдохнуть.

Архимандритов положил трубку и понял, что его не удручает, что его атомная подводная лодка и все моряки на ней, в том числе ведущий референт Румянцов, возможно, погибли; впрочем, время покажет, говорить пока рано, это он знал *из опыта*... Мозг Арсения Алексеевича любую информацию воспринимал как данность. Но вот

что действительно его беспокоило, так это откуда все-таки Бросман знает не о пропаже лодки, а о проекте «Снежный юг».

Ни командиры экипажей всех трех АПЛ, ни тем более офицеры, отправляющиеся к шестому континенту, не знали о том, что может произойти во время похода, – что они могут столкнуться с неизвестным или попасть в *червячный переход*. Не знали об этом и сотрудники научной экспедиции, которые должны были приступить к выполнению работ, когда окажутся в недрах Антарктиды. Но все это хорошо понимал Арсений Алексеевич Архимандритов, высказавшийся, что не знает, как далеко *пустят* его каперанга Румянцова.

К разработке операции и прокладыванию курса были причастны генерал армии Исай Львович Гейер-Генерозов, его заместитель вице-адмирал Александр Кириллович Белых; ведущий референт, капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов и еще несколько ведущих сотрудников лаборатории Бэта.

Именно в спецлабораториях *Бэта* в недрах далеких Хибинских гор было возвращено высшее достижение Арсения Алексеевича, – искусственные люди. Там же, на объекте «Хибины», делали Хорнов и центурионов. Любые заказы, в зависимости от целей и задач, поставленных Папой Сатаной.

На борту трех экипажей АПЛ, отправленных в Арктику, были и искусственные центурионы и обычные люди. Прошедшие обработку в спецлабораториях находились, условно говоря, на более низкой стадии развития среди остальных членов экипажа; но их культура и уровень развития все же был значительно выше, чем у среднего землянина. Те же офицеры и сверхсрочнослужащие, исполняющие обязанности матросов и старшин, хотя и были обычными людьми, прошли – не зная того! – «спецобработку», став фатально преданными запрограммированным в их сознании задачам. И даже командиры АПЛ и старшие помощники, хотя и не подвергались воздействию в лабораторных условиях, – все же их жизнь, карьера и служба были под тщательным контролем все той же многоцелевой лаборатории Бэта.

Аналогов ведомству Сатаны не было всем мире.

Оттого и ночной разговор с Дэвидом Бросманом беспокоил Арсения Алексеевича. Так кто же все-таки мог быть причастен к утечке информации?

И все же... все же... В почти трех десятках секретных институтов, относящихся к ведомству секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова, воплощались в жизнь десятки не менее важных и актуальных проектов. На фоне которых проект «Снежный юг» выглядел, в общем-то, даже рядовым.

– Все, хватит! – вслух произнес Архимандритов. – Завтра подумаем, что произошло.

* * *

Обе АПЛ, вошедшие в подводные ворота ВМБ на оконечности Латиноамериканского континента, отшвартовались у пирса, у которого в годы Второй мировой войны швартовался американский экипаж, следуя на захваченной немецкой подлодке в Антарктиду.

Командиры АПЛ, встретившись с дежурным офицером базы, были приглашены в кабинет, как им сказали, руководителя специальных работ. Каково же было их удивление, когда *руководителем специальных работ* на сверхсекретной, сверхуникальной базе, чья территория располагалась и под водой, и под землей, вгрызаясь в глубь континента, оказался вице-адмирал Белых. Он ознакомил каперангов с дальнейшими планами и задачами, которые им предстояло выполнять, указав, что в связи с учетом новых условий осуществлены и структурные изменения в дислокации их кораблей. И что им придется остаться «обеспечивать выполнение поставленных боевых задач» здесь, на секретной ВМБ.

База на оконечности Латиноамериканского континента была гигантским стационарным объектом, но не имевшим четко очерченных границ, оборудованного участка побережья и прилегающей водной акватории. Внутри подземных и подводных галерей обеспечивалось снабжение и ремонт, – межпоходовый и навигационный – одновременно несколькими соединениям кораблей. Которые, как стало известно вновь прибывшим офицерам АПЛ, находятся в нескольких подземных базах побережья, вплоть до пролива Дрейка. Все это поражало воображение морских офицеров, даже несмотря на их специальную подготовку.

На ВМБ имелись уникальные причальные сооружения, судоремонтные и энергетические предприятия и объекты, склады неведомого офицерам оружия и топлива и других видов материально-технического снабжения, неземного происхождения.

Все объекты управления и связи, медицинские учреждения, лаборатории и учебные центры, жилые и служебные городки, а также транспорт и коммуникации – все это размещалось на определенных глубинах в недрах земли. Не знали прибывшие офицеры и того, что где-то среди всех этих немыслимых сооружений и галерей проходит условная граница, за которой начинается... *параллельное пространство*.

И Бугров, и Бас-Басов, имевшие уже по полтора десятка лет офицерской службы на флоте, и уже не один год руководившие подводными кораблями, были поражены тем, что видели и куда попали волей неведомого провидения.

После ознакомления с условиями нахождения на базе, вице-адмирал Белых предложил командирам АПЛ возвратиться в свои экипажи; к тому времени их люди были размещены в жилых помещениях и с удовольствием «оттягивались» в комфортных условиях, не представляя пока где и почему они находятся.

* * *

А тем временем в районе Пылающей земли началась отработка задач с целью повлиять на тектоническую обстановку в недрах земли, и тем самым спровоцировать передвижение плит, находящихся на большой глубине.

В результате подобного воздействия огромные массы океанской воды начнут перемещение, и тем самым запланированные учения советских ВМФ много южнее экватора в Атлантическом океане будут сорваны. Планировалось, что в учениях должны участвовать эскадры атомного подводного флота СССР.

О том, что такие широкомасштабные учения запланированы, в Комитете штабов вооруженных сил США стало известно не из результатов работы РУМО или ЦРУ, а из сообщения Дэвида Бросмана помощнику президента по национальной безопасности. Тем самым

Бросман в который раз давал понять, что Клуб Мировых Политиков, в котором он состоял, и есть главный и единственный вершитель политики. А еще то был хороший повод – посредством поднятого шума в прессе – сместить с должности нынешнего военного министра Джона Иллинойса, заменив его на рекомендуемую Бросманом креатуру – *Джона Болдуоттера*. Последний являлся одним из главных военных советников по проблемам космоса. Тогда как с перемещением его на должность военного министра Бросман планировал поставить военным советником по проблемам космоса... Станислава Исаевича Гейер-Генерозова.

В случае непонимания генерал-майором и профессором Гейер-Генерозовым-младшим задач, которые ему будут ставить в Клубе Избранных, он будет официально выдан советским властям, как предатель. Но другу Бросмана и члену того же элитного Клуба Архимандритову никак не выгодно будет выставлять Станислава Гейер-Генерозова изменником, так как тот – человек Архимандритова, а вокруг Архимандритова за последнее десятилетие собралось много затаившихся врагов, готовых его растерзать, отдать на заклятие системе, и самим занять его место. Так что в этой благоприятной для Бросмана ситуации друг Арсений проглотит неприятную пилюлю, и даст свое согласие на переход Станислава Исаевича на службу к могущественному *Satan 'e*, к Дэвиду Бросману.

Достижения и успехи институтов под руководством профессора Генерозова – отличный козырь, чтобы выбить почву из-под ног коллеги-Сатаны, лишить Арсения Алексеевича самостоятельности, сделать своей марионеткой.

У Дэвида Бросмана также есть человек, который занимается теми же программами, что и Станислав Исаевич; этот талантливый человек – профессор Флэйш. И профессор Флэйш убежден, что именно сейчас появились все возможности, чтобы лишить русских шансов на использование своих последних достижений для восстановления контактов с внеземными цивилизациями в Антарктиде.

Конечно же, американский ученый знал, что некоторым сотрудникам Архимандритова удалось осуществить пребывание за пределами Земли посредством червячных переходов, Дыры Времени и Пространства, или машины Времени, – единого термина для обозначения подобного процесса просто не существует.

Профессор Флэйш, работающий в том же направлении, привлек для работы американских экспертов и специалистов, которым удалось освоить машину Времени, способную проходить сквозь червячные переходы. Но... но для более грамотного, более умелого и эффективного прохождения к космическому переходу и его использования требовались знания, достигнутые в институтах и лабораториях профессора Станислава Гейер-Генерозова. Американцам также было известно о наличии у их коллег новейшей разработки – уникальных источников радиоактивного излучения, способствующих введению в заблуждение всякого, кто проявит интерес к этой теме, появившись у червячной дыры, у фантастического Входа и Выхода.

Бросман уже просчитал, что Гейер-Генерозова-младшего следует привлечь к деятельности, приказав установить подобные излучатели на Входе и Выходе в параллельный мир на Аляске и в Антарктиде. Рубежи этих секретных объектов следует еще лучше, еще тщательней охранять силами американской армии и флота. Но эту проблему как раз и не понимает нынешний военный министр Иллинойс; зато ее хорошо понимает будущий ставленник Клуба на этот пост – Джон Болдуоттер. И в связке с новым научным советником Гейер-Генерозовым, который получит в США новое имя и станет *профессором Розенбергером*, они сотворят чудеса...

Впрочем, если Бросман сочтет нужным, Станислав Гейер-Генерозов станет работать и на Архимандритова в его секретных институтах и лабораториях, и лично на Бросмана.

Великий, могущественный Дэвид Бросман и сверхгениальный, по-дьявольски мудрый Архимандритов, как сторукие и стоглазые спруты-чудовища делали множество ходов на разных направлениях одновременно на гигантском игровом поле земного шара.

* * *

С помощью космических технологий талантливые сотрудники Дэвида Бросмана способны рассчитывать природные явления земли и воздействовать на передвижение тектонических пород, чтобы вызвать цунами. Что и было сделано, чтобы лишить советский флот возможности провести учения в районе Антарктиды.

Одновременно американская пресса выступила с разоблачениями «агрессивной политики советского правительства, прикрывающегося лозунгами о мире, а посылающего свои атомные подводные лодки в район шестого континента. Где международными договорами, чье подписание инициировано миролюбивой Америкой, запрещено нахождение каких-либо военных сил». Одна из крупных газет ехидно сообщила, что даже сама природа, разбушевавшись, не допустила советский подводный флот к Антарктиде.

Пресса Советского Союза не осталась в долгу, и разразилась заявлениями советского правительства, что «империалистические силы США и их пособников продолжают происки в южной части мирового Океана». И что, по мнению передовых журналистов всего мира, заявления некоторых влиятельных газет США следует расценивать как провокационные. Потому что принятые за боевые корабли ВМФ СССР есть самые мирные гражданские суда, выполняющие научную миссию и доставляющие научные грузы и продовольствие на советскую антарктическую станцию «Мирный».

В разгар газетного скандала советские информбюро сообщили: «ТАСС уполномочен заявить, что за несовместимую с их статусом деятельность из СССР выдворены ряд дипломатов и аккредитованных при советском МИДе журналистов». В «черный список» попала и Шерри Клайн, она же – Кати, близкая подружка Гейер-Генерозова-младшего.

* * *

На южном форпосте «Снежного юга» отшвартовавшиеся атомные подводные лодки Архимандритова, в соответствии с планом командующего форпостом, начали отработку задач по слаженному взаимодействию и сплавности с атомными подводными лодками Бросмана. Цель подобного спаянного взаимодействия: отвлечь заинтересованные государства от поисков Входа и Выхода в *червячный переход*.

Глава 39

Мысль о том, что Земля полая, встречается в преданиях многих народов планеты. И руководители Третьего рейха, и высшие офицеры флота и армии верили в *полую землю*, как верили во многие иные теории с мистическим налетом, пропагандировавшиеся в 30–40-е годы XX века в Германии.

Фундамент идеологии фашизма был заложен секретными обществами задолго до возникновения гитлеровской Германии, как общественной системы. Философская школа социал-фашизма возникла из секретного общества II Интернационала и широко распространялась теоретиками этого II Интернационала: З. Марком, А. Либертом, М. Адлером, К. Форлендером, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, неогегельянами, легальными и нелегальными марксистами Струве, Бердяевым и многими другими *избранными*, понесшими свое «учение» в широкие народные массы. О зарождении социал-фашизма из этой среды широко и много писали источники советской литературы 20–30-х годов, размещая статьи в *советских* энциклопедиях, книгах и брошюрах.

Да и пугающая с 1941 года советский народ *аббревиатура СС* уже была в новейшей истории, но как аббревиатура сионистов-социалистов, основателем которой был журналист идишистского (националистического) толка Шмуэль Чарный, взявший псевдоним Нигер Ш. В 20-х годах он эмигрировал в Америку, где сотрудничал с органом еврейских социал-фашистов «Fowerts» и в других многочисленных (в то время) американских изданиях подобного толка. Другим известным основателем партии СС в 1902 году был Моисей Ильич Литваков. В 1920-м году партия СС объединилась с националистически-народнической еврейской партией так называемых «сеймовцев». Социал-фашистским ярким представителем советская «Литературная энциклопедия» начала 30-х годов назвала и поэта Абрама Лесина, который с 1897 года на протяжении 17 лет сотрудничал с тем же американским журналом «Fowerts», где, сообразно своей идеологии печатал опусы по «науке юдизма» и еврейской теологии.

Сначала были еврейская партия СС, а потом появились немецкие отряды СС (SS), которые уничтожали самих евреев; нелепый трагизм народов.

Любопытны были судьбы людей – и из СС, и из SS, – чьи биографические данные получил Иван Румянцов из секретных архивов своего босса. Однако он лишь ознакомился с документами *по диагонали*, посчитав, что эти люди, даже если некоторые и живы, вряд ли будут ему полезны в осуществлении задач антарктической экспедиции. А вот если он окажется на Американском континенте... Парадокс состоял в том, что многие из еврейской СС и их потомки проживали в США, многие из SS – в Южной Америке: Чили, Аргентине, др. странах.

В становлении навязанной немцам идеологии фашизма и системы Третьего рейха огромную роль сыграли мистика и символизм. Даже *свастика* – крест с загнутыми краями, – согласно древнейшим верованиям, символизировала солнце или катящееся огненное колесо, а еще – кругообразное вращение мира. Этот древнейший символ почитался в землях, где жили индоевропейцы: в Индии, Иране, Средней Азии, в древней Римской империи.

Другими священными символами процветания нацистской Германии должны были стать Копье Судьбы и Чаша Грааля.

В основе оккультных воззрений Гитлера на первом этапе его руководства Германией лежали сатанинские ритуалы, в которые его втягивал Гиммлер. Все таинственные объединения и ордена строились по образцу и подобию масонских лож; эта традиция активно продолжалась со времен Первой мировой войны, когда появились «Германен-орден», «Орден Нового Храма», «Братья Света», а затем – Тевтонский Рыцарский Орден, общество Туле, «Светящаяся ложа», «Общество Врил», «Господа Черного Камня», «Черное Солнце» и другие.

Учителем Вольфа Гитлера в области оккультизма был Карл Хаусхофер, руководивший масонским обществом Туле. В начале века он служил военным атташе Германии в Японии, где был посвящен в орден «Зеленого Дракона». Большой страстью этого человека стала наука. С 1914 года Хаусхофер руководил Институтом геополитики при Мюнхенском университете, где создал оккультно-мистическое учение о необходимости расширения жизненного пространства. В основу его

учения была положена «творческая разработка идей талмуда об избранном народе и иудейской каббалы». С Хаусхофером Гитлера познакомил Рудольф Гесс, сам состоявший в ордене Розенкрейцеров. Начиная с 1925 года, Хаусхофер и его соратники по обществу Туле обучили Гитлера оккультным ритуалам и секретным приемам влияния на массы. Будущий фюрер, несомненно, обладал талантами, в том числе и талантом медиума, и усваивал все новое с поразительной быстротой.

Он погрузился в чтение книг по астрологии и оккультизму, участвовал в спиритических сеансах, изучал эзотерическое учение масонов, вступал в тесные контакты с популярными ясновидцами и чародеями Эрихом Хануссенем, Рудольфом фон Заботтендорфом, другими любопытными и таинственными личностями. Позднее Хануссена назовут пророком Третьего рейха.

Гитлер искренне восхищался деятельностью ордена Тамплиеров. И главный символ рыцарей тамплиеров – Священный Грааль – стал любимым символом фюрера.

В 1933 году в Мюнхене прошла историческая выставка под названием «Аненэрбе» («Наследие предков»), организованная профессором Германом Виртом. А в 1935 м был основан мистический элитарный орден «Аненэрбе» (*Ahnenerbe*), ставший самой необычной официальной организацией Третьего рейха, объединивший 50 научно-исследовательских институтов. Комплексно, по всем направлениям НИИ занимались поиском древних манускриптов и познанием тайн мира. Ученых из «Аненэрбе» интересовали тайные знания, по которым можно разрабатывать самые новейшие технологии, управлять человеческим сознанием, проводить генетические операции по формированию нового человека. Организация, получившая статус духовного центра СС, – с научными центрами, институтами и экспедициями – стала составной частью «черного ордена» СС. Все руководители «Аненэрбе» были включены в личный штаб рейхсфюрера СС Гиммлера.

Основу «Аненэрбе» сформировал Герман Вирт, автор изданной в 1928 году книги «Происхождение человечества», где высказал гипотезу, что у истоков зарождения человека стоят нордическая духовная *раса Синего льда*, или раса Севера и – гондваническая, с

низменными инстинктами, раса Юга. По его мнению, потомки этих ветвей рассеяны между современными народами.

На Мюнхенской выставке о наследии предков среди экспонатов были древнейшие рунические письмена, насчитывающие 12.000 и более лет. Выставка сильно повлияла на мышление Генриха Гиммлера, ее темой и экспонатами восхищались Адольф Гитлер, Мартин Борманн и другие.

Тогда же, после закрытия выставки, уже не в первый раз была поднята тема о святой Чаше Грааля.

Чаша Грааль – священная Чаша, Чаша Благодати, из которой якобы вкушал Иисус Христос на Тайной Вечере в канун предательства Иуды и последовавшего за ним распятия на Голгофе.

– Я не исключаю, – высказался профессор Вирт, – что Грааль – это своего рода «ключ» к проходу в иные миры!

Летом 1935-го рейхсфюрер СС Гиммлер инициировал ее поиск (что явилось основанием создания самой организации «Аненэрбе»). По легенде тот, кто владеет Чашей Грааля, имеет власть над миром. Это мысль была доведена до фюрера, и настолько засела в его сознании, что Чаша Грааля представилась ему самым важным магическим атрибутом. Начались активные поиски Чаши по всей планете. Она должна была дополнить и усилить магическое влияние Копья Судьбы, – древнего раритета, которым овладел фюрер. *Копье Судьбы*, собственность Габсбургской династии, до последнего времени находилась в Хофбурге, в Вене.

Считалось, что этим копьем мучители протыкали плоть распятого на Голгофе сына Божьего Иисуса Христа. Копье стало священным символом, когда в его пику поместили гвоздь, один из тех, которыми к Кресту были прибиты руки Иисуса. Поименованное Копьем Лонгина, Святым Копьем, или Копьем Судьбы, оно стало одним из символов власти Гитлера. Который, между тем, верил, что сила власти концентрируется на полюсах Планеты. И получил тому подтверждение. Направленная им в Антарктику специальная экспедиция в одной из шахт обнаружила пустоты и нечто *неведомое*. Гитлер, выслушав мнение членов экспедиции, принял решение о строительстве там тайных городов, – для установления *контакта* с представителями внеземных цивилизаций.

Многие ученые из «Аненэрбе» совершили поистине уникальные открытия и участвовали в исследованиях проблем научного характера в подземных городах Антарктиды.

«Аненэрбе» имел институт прикладных исследований во главе с штандартенфюрером СС и полковником полиции Вольфрамом Сиверсом. В 1945 году он возглавит «Аненэрбе», и ему будут предъявлены обвинения на Нюрнбергском процессе, организованном «победителями фашистской чумы» над «гитлеровскими преступниками». От штандартенфюрера СС Сиверса потребуют материалы исследований всех институтов «Аненэрбе», а особенно тех, что были причастны к работам в Антарктиде. Но ничего не получают, и приговорят Сиверса к смертной казни.

...Из хранящихся в архивах Арсения Алексеевича Архимандритова документов Иван Румянцов получил информацию, что в 1946 году только фонд знаменитой еврейской семьи Рокфеллеров выделил сотни тысяч долларов США для того, чтобы представить общественности единую официальную версию Второй мировой войны, которая одновременно сокроет оккультно-мистическую основу нацизма. Но внятная версия потребовала вложения многих миллионов. Так же ото всех было сокрыто, что гитлеровский режим финансировался американскими банкирами и крупными бизнесменами, среди других участвовала корпорация «Стандард Ойл (Рокфеллер)».

После Второй мировой часть архивов «Аненэрбе» оказалась в США и Великобритании, а часть – в Советском Союзе. В СССР попали документы, обнаруженные в старинном замке города Альтам.

Весной 1945 года в Нижней Силезии Красная армия вела бои с вермахтом; в помощь немецким войскам были приданы части СС, дравшиеся с невиданным упорством. В борьбе за важный стратегический объект советские войска, совершив обходной маневр, овладели старинным замком и городом Альтам. В то время как эсэсовцы, прекратив всякое сопротивление, растворились в складках местности.

Еще ранее агентура VI управления РСХА распространила сведения, что в Альтаме хранятся чрезвычайно важные архивы. Сотрудники СМЕРШа, как и командование советских войск, попав на эту наживку, расценили, что перетрусившие немцы забыли

уничтожить находящиеся в замке секретные архивы. Советские контрразведчики приступили к разборке огромного количества документов, но вскоре разочаровались: там сплошь были тексты с замысловатыми обозначениями и мистическими знаками, расшифровать которые оказалось им не под силу.

О трофеях доложили начальнику СМЕРШа генерал-полковнику Абакумову, который приказал отправить их в Москву под усиленной охраной. Он рассчитывал, что важные документы заинтересуют самого товарища Сталина. Но Сталин узнал о прибывшем эшелоне из почти 30 вагонов, и, отмахнувшись, словно от мухи, хрипящим голосом приказал: «В Спецхран!»

Товарищ Сталин прекрасно знал, что кроется за этими бумагами. Как знал многое, творящееся за кулисами сцены Театра Мировой Политики.

В майские дни 1945 года в разговоре с вождем Арсений Алексеевич Архимандритов коснулся этого эшелона. Он только упомянул, не став развивать тему. Однако Сталин раздраженно бросил:

– Не хочу слушать. Как маленькие дети, все играем, играем. То в мистику, то в разведку... Надоело.

В этих бумагах были расписаны технологии тайной политики, методы овладения государственной властью, манипулирование огромными массами населения любой страны, – с опорой на древние знания и мистику. Большинство материалов принадлежали обществу «Аненэрбе».

Со второй половины 60-х вплоть до середины 70-х годов эти архивы скрупулезно изучались сотрудниками закрытых научно-исследовательских институтов, находящихся в ведении секретаря ЦК партии Архимандритова. В большинстве своем в документах содержались сведения, известные Арсению Алексеевичу. Но кое-что полезное можно было использовать в работе его ведомства. И он многие любопытные материалы приказывал передавать для ознакомления своему референту Ивану Румянцову.

Архимандритов знал, что аналогичные архивы, собранные из разных тайных мест поверженной Германии, имеются в США и Великобритании и тщательно исследуются и анализируются.

Глава 40

Очнувшись, Иван Румянцов понял, что за окном помещения, в котором он находится, накрапывает дождь.

Он попытался открыть глаза. И, предпринимая невероятные усилия, он попытался *увидеть*. Не достигнув желаемого, Румянцов все заставлял себя *проснуться*, так бывает, когда во сне пытаешься выйти из сна. Но капитан 1-го ранга не осознавал, что давно не спит, и что его мозг, зрение, обоняние, осязание и все остальные органы чувств не воспринимают действительность.

Молодой мужчина лежал на широкой кровати, и глаза его были широко распахнуты, а он все мучился от того, что не может проснуться, не может придти *в себя*.

Наконец он попытался встать, не осознавая, что его тело после каждого усилия распрямляется, напрягается и снова занимает горизонтальную позу. А он все боролся и боролся с мучительным желанием встать, выскочить из сна; как это бывало в далеком детстве, когда ему приснились пылающие розовые и фиолетовые, летящие на него огромные искры, и он испугался и подсознательно все пытался проснуться, чтобы сбежать от своих страхов.

Но то было в детстве.

Румянцов то открывал, то жмурил глаза, пока, наконец, зрение не вернулось к нему. И тогда он вновь, на сей раз надолго, зажмурился от сияющей белизны комнаты.

Постепенно возвращались иные чувствования.

Мужчина осторожно посмотрел вверх, затем так же медленно и осторожно встал с ощущением, что пол вот-вот может выскользнуть из-под ног, уплыть и он снова полетит в неведомое. Его тело каждой своей клеточкой нащупывало пространство; так, вдруг попадая в глубину вод, человек барахтается, пытаясь найти твердую опору; так очутившись в падающем самолете, каждый напрягается сверх сил, неосознанно пытаясь остановить падение, прекратить катастрофу...

Найти точку спасительной опоры, – таково стремление человеческой психики.

Встав, Иван – медленно, как очнувшийся после долгой болезни, – направился к двери, вышел в коридор, где никого не обнаружил. Постояв там какое-то время, он вернулся в комнату и толкнул ручку другой двери. Судя по всему, он увидел кухню; за третьей дверью обнаружили ванна и туалет.

Надев приготовленный для него висевший в шкафу спортивный костюм, Иван умылся, выпил сок и вышел во двор. Взору предстала чудесная панорама гористой местности, где сам воздух дышал райским уединением. Места были незнакомые, и вместе с тем он точно знал, что *видел* эти картины природы.

И пейзаж, и лесной эфир, и утренняя свежесть наполнили его кровеносные сосуды огромным желанием жить; и это желание влилось, переполнив, в его крепкое сердце.

Он стоял возле четырехэтажного сооружения, явно гостиницы, но слишком уединенной и элитной, а значит, гостиницы для избранных и не часто появляющихся гостей.

В стороне, выше этого здания виднелся двухэтажный коттедж милой непритязательной архитектуры с открытой верандой на втором этаже.

От дома, из которого вышел Румянцов, в сторону коттеджа вела ступенчатая дорожка, плиты ступенек были неровными, но они вписывались в общий рельеф. И снующие по плитам муравьи, и проросшие сквозь щели травинки, и песчинки, надутые ветром, и покачивание деревьев, и плывущие легкие облака, и птичий щебет, и необъятная синева – все теперь виделось по-другому, с новой упоительной ясностью.

Метрах в пятидесяти отсюда проходила подвесная дорога, которая скрывалась за коттеджем и уходила наверх, к лесистому плато. Но Румянцов не пошел туда, а стал подниматься по ступенькам. Он шел по ним с ощущением, что там, у коттеджа, он обязательно увидит что-то невероятное, потрясающее его сознание, и вместе с тем – земное, реальное, почти обыденное.

Ощувив прилив сил, он легко поднимался по ступеням, пока, наконец, они не остались позади. И тогда – влекомый магической силой, – он развернулся и окинул взглядом всю панораму.

Он сразу узнал это место!

Он много раз видел его в кинозалах Арсения Алексеевича Архимандритова. Ошибки быть не могло: Румянцов находился в южной части Латиноамериканского континента, и вместе с тем – в... Европе, среди альпийских лугов. Со смотровой площадки, где он оказался, просматривались мирная долина и буколическая деревушка с домиками, крытыми красной черепицей и стреловидными пиками кирх. Будто недавно ты уснул, почти умер, а потом, поборов летаргическое наитие и мучительные страхи, вдруг очнулся в сказке братьев Гримм.

Потрясенный, Румянцов делал глубокие вдохи, и никак не мог насмотреться и надышаться.

Он ощущал, как его фатально тянет взять и войти в этот стоящий в уединении большой и красивый старинный дом. Но чувство, похожее на страх, удержало; и тогда Иван опасливо, – не из страха, а чтоб не нарушить свои благоговейные внутренние предчувствия, стал, не спеша, обходить дом по кругу, ступая по квадратам сиренево-синих плит.

Вдруг, повернув за угол, Иван увидел сидящего в широком и высоком кресле человека; вернее, даже не самого человека, а его вытянутые и скрестившиеся ноги. Он сразу узнал, кто это. И, словно не было долгого перерыва, сказал:

– Здравствуйте, товарищ генерал армии!

Сидевший в кресле пожилой и уже обрюзгший мужчина, кивнув в ответ, хрипло проговорил:

– Если уж ты обращаешься по званию, то не «здравствуйте», а «здравия желаю».

После чего, поправив, Исай Львович Гейер-Генерозов спросил:

– Ты хоть представляешь, где сейчас находишься?

– Да. И даже догадываюсь, что вы можете меня... познакомить...

– ...если на то есть санкция босса. Впрочем, знакомить я тебя ни с кем не буду. Давай предоставим все фортуне. Возможно, она будет к тебе благосклонной, ведь ты прибыл сюда с контейнером, который служит паролем.

Румянцов вспомнил, что в комнате на столе действительно лежал знакомый предмет – контейнер, «добытый» им в схватке с Хорнами, затем открытый в тайном кинозале-музее Гитлера, а после пропутешествовавший с ним на АПЛ к шестому континенту. Но как

контейнер оказался тут? Иван не стал задаваться вопросами, ведь он не понимал, как сам очутился в этом месте.

Да и *благосклонность фортуны* в земном мире для него – не более чем условность, полностью зависящая от желаний и прихотей босса. За любезной благосклонностью и познанием тайного может последовать расплата в глубоких подвалах Папы Сени, которую не только Румянцов, а и любой себе не пожелает.

На мгновение задумавшись, Иван не сразу понял, что вокруг него произошли некие перемены. Интуитивно он почувствовал, что его разум заволакивает кисея, но тут же реальность вернулась на место. Ровный голос с легкой хрипотцой, явно принадлежавший женщине, поприветствовал гостя:

– Guten Tag, lieber Kapitän zur See (Добрый день, дорогой капитан 1-го ранга)!

От приветствия-обращения сразу переняло дух; Румянцов повернулся на голос, в полутора шагах от пустого кресла, где вот только что сидел генерал армии, стояла ухоженная пожилая женщина. Тогда как Гейер-Генерозова уже не было.

Глупо было спрашивать, кто эта женщина, и откуда знает его воинское звание. А тем временем она представилась, сказав, что ее зовут *Марта*, и что она давняя-давняя знакомка генерала армии Гейер-Генерозова. Говорившая до этого по-немецки, последнюю фразу она сказала по-русски:

– Мы так давно знакомы, что вы появились на свет спустя лет 20 после нашей близости.

Фрау Марта взяла Румянцова под локоть, и он почувствовал иссыхающую старческую руку и еще – женскую энергию, заключенную в обтянутую старческой кожей плоть. Невзирая на преклонный возраст, фрау Марта оказалась достаточно крепкой не только физически, но и разумом.

Ненавязчиво она направила его назад, и они спустились вниз, пройдя по знакомым широким плитам к четырехэтажному строению. Она провела его внутрь, сказав, что это гостиница, а хозяин, которому принадлежит вся земля, живет со своей женой в соседнем коттедже, у которого они были, но куда заходить не полагается.

– Ты поживешь здесь несколько дней, твой начальник... да-да, Исай Львович... тебе надоедать не будет, он занят со-о-о-всем другими

делами. А тебе после длительного перехода надо придти в себя... Откуда ты там с севера добирался сюда?

Фрау Марта говорила по-русски столь чисто, что невольно закрадывалась мысль, что никакая она не немка, а костромчанка, – столь характерные для Костромы тембр и говор улавливал Иван в ее голосе и словах. Он не ошибся. Та, что в далекие 20-е годы XX века могла быть приятельницей, или любовницей молодого Гейер-Генерозова, а, может, и самого Архимандритова, действительно родилась в Костромской губернии. Девочку, появившуюся на свет в 1902 году в семье отца – инженера-путейца и матери, дочери известного тогда царского министра, который вскоре погибнет от руки еврейского большевика-террориста, назовут Клавдией. К тому же – удивительное дело! – дед Клавдии, этот убитый министр, происходил из немецкой баварской семьи, чьи предки жили в городке Браунау на пограничье с Австрией; а там, в Браунау 20 апреля 1889 года родился младенец Адик Гитлер.

Они провели вместе несколько удивительно теплых вечеров, ведя задушевные беседы. Фрау Марта оказалась интересной собеседницей; слушая ее, Румянцов больше молчал. У него не было желания перебивать старую женщину, знавшую, очевидно, такие тайны и явления, которые неведомы миллиардам людей, даже вместе взятых... разве что единицам среди землян.

Ей, судя по всему, нравилось делиться с ним, молодым и привлекательным мужчиной, полным жизни и будущего, своими умозаключениями. Фрау Марта была глубоко уверена в том, что времена приходят и уходят, как и люди; что есть юность, становление, расцвет и смерть Времен. Философствуя, она признавалась, что жестокость, приписываемая одними людьми другим, *проходит* – как давняя излеченная болезнь, – вместе с уходом многих поколений людей. «Наполеон Бонапарт, – говорила фрау Марта, – был велик, затем стал изгоем, чудовищем, и вновь, по проществу Времени, обрел величие, стал героем и национальным символом Франции. И уже никто больше не хочет вспоминать о его жестокости или немилосердности. А, может, он никогда и не был жесток?!».

Встречаясь с Румянцовым за вечерней чашкой чая, она нередко заводила разговоры о разных исторических личностях, будь то Александр Македонский, Фридрих Барбаросса, царица Нефертити,

Петр Великий, или Адольф Гитлер. «Биографии исторических фигур подобного масштаба обречены обрастать тысячами легенд, – сетовала фрау Марта. – Ни мы, ни даже те, кто близко общался с подобными личностями, никогда не знают всей правды о них, не знают истинной сути их поступков и помыслов, их задач и исторических целей». Его тогда поразила ее твердая убежденность, заключающаяся в очень простой мысли, что тот, кого после его смерти славословят, говоря только хорошее, на самом деле – тиран и убийца народов. Как и тот, кому приписывают только крайне отвратительные черты и ужасающие деяния, на самом деле руководствовался чистыми помыслами во славу своего народа.

В этих долгих беседах не просматривалось желания подготовить собеседника к чему-то, к какой-то определенной миссии, или распознать его внутренний укромный мир. Зачастую ему даже чудилось, что она говорит *сквозь* него, в пространство окружающего мира, четко ограниченного пределами этого таинственного поместья.

В его памяти осталось ее трогательное признание о желании упокоиться под символом нетленности, «деревом могил» – кипарисом. Отходя ко сну, совершенно неожиданно для себя он вдруг очутился в Крыму, среди исполинов-кипарисов и среди прозванных «таврическими кипарисами» библейских смоковниц. И, вдыхая в полутьме знакомый аромат, ощущал убаюкивающее журчание почти иссыхающей в жару речки Бельбек...

Глава 41

Как-то, в одну из бесед, фрау Марта замолчала, а после долгой паузы раздумчиво спросила:

– Почему ты ничего не скажешь?

– Разве это важно, если я скажу, что разделяю многие ваши мысли? Вам нравится говорить о великих, фрау Марта. И о тех, о ком после смерти говорят хорошо, и о тех, о ком говорят только негативно. Ну что ж, в стране, где я живу, по разному отзываются о Сталине. Чаще негативно. Но, как говорите вы, кто может судить, что это за личность? С одной стороны – тиран. А с другой – он всего лишь дал людям возможность проявить свои самые негативные стороны. Дал возможность для раскрытия самых низменных инстинктов своих сограждан.

– Монархия и Православие направляли сердца и помыслы подданных Российской империи на божественное, чистое созидание. Но пришел Дьявол, и мир перевернулся... – фрау Марта поднесла к глазам чуть смятый платочек и промокнула затекающую в морщинки влагу.

– Те же люди, – продолжил свою мысль Иван, – что с согласия Сталина творили беспредел и беззаконие, после смерти вождя обвинили его одного во всех грехах. А где они? И кто они сами? А они обозначили самих себя в советской истории «жертвами сталинского произвола». На поверку, им оказалось выгодно сначала быть нелюдями, убивать и грабить, издеваться и держать в страхе всех и вся, а после смерти вождя причислить себя к ангелам и жертвам.

– Но к *жертвам* не своих низменных бесовских инстинктов, а к жертвам Личности, избранной ими, оставшимися в живых, как искупительная перед истинными жертвами Жертва. Это очень выгодно негодяям, не правда ли?

Пока он мысленно повторял ее фразу, вдумываясь в заложенный фрау Мартой глубокий смысл, она вновь поднесла к глазам зажатый в сухом кулачке платочек. После короткого молчания, старушка продолжила:

– Мне кажется, они были очень близки: Сталин и мой патрон. Конечно, я не знаю близко советского вождя, а вот своего патрона я знаю с самых первых дней, когда он только стал у власти и после, когда его судьба отвернулась от него. Он остался не у дел, одинокий, изгнанный, Жертва – для таких, о ком мы с тобой говорим. И если бы не его жена, он бы не смог примириться с той ролью, которую ему уготовили после его... отречения, ухода, бегства... все равно как назвать этот процесс превращения в *злого гения человечества*. В той атеистической стране, в которой ты живешь, уверовали, что он антихрист; а он всегда верил в Бога, в Создателя, который живет в каждой душе. Разве не во славу Господа искал он Чашу Грааля? ...не во имя Создателя уповал на Копье Судьбы, ища виновных в распятии Сына Божьего? И разве не с крестом он пошел против богоборцев?

Фрау Марта в тот вечер была явно чем-то расстроена, или растрогана, а может, чудесный предзакатный вид пробуждал в ней излишнюю сентиментальность, только она вновь промокнула глаза. И только тут Румянцов заметил вышитые вензелем на шелковом платочке слова: *Frau Marta – W.G., E.G.; Фрау Марте – В. Г., Е. Г.* Она заметила внимательный взгляд собеседника и, словно отвечая на немой вопрос, сказала:

– Этот платочек они мне подарили, как символ верности и любви.

Затем, продолжая исповедь, – не за себя, а за тех, кто подарил ей бесценную безделицу, – погруженная в давние воспоминания, изрекла:

– ...не найдя символов Спасителя Нашего, он нашел символ своего личного спасения – свою Чашу, свой сосуд любви и благословения, свою Аве-Марию. На земле немало людей несут тяжкий крест, каждый за что-то свое. А каков же его крест, если мир перевернулся и обвинил его одного в десятках миллионов трагедий, которые он якобы совершил? И что, получается, что все остальные – ни при чем?! Возводя хулу на своих вождей, мы подтверждаем, что мы сами все – нечистый сброд.

Неожиданно для Румянцева пожилая фрау прекратила философствование, и, коротко бросив «*Gute Nacht, auf Wiedersehen*»; *Гутен нахт, ауф видерзеен; Спокойной ночи, до свидания*, – оставила его одного в апартаментах.

Несколько дней Ивана никто не посещал, никто никуда не приглашал, лишь изредка, в определенные часы и минуты, раздавался

звонок телефона, и приятный женский голос по-немецки произносил:

– Tisch ist gedeckt (Стол накрыт)!

Остальное он делал автоматически: мыл руки, выходил в коридор и шел в столовую. По установленному здесь обычаю, проживающие в гостинице завтракали в апартаментах, но обедали и ужинали в гостиничной столовой. Тогда как *гость приглашенный* Иван обедал и ужинал в доме хозяина, пройдя по уложенным плитам метров 50–70 вверх, и очутившись в гостевой зале. Никто, кроме самого хозяина и хозяйки не давал гарантию, будет ли гость сидеть за столом в полном одиночестве, или увидит их рядом с собой.

Обеденная зала была выполнена в стиле ампир, на стенах светильники наподобие факелов, посередине – большой белый эллипсообразный стол с белыми креслами вокруг. Иван Румянцов сел на свое, строго кем-то установленное место, и все съедал. Он всегда был одинок в этом таинственном зале. Оставляя посуду на столе, гость не забывал негромко произносить непонятно кому благодарное «данке шен», прежде чем уйти.

Однажды раздался звонок, и милый голос пригласил его к полднику; но прежде чем повесить трубку, он услышал хриловатый голос фрау Марты, попросившей его *захватить в столовую пароль*.

Горячо любопытствуя и предвкушая некое свершение, даже, возможно, завершение его пребывания в этом чудном пустынном раю, капитан 1-го ранга и ведущий референт Арсения Алексеевича Архимандритова взял лежащий на столике контейнер и пружинистой походкой, чуть быстрее, чем обычно, прошел в столовую.

На столе был сервирован полдник: сок, теплое молоко, брикетки масла, икра, сыр и пирожные. Но вместо одного прибора на белоснежной поверхности стола находилось еще два.

Румянцов сел за стол в ожидании. Неожиданно справа от него отворилась дверь и оттуда вышла красивая пожилая женщина; невзирая на возраст, она сохранила свою красоту, и, наверное, душевную щедрость. Ее взгляд был исполнен тепла и благочестивого спокойствия.

Она вошла, ступая прямо, подошла к креслу с высокой спинкой, и в это же время к ней приблизился неизвестно как и откуда появившийся мужчина преклонных лет, с редким седым волосом. Он был сутул и даже чуть сопел, так тяжело давалось ему дыхание. Лицо

мужчины было иссечено морщинами, столь глубокими, что казалось, что это какие-то рвы и траншеи на карте человеческого лица. Невзирая на явную немощь, он сухими узловатыми руками с черными старческими пятнами на кистях отодвинул стул и негромко произнес:

– Bitte, liebe Eva. Setz dich bitte (Пожалуйста, дорогая Ева, садись).

Она с вежливой улыбкой ответила «Данке шен», и села. Он стоял за ее спиной, напротив Румянцова, остановив взгляд на предмете, принесенном гостем с собой. Затем, подняв глаза, поздоровался:

– Guten Tag. Его спутница словно продублировала:

– Guten Tag.

Приветствие сорвалось из ее сохранивших естественные очертания губ с каким-то удивительным придыханием и волнением. И Румянцов, не отдавая себе отчета, встал, обошел вокруг стола, подошел к старику и, отодвинув стоявшее рядом кресло, предложил: «*Прошу вас, присядьте; Setzen Sie sich bitte*», и добавил: «*Я рад вас видеть; Ich freue mich, Sie zu sehen*».

Женщина приподняла правую руку, в одно мгновение Иван взял ее руку в свою и осторожно прикоснулся губами к ложбинке, где средний палец соединялся с безымянным. Теплая сухая рука Евы подрагивала. Она что-то прошептала своему спутнику, после чего тот, извинившись, сказал:

– Ich bin alt, deshalb verzeihen Sie mir bitte, dass ich nicht aufstehe... (Я стар, вы мне простите, встать не буду...) – И протянул руку для мужского рукопожатия.

Невольно, но как истинный офицер, Румянцов занял положение «смирно», приложив руки плотно к бедрам, а затем быстро отреагировал на протянутую руку. Он ощутил слабое рукопожатие и влажность холодной по-старчески дрожащей ладони. Что пронеслось в мозгу этого старика; воспринял ли он себя в этот миг прежним; кто вообще мог иметь честь видеть его тут в *его* старости?!

Румянцов проследовал на свое место, взял лежащий на столе контейнер и протянул мужчине. Чувствовалось, что он охотно взял его в руки; а открыв, вытащил семь работ, семь небольших акварелей и долго всматривался в каждую, учащенно дыша, а затем поочередно передавал их Еве.

Мужчина явно расчувствовался; а она, наклонив седую голову к плечу, залюбовалась козленком, зовущим кого-то из высокой травы.

Потерянный, растерянный малыш...

– Man sagte mir, – наконец произнес он, – dass Sie sich mit meinem Generalfeldmarschall von Manstein getroffen hatten. Und es scheint mir, dass Sie meine Soldaten achten (Мне сказали, что вы встречались с моим генерал-фельдмаршалом фон Манштейном. И мне показалось, что вы чтите моих солдат).

Его реплика не требовала ответа, и Румянцов лишь молча почтительно кивнул.

Затем, пожелав всем приятного аппетита, старик откусил два раза ломтик сыра, затем поверх ломтика положил немного икры и отправил в рот. Его спутница выпила лишь сок, оставив немного на дне. Еще минуту – другую он тоже пил сок, тяжело дыша.

Женщина поднялась первой. И в ту же секунду в нише за ее спиной приоткрылась створка, и оттуда вышел молодой человек в белоснежном костюме. Он, едва прикасаясь, помог старику привстать, отодвинув его стул, после чего Ева взяла мужа под руку, и, обращаясь к Румянцову, сказала:

– Essen Sie jetzt bitte. Und wir werden schon gehen und ausruhen. Vielen Dank, dass Sie uns besucht haben (Вы кушайте, наконец. А мы пойдем отдыхать. Спасибо, что вы навестили нас).

И пока они неспешно удалялись, Румянцов подавлял в себе огромное желание *испытать истории*... Конечно, он понимал, что за ним наблюдали, возможно, даже снимали на пленку, а он сказал просто по-русски: «Наплевать», – затем потянулся через стол, взял стакан, из которого пила спутница хозяина, и, ощутив как неистово бьется сердце и вся спина покрылась испариной, прикоснулся губами к тому краю, откуда она пила, и, медленно наклонив стакан, смакуя, по капле выпил остаток.

Он и вправду физически ощутил прикосновение ко Времени, к судьбам тех, кто занимает первые строчки в ряду вершителей Мировой Истории.

Глава 42

Экипаж капитана 1-го ранга Олега Андреевича Островского после непродолжительного отдыха собрался в отеле для подводников «Барракуда».

Неделю назад их АПЛ – пройдя сквозь Дыру Времени и Пространства – спроецировалась в гроте у южной оконечности Латиноамериканского континента. Подводники, – каждый по-своему, но все одновременно – почувствовали, что их длительное путешествие закончилось. Информация о том, что чудовищные расстояния они вместе с лодкой преодолели за доли секунд, в их сознании отсутствовала. И когда кто-то пытался припомнить последние дни и часы плавания, его мысли словно перескакивали через некий провал.

Некоторые офицеры и матросы АПЛ, потрясенные увиденным на секретной базе, куда они прибыли и где находились уже семь дней, делились впечатлениями, сидя в уютном баре своего отеля. Служебный день закончился. Командир и его оба старпома беседовали в номере, наслаждаясь свежими фруктами и экзотическими на вкус прохладительными напитками. Никакие мысли не обременяли их сознание; здесь все – и воздух, и обстановка, и невидимая и не ощущаемая ими энергетика воздействия способствовали приятной релаксации.

Неожиданно в дверь номера постучали; вошедший дежурный по экипажу офицер доложил, что со штаба форпоста потребовали явки к командующему командиру экипажа АПЛ.

Островский поспешил к командующему форпостом, а, прибыв, представился и доложил о готовности своего экипажа к выполнению поставленных задач. Но, как показалось Островскому, командующий отнесся к его докладу с безразличием, зато любопытствовал:

– Когда вы в последний раз встречались с руководителем экспедиции, находившимся на борту вашей подлодки?

Не задумываясь, офицер ответил, что это было ровно неделю назад, когда они отшвартовались в гроте у пирса, и капитан 1-го ранга Румянцов вместе со своими сотрудниками ушел в техническое здание.

Ответ полностью удовлетворил командующего; он не стал развенчивать и подвергать сомнениям эту крепкую убежденность. Даже если бы он сейчас сказал, что у Островского имеется провал и его уверенность *липовая* – командир АПЛ капитан 1-го ранга Островский ему бы никоим образом не поверил.

* * *

Иван Румянцов старался не рассуждать, а принимать все как есть, чтобы *крыша не поехала*, чтоб жить в реалиях прагматично, твердо, прямолинейно, без всяких там сантиментов, которые мозг размягчают, лишают разума в самые критические моменты.

Он вернулся в Москву из Патагонии, сделав несколько пересадок в аэропортах разных стран. В столичном аэропорту его встретил адъютант, и когда они садились в «Волгу», он кивнул в сторону задней дверцы. Румянцов понял, что в салоне автомобиля кто-то есть. Были сумерки летнего вечера, насыщенного жарой и смогом мегаполиса, и он не сразу заметил, что это женщина. Она сама открыла дверцу изнутри и протянула к нему прекрасную руку.

Шикарно одетая и надушенная Рогнеда Павловна излучала бодрость и немеркнущую красоту. И, возможно, это было самое мудрое: прислать за ним женщину...

– Ну-ну, – отчего-то капризно проговорила сценическая прима, – не стойте же. Садитесь.

И когда Румянцов сел рядом, привычно перешла на «ты». Она что-то щебетала ему, приближая ярко накрашенные губы прямо к уху; то пересказывала приятные светские сплетни, то таинственно шептала милые слуху имена; но Иван, обволакиваемый ее говорком, шепотом, запахами, ее присутствием, словно бы находился в другом измерении. И она это знала! Потому и была здесь...

* * *

Арсений Алексеевич Архимандритов, имевший в своем ведомстве для работы несколько дворцов, напоминавших о великой эпохе

Российской империи, пригласил своего ведущего референта в одно из этих чудесных строений. Капитан 1-го ранга Иван Румянцов прибыл во дворец, благодаря пожеланиям босса сохранный в изумительном состоянии в одном из переулков Первопрестольной.

Без лишних разговоров Архимандритов посадил его на стул подле себя и предложил принять по рюмочке божественного коньяка от «Луи XIV». Все было, как прежде, и вместе с тем все было уже не так... Интересно, с каким настроением, с каким душевным состоянием прибывал Папа Сеня после подобных путешествий? И как он жил среди *человеков*, нося в себе истинные знания, способные повернуть мир, заставить мир идти по иному пути развития?!

Пребывание в потрясении – слабое понятие для того, чтобы хоть как-то передать внутреннее состояние Румянцова; так сознание йогов, когда их тела в процессе левитации парят над поверхностью земли, погружается в продолжительный сон *наяву*. Иван не пытался определить: он присутствует в текущих событиях или нет; живет или дышит, спит или чувствует.

И даже когда босс, самолично налив янтарный напиток в широкие хрустальные бокалы с неизменным бриллиантом на толстом донце, предложил выпить, его ведущий референт только машинально кивнул головой.

Они выпили; раз, другой ...и третий. И живительная влага, казалось, понемногу приводила Ивана в чувство. Арсений Алексеевич улыбался; возможно, он даже был искренне рад видеть своего офицера живым и здоровым. Не зря ведь некоторые завистники поговаривали, что босс симпатизирует каперангу.

– *Теперь и ты будешь жить как бы в нескольких мирах*, – спокойно сказал босс, и тем самым причислил Румянцова к череде избранных. И добавил:

– Считай, что экспедиция «Снежный юг» завершилась... завершилась успешно, даже если ее конечный результат зависел вовсе не от нас.

– Есть считать завершившейся! – Румянцов вытянулся возле своего стула. Арсений Алексеевич махнул маленькой холеной рукой, показав пальцами с ухоженными и покрытыми бесцветным лаком ногтями на сиденье и стол. Капитан 1-го ранга опустил на свое место, и, следуя жесту босса, налил в пустые бокалы коньяк.

Они беседовали более часа; причем, как чаще всего бывало, говорил в основном Арсений Алексеевич.

Архимандритов – следуя одному ему известной последовательности изложения, – рассказал референту, что в середине мая 1941 года в 7.30 утра по московскому времени советскую границу со стороны Германии, пролетев над Белостоком, пересек трехмоторный немецкий самолет «Ю52». Пролетев над Минском, транспортный самолет продолжил полет к Смоленску, и далее в глубь СССР. В тот день стояла теплая, солнечная погода, все было тихо и спокойно; и наземные станции ПВО не объявляли тревогу и не наводили на нарушителей перехватчиков, а, связавшись с «юнкерсом», корректировали его курс и высоту.

Оставив позади Смоленск, самолет взял курс на советскую столицу и в 11.30 вошел в зону ПВО города Москвы.

Пилот, прекрасно ориентировавшийся в сложной инфраструктуре окрестностей советского мегаполиса, уверенно зашел на посадку тушинского аэродрома. Комендант аэродрома полковник Аникитин, увидев заходящий на посадку самолет с немецкими опознавательными знаками, встретил его приветливым взглядом. Развернувшись в конце полосы, самолет заглушил двигатели и, сверкая в лучах солнца блестящими фарами и бамперами, к нему подъехал черный «форд». Из автомобиля вышел человек в дорогом костюме и шляпе. Он поднялся по трапу в самолет, а вскоре появился, неся небольшой, из крокодиловой кожи, портфель. «Форд», приняв назад своего пассажира, мгновенно покинул аэродром, и в сопровождении другой легковушки помчался к Москве.

Спустя короткое время «юнкерс» взлетел и, пройдя обратный путь строго придерживаясь маршрута, растворился в воздушном пространстве Германии.

В то время существовали особые отношения СССР с Третьим рейхом. И прилету немецкого самолета потребовалось какое-то объяснение. В недрах ЦК партии был инициирован, а позднее издан специальный приказ с грифом «Секретно» наркома обороны за № 0035 от 10 июня 1941 года. Где подчеркивалось, что в связи тем, что никаких мер к прекращению полета 15 мая сего года несанкционированного рейса самолета Ю-52 не было принято, виновных следует наказать. Начальнику штаба ВВС генерал-майору

авиации Володину и заместителю начальнику 1-го отдела ВВС генерал-майору авиации Грендалю за содействие полету «Ю-52» в Москву и разрешение его посадки на тушинском аэродроме было объявлено... замечание. Правда, спустя некоторое время оба генерала будут арестованы, а позднее – расстреляны, чтоб навсегда забыли о том, что знали.

Этим внереисовым «Ю-52» было доставлено личное письмо фюрера советскому вождю.

Арсений Алексеевич не стал продолжать беседу, а, открыв лежавшую возле него кожаную папку и достав оттуда какой-то документ, пододвинул указательным пальцем чуть тронутый временем лист бумаги в сторону своего референта. Это явно было письмо из прошлого.

Иван Румянцов не стал медлить с прочтением.

«Уважаемый господин Сталин!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства.

Как Вам хорошо известно, я давно принял решение о проведении серии военных мероприятий для достижения этой цели.

Однако, чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе не популярна любая война, а война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами – трагическим событием. Не скрою, что я думаю также, и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир, убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на острова и окончательного сокрушения этой страны.

Однако, английская разведка стала ловко использовать в своих целях положения о «народах-братьях», применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде. Поэтому оппозиция моему решению

осуществить вторжение на острова охватила умы многих слоев немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства. Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, г-н Гесс, я полагаю, в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, еще раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самым своим невероятным поступком. Судя по имеющейся в моем распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие от древних дворянских корней. Эти генералы, не понимая всей недопустимости подобных взглядов, когда их стране навязана война, пытаются сделать что угодно, чтобы сорвать планы вторжения в Англию.

В этой связи особую тревогу у меня вызывают следующие обстоятельства.

При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах, вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства и нашими особыми обязательствами по совместным делам в южном полушарии, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи, и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

Таким образом, без нашего желания, а исключительно в силу сложившихся обстоятельств на наших границах противостоят друг другу весьма крупные группировки войск. Они противостоят в обстановке усиливающейся напряженности слухов и домыслов, нагнетаемых английскими источниками.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможности случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что

явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным.

Я опасаясь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце.

Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на Запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших свой долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны каких-нибудь из моих генералов избежать не удастся, прошу Вас, проявите выдержку, не принимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко при личных встречах согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли и сейчас мне навстречу в хорошо известном Вам вопросе, и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на Вашу встречу со мной в ближайшее время или в июле сего года.

Искренне Ваш *Адольф Гитлер*.

14 мая 1941 года».

Прочитав документ, хранящий дыхание времени, и схватив его суть, Иван Румянцов мог пересказать его почти наизусть. Ему не надо было вчитываться в каждую букву, его мозг привычно зафиксировал содержимое документа, все отснял и упрятал в потаенные глубины памяти.

И еще, что знал Румянцов наверняка, так это то, что канал связи между фюрером и вождем являлся личной прерогативой и обязанностью Архимандритова. Так что человеком, который координировал весь перелет «юнкерса» от Берлина до Москвы, и человеком, приехавшим за портфелем из крокодиловой кожи, в

котором лежало тайное послание, – был все тот же Арсений Алексеевич Архимандритов.

Иван Румянцов прочел письмо и протянул его боссу.

– Тот, кто начинает войну, зачастую считает, что война вызвана установлением справедливости, – той, как ее понимает иницилирующая военные действия сторона. Надеюсь, ты согласен с тем, что сколько народов и даже индивидов, столько и мнений по вопросу о справедливости, – играя уголком папки, то приоткрывая ее, то закрывая и прихлопывая рукой, заговорил Архимандритов.

– Да, товарищ секретарь ЦК, – ответил Румянцов.

– Война всегда преследует конкретные цели, одних интересуют деньги и богатства, других завоевание территорий. Те, кто не преследует наживу на чужом горе или перераспределение собственности в мире, глубоко убеждены, что воюют с народом, которому нужно очищение от какой-то болезни, поразившей все социальные слои. Как делали когда-то инквизиторы, очищая общество от ведьм, разврата и педерастии, снимали паразитов с тела общества... Конечно, и инквизиция, и война несет смерть. Но тот, кто идя с подобными помыслами, побеждает, становится национальным героем, личностью, чье имя сохраняется в веках. Но, парадокс: если же он в силу каких-то обстоятельств терпит поражение, свое видение этой личности высказывает победившая сторона, – она делает его преступником мирового масштаба.

– Хотите ли вы этим сказать, что... тот, о ком я сейчас думаю, считал свою роль перед человечеством преступной? Ведь с ним же так поступила победившая сторона?

– Отчего же ты не спросил его об этом? – Арсений Алексеевич потрогал щеточки усов и все-таки ответил: – Он считал свою роль в какой-то мере ошибочной. Впрочем, если ты понял, это его уже давно не волнует. Как говорят, на том свете ответят все, каждый за свое.

Арсений Алексеевич, чуть изогнув уголки губ, саркастически улыбнулся.

– И, если ты понял, у него есть его божественный адвокат от всех нападков – его Ева наоборот – его Аве.

Чтобы привести Ивана Румянцова в полное сознание, вернуть в нем интерес к жизни, босс отправил своего ведущего референта в *закрытый* советский город Севастополь, на отдых.

Иван с благодарностью принял предложение поехать на родину. Летний Севастополь задыхался от жары, но над волнами реяли чайки, по набережной прогуливались полураздетые парочки, молодые мамы выгуливали в тени аллей младенцев, лениво потягивались в нагретой траве тощие крымские коты, трещали сверчки и другие козявки, морские офицеры и матросы, спешащие по делам службы, дополняли привычную с детства картину *счастливой советской жизни*.

И эта привычность, и даже простая обыденность как-то по-новому умиляли и трогали сердце капитана 1-го ранга Ивана Михайловича Румянцова, присевшего отдохнуть в скверике на Ластовой площади у бюста дважды Героя Советского Союза, уроженца города-героя Севастополя, который по окончании Второй мировой войны самым активным образом участвовал в фантастическом разгроме экспедиции американского адмирала у побережья Антарктиды.

Прислушиваясь к голосам проходящих людей, к разговору сидящей на соседней лавочке пожилой супружеской пары, и, словно бы проваливаясь в этот говор и шум, – Румянцов краем глаза вдруг заметил, как справа, сверху опускается к нему фиолетовая полоса. Он почувствовал горячую приливную волну, его тело содрогнулось, пронзаемое приятными ощущениями; он буквально ощутил, как его мозг отделяется от становящегося невесомым тела, и как он сам – собранный в сгусток энергии, – вновь оказывается в том самом месте, которое удивительным образом напоминает ему альпийский редут в Австрии. Его встречает фрау Марта, и проводя по мощеной сиренево-синими плитами площадки двора к стоящему у дома широкому креслу, предусмотрительно застеленному тонким пледом, в который раз напоминает:

– Когда-нибудь они все погибнут в своей *обетованной* преисподней...

И, напоминая, не уточняет, к кому относятся ее слова: то ли к побежденным, отрешившимся от своего вождя, то ли к победившим, проклявшим его...

В какой-то момент раздался щелчок, внутреннее тепло и фиолетовая полоса исчезли. Румянцов понял, что Арсений Алексеевич был прав, сказав, что *«теперь и ты будешь жить как бы в нескольких мирах»*.

Его пребывание в Севастополе только началось, и он, – зная, что возвращение в Москву неизбежно, – во все глаза, и словно бы в захлеб, любит городом и кораблями, стоящими на рейде Севастопольской бухты, некогда открытой талантливым русским моряком вице-адмиралом Клокачевым и носившей тогда красивое название Ахтиарская...